

Л.М. Баткин

ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА
история России
в воспоминаниях,
дневниках,
письмах

Эпизоды моей общественной жизни

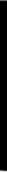

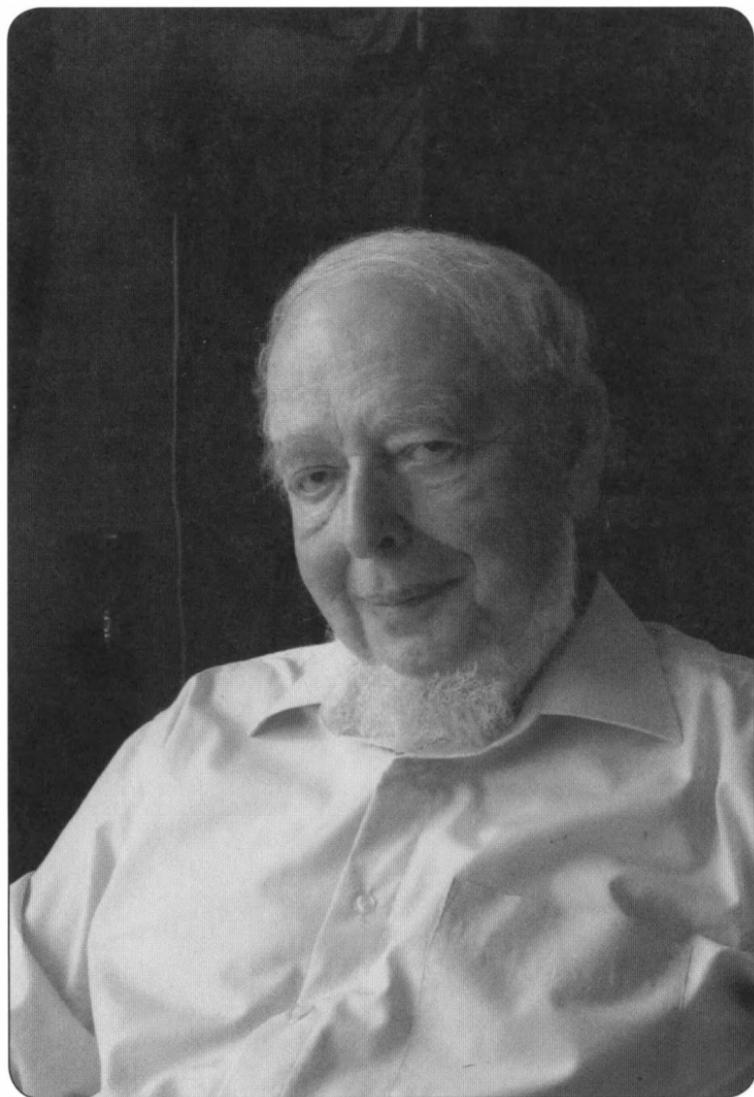

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Веденин Ю.А., Ненароков А.П.,
Полян П.М. (председатель),
Постникова О.Н., Янович Л.С.

ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА
история России
в воспоминаниях,
дневниках,
письмах

Л.М. Баткин

ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)634я14
Б28

*Издано при поддержке
Президентского центра Б.Н. Ельцина*

Баткин, Леонид М.
Б28 Эпизоды моей общественной жизни : воспоминания /
Л. М. Баткин. – М. : Новый Хронограф, 2013. – 264 с. :
ил. – (Серия «От первого лица: история России в
воспоминаниях, дневниках, письмах»). – ISBN 978-5-
94881-212-0.

В этой книге – известный историк, публицист, общественный деятель рассказывает о том, что было важным в его общественной жизни, о чем в состоянии рассказать только он. «Эти подробности, однако, могут оказаться любопытными даже в историческом плане». И это так. В 1988–1991 гг. он был одним из руководителей «Московской трибуны», в 1990-1992 гг. участвовал в деятельности движения «Демократическая Россия».

Предназначается всем, кто способен думать и анализировать.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-212-0.

© Баткин Л.М., 2013

© Издательство «Новый Хронограф», 2013

Несколько вступительных слов

«Политика насильно врывается
в мое сердце, которое живет не ею или,
по крайней мере, пытается жить не ею».

*Николай Гаврилович Чернышевский
в письме к умирающему Некрасову*

Я много лет, несмотря на настояния некоторых друзей, никак не решался взяться за эти слишком уж эгоцентрические воспоминания. Хотя традиция непременно требует от стариков, чтобы они вспоминали. Может быть, потому, что подчас ни к чему иному они уже не пригодны.

Все-таки приступаю.

Дело в том, что моя общественная жизнь сложилась довольно своеобразно. Случались важные вещи, о деталях которых в состоянии рассказать только я. Эти подробности, однако, могут оказаться любопытными даже в историческом плане.

Для кого? Посмотрим, если успею довести текст до публикации. Вряд ли для граждански активной молодежи, от которой столкновения Горбачева с Лигачевым далеки, почти как пред-

революционное столкновение Ленина с Троцким. Или как стрелецкие казни по возвращении Петра Великого в Москву...

В моих отрывочных заметках не будет почти ничего *только* личного. Ничего интимного. Так это и значится в названии. Не могу, однако, поручиться, что читатели не встретят несколько исключений из этого правила. Просто мне так хочется. Потому что больше ничего (кроме, надеюсь, научных работ и публицистических заметок) публиковать мне уже не доведется. Вообще, отодрать в глубине самосознания интимное от общественного в определенных ракурсах трудно.

Тем не менее, я собираюсь писать именно о политических делах и впечатлениях. О событиях, хотя и общеинтересных (по крайней мере, с 1988 года), как меня уверяли те, кому я кое-что рассказывал в застольях, но притом о впечатлениях исключительно в конкретном и все-таки очень личном плане.

Это произошло, как до сих пор ни странно мне, именно со мной.

Это наблюдал либо в этом участвовал непосредственно я. Так действовал – я. Слегка неловко, и приходится извиниться за то, что наиболее самонадеянное из местоимений будет здесь мелькать на каждом шагу.

Поскольку в годы перестройки иногда мне удавалось как-то на что-то из происходившего повлиять, в воспоминаниях может невзначай и

невольно появиться оттенок завышенной самооценки. Не дай бог. Я не собираюсь *оценивать* свою крайне скромную роль в напоре исторических событий, свидетелем или активным участником которых мне выпало быть. Это неважно, и об этом, во всяком случае, судить не мне. Я буду излагать только факты, за каждый из которых ручаюсь честью. Только те факты, которые помню отчетливо.

Будет, очевидно, и некое выношенное историко-политическое моралите, которое подытоживает собственный политический опыт. Но это – в конце.

Если изредка в описаниях или хотя бы в их интонациях проглянет и личное восприятие фактов, даже настойчивые мнения относительно хода событий и конкретных лиц, такая неизбежная субъективность, надеюсь, сразу будет заметной. И читатели смогут легко сделать на нее поправку. Начисто обойтись без собственного восприятия и оценок в подобных сюжетах, как всем понятно, невозможно. Я был и остаюсь не столько наблюдателем, сколько участником.

Я пишу отнюдь не историческую хронику своего времени. Практически не буду касаться некоторых важнейших событий в жизни России, которые я, подобно очень многим людям, всей душой переживал, но – пассивно, не будучи к ним деятельно причастным.

Пишу, повторяю, не о том, что было по необходимости пропущено через мою, так сказать, гражданскую душу. Тогда миллионам людей пришлось бы тоже писать воспоминания, которые простирались бы чуть ли не на весь мир, который они застали. Что, между прочим, было бы крайне поучительно.

Все мы так или иначе дышали одним отравленным политическим воздухом. Впрочем, как известно, далеко не все дышавшие с этим теперь соглашались. Их легкие выдерживали. Крепкие люди! (Между прочим, если это касается людей простых и работающих, часто искренних и достойных, то это совершенно отдельная тема.)

Я пишу лишь о тех бурных течениях, по которым или чаще против которых выплывал собственной персоной. О некоторых занятых эпизодах. О крайне важной, хотя и далеко не самой важной для меня, части именно моей судьбы.

С юности я твердил (и где-то уже писал об этом) прекрасные слова Чернышевского (приводимые по памяти), которые сделал эпиграфом к своим записям. Эти пронзительные строки хороши еще и тем, что их могло бы точно так же поставить эпиграфом к пережитому немалое число других людей. Ушедших или еще живущих.

Сейчас далеко не самый удачный исторический и психологический момент для публика-

ции настоящих записей. Хотя намереваюсь не только рассказать о минувшем, но и довести воспоминания до 2012 года.

Некоторую очень скромную роль в перестроечной сумятице я сыграл, благодаря цепочке замечательных случайностей. Правда, я внутренне был к ним готов.

Эта банальность, наверно, относится к любой «линии жизни». Ею правит случай, пересекающийся с индивидуальным характером.

Мне повезло на времена, события и людей. Скучать никогда не приходилось.

Скучно только стареть, это всех, увы, застает врасплох. Борьба со старостью невозможна, но можно попытаться и в ней отыскать некие преимущества, договориться с нею по-хорошему.

Следует добавить, что о параболе профессиональной и интеллектуальной (кроме последних лет) написано в работе «Историк о себе», которую можно найти в моем сборнике «Пристрастия» (М.: РГГУ, 2002). Хотя и там я попутно, по мере необходимости, касался некоторых, по существу, политических тем. А как иначе? Меня увольняли, я два раза по году сидел без работы, меня вновь зачислили на службу и держали под надзором в академическом Институте всеобщей истории, не печатали и не пускали за рубеж, притом не то что в почти родную и до 56

лет не увиденную Италию, но даже и в ГДР, где по случаю удалось втихомолку опубликовать первую зарубежную книжку. Я не был диссидентом, но дружил с некоторыми из них. Находился среди тысяч и тысяч глухо «невыездных».

Короче, все профессиональное было естественно переплетено не только со встречными житейскими обстоятельствами, но также с обстановкой в стране и личными общественными позициями каждого человека.

Постараюсь к ранее упомянутому в «Пристрастиях» не возвращаться.

Глава первая

Начинаю «оглядываться окрест себя»

1

Незачем, само собой, повествовать об эвакуации в Оренбург и Кзыл-Орду. Ведь эвакуация была почти одинаково тяжелой у всех. Мама увезла меня девятилетним мальчиком из Харькова, на который уже начали падать бомбы.

Именно с этого момента, то есть с осени 1941 года, детские воспоминания – как и у всех, поразительно яркие, но у меня оставшиеся очень отрывочными, – начинают превращаться в почти непрерывный и рельефный пунктир¹.

¹ Рискну привести в примечании чересчур уж длинный, но зато довольно характерный и точный отрывок из моих детских стихов из оборвавшейся посередине поэмы со вселенским, безразмерным, забавным названием «О том, что было, и о том, что будет» (примерно, 1943–1944 годы).

«И вот я в теплушке, телами скован, / Колеса отстукивают нотацию. / Так вот что такое эвакуация – / Длиннющее, гадкое, емкое слово. / Закрыв глаза, и поплыли огни: / И красный, и желтый, и синий. / Летящий вагон под ногами дрожит. / Мне жарко, но руку мою леденит / На стенке таящийся иней. / Мне плохо, мне душно, мне нечем дышать, / И к стен-

Эвакуация провела между довоенным детством и детством военным отчетливую раздельную черту. До 1941-го я вращался в античную мифологию (по книге Куна) и был, как и полагается, очарован Лермонтовым в детгизовском томике. Поэт к тому же стал для меня родным «Мишелем» из предисловия Эйхенбаума. Вон тот самый томик – через семьдесят лет все еще напротив меня, на полке.

После 1941-го, оставаясь, конечно, сущим ребенком, быстро вырос, ежедневно передвигал по карте флажки, обозначавшие линию фронта, перетаскивал купленные мамой торфяные кизяки в подвал и отправлялся затемно к булочной, чтобы занять какое-нибудь (скажем,

*ке прижавшись вагонной, / Я боль головную стараюсь
унять – / Разбитый, уставший и сонный. / Заплакали
дети: им нечего есть, / Снесут ли всю тяжесть дороги.
/ Одно лишь, одно лишь желание – сесть, / Усесться и
вытянуть ноги.*

*<...> Стою я. Товарный вагон предо мной, / Серый,
угрюмый, как длинный ящик. / А там, позади, беско-
нечно родной / Город, под небом хрустальным спящий.
/ Там, в лабиринте широких улиц, / Дом двухэтажный,
в котором я рос, / Сад, где гулял я. И где промелькнули /
Годы бездумной, коротенькой жизни. / Чувствую: слезы
холодные брызнут. / Город мой, город! Ты стоишь слез.
/ Снова гудок непонятно, грубо / Что-то кричит нам
баском испитым. / Горьки минуты, касаются губы /
Милой знакомой щеки небритой. / Папа – и плачет! Не
хочется верить. / Мирное детство кончается здесь. /
Страшно мне, жутко становится лезть / В черную
пропасть раскрывшейся двери».*

654-е...) место в очереди за скупом нормированным хлебом. Мне писали номер на ладошке, облюнув чернильный карандаш.

Далее. Стоит ли вообще писать не только напрямую о политике, но и о последующей харьковской полосе, о послевузовской деятельности, то есть о нетривиальных локальных событиях и впечатлениях, которые при приложении к ним большого масштаба выглядят малозначительными?

Но, во-первых, именно они психологически подготовили меня к московским и перестроечным поворотам. Во-вторых, я хочу мысленно вернуться к людям, с которыми проживал молодость. Они у меня перед глазами. В этом плане хочется добавить к общественным впечатлениям малую толику лирики.

2

Каковы мои ранние социальные впечатления, если отбросить в сторону пустышки, вроде того что в Кзыл-Орде, когда бежал «домой» из третьего класса, орава мальчишек гналась за мной с криками «жид!». Вижу эту картинку до сих пор. Но антисемитизм не будет занимать автора настоящих воспоминаний. Не потому, что соответствующих эпизодов, подчас коверкающих существование, в моей биографии не было.

Начну с того, что мои любимые бабушка Роза и дедушка Яков погибли вместе со всеми артемовскими (бахмутскими) евреями в отработанных алебастровых шахтах. Немцы там их **замуровали**. Трупы в предельно сухом воздухе хорошо сохранялись. И когда пришли советские войска, сбежавшиеся жители увидели тысячи своих соседей неразложившимися. В тех позах, в которых их настигла смерть.

Детское воображение было потрясено – да и какое воображение не было бы потрясено! – их гибелью заживо. Я сочинял в отрочестве стихи о том, «как они умирали». Я тогда еще не читал дантовского «Ада». Но на такое даже у Алигьери не достало бы фантазии.

А родители отца просто безвестно сгинули после эвакуации из Полтавы.

Не стану касаться впредь и отечественного – государственного и бытового – антисемитизма. Повторяю, не потому, что он меня не затрагивал. Это было бы просто физически невозможно. И в подростковых стихах, уже после возвращения в страшный разрушенный Харьков, я писал: *«Прошли лойоловы века, / Народ еврейский все страдает, / И ход истории пока / Его судьбу не облегчает. / К семитам ненависть растет / И, что душе всего больнее, / В стране, которая живет / Идеей пламенной еврея».*

Вот так думал советский мальчик.

3

Но понятно, что эта проблема, раньше столь жгучая и поныне не канувшая в Лету, лишь одна из проблем, давивших и русских, и евреев и т.д. И хотя для евреев в СССР, примерно, с 1943 года существовал особый, дополнительный, репрессивный гнет «пятого пункта», дело в общем системном характере режима. Потому я и не стану ниже выделять последствия, в частности для меня, этого «пункта». Полагаю, что мои внешние трудности и неудачи были определены прежде всего полной неспособностью прилаживаться к властям и государственной идеологии. С трудом скрываемой ненавистью к ним.

Отлично помню всегдашнее ощущение, на подкожном уровне сопровождавшее меня, когда я окончательно повзрослел: *они правы*, я втайне преступник, я враг, до времени еще не разоблаченный.

4

Вдруг вспомнился еще один совсем уж пустячок, и в совершенно ином, забавном роде. Даже, пожалуй, милый. Тоже из школьных дней. Я примерно в восьмом или девятом классе стал вывешивать литературную стенгазету, которую целиком заполнял материалом и оформлял сам. Совершенно в одиночку. Как-то, некрасиво вос-

пользовавшись положением главного редактора, поместил там свой уже более складный стишок: *«Новый год я встречал без друзей / И бродил по квартире пустынной, / И смотрел, как огни фонарей / В индеевющем воздухе стынут»*. Дальше что-то о грусти и о том, как смотрел на свет «сквозь золотые ресницы». Дело в том, что ресницы и волосы были рыжими.

В эту стенгазету захотел поместить с разрешения нашего словесника рецензию другой паренек. Забыл нынче, после восьмидесяти, бог знает сколько давнишних, важных некогда для меня имен, но фамилию этого школьного товарища из параллельного класса почему-то всегда помнил: Вайнштейн. А вчера был поражен, найдя в своем архиве хранившийся 65 лет текст рецензента. Он упрекал сочинителя «Новогоднего» в мировоззренческих провалах: недопустимом пессимизме, индивидуализме и самодовольном самовозвеличении. Почему это, спрашивается, ресницы у него «золотые»?

Так я впервые, мальчишкой, оторопело и возмущенно познакомился с соцреалистическими критериями художественной критики.

5

Хочется помянуть человека, который в моем детстве повлиял на меня и долго был мне дорог.

Его звали Борис Исаакович Брон. В дореволюционной юности он учился в Женеве и – что

меня страшно поразило, – когда сидел на мели, подработал в восемнадцать лет чтением на французском языке лекции о Ницше. Он дружил с моими родителями, и на первом этапе эвакуации Б.И. и его семья ехали в теплушке с мамой и со мною (отец, усадивший туда нас всех, остался и потом был на фронте). В Харькове Б.И. служил не университетским лектором, как можно было бы предположить, а завучем в «техникуме зеленого строительства»... Он частенько навещался к нам и отводил душу в очень неглупых размышлениях о характере строя и о пружинах истории партии. О чем именно он толковал, я совершенно не помню, но мыслительную ауру впитал. Рассуждения его, единственного среди всех взрослых, которых я тогда знал, были раскованными и, мягко говоря, неортодоксальными.

Я из уголка жадно слушал и впервые узнал, как теперь выражается В. Кара-Мурза на «Свободе» в анонсах «Граней времени», что «мнения могут быть разными».

6

Последующее относится к годам студенческим, на истфаке ХГУ. Опущу столкновения с комсомольским бюро (я, как было положено, побывал и пионером, и комсомольцем), наблюдения над невыносимо смешным невежеством и дурью некоторых доцентов, вроде декана

Слюсарского и Ивана Яковлевича Мирошников (я называл его «Жан-Жаком») и пр. Опусти тогдашние богатые впечатления от послевоенных преподавателей и студентов.

На третьем курсе вместе со страной узнал о смерти Сталина. Вынужден сообщить, что, зараженный общим настроением растерянности и подавленности (конечно, не горя), я тоже проронил несколько слезинок и, подобно большинству однокурсников, подал заявление о приеме в осиротевшую партию. Так называемый «сталинский призыв» остался эвентуальным, партия благословила патриотические жесты, но не собиралась принимать сотни тысяч простаков.

После окончания с красным дипломом университета в 1955 году меня «распределили» в райцентр Староверовку. В нескольких километрах от железнодорожной станции, с ездой только на попутках. Однако нагрузки по истории у директора не было. Поехал за подтверждением назначения в облоно. Снова появился в Староверовке с новой бумажкой в руках. Тогда директору пришлось сказать, что я-то, отбыв по закону три года, отчаю, а у них есть учительница из местных, с коровкой и пр. Я, вполне убежденный, согласился принять от него официальный документ, в котором значилось, что я работал в староверовской школе с 25 августа по 4 сентября и отчислен по причине отсутствия

нагрузки. Где-то в недрах стола этот идиотский документ валяется до сих пор.

Получить «свободный диплом» было несуществимой мечтой любого выпускника. Я поэтому обрадовался. Тем более, что этим же летом 1955 года я похоронил своего любимого и чудесного отца, юриста Михаила Яковлевича Баткина, скончавшегося в 51 год от лейкемии. И мама осталась в Харькове совсем одна. Я вернулся к моей маме, Евгении Яковлевне. Я и вообразить тогда не мог, что просижу без работы больше года.

Подával бумаги в аспирантуру трех московских исторических факультетов, – меня, разумеется, ни в какую аспирантуру не пустили.

Надо было помочь маме, которая трудилась в трех детских садах в качестве «музыкального работника», зарабатывая 120 рублей. Помочь следовало не только психологически. Было ужасно и стыдно 23-летним парнем сидеть у нее на шее. Я пытался подработать, то переводя врачам итальянские статьи из специальных журналов, ничего не понимая в их содержании, то два или три раза напечатав в областной газете рецензии на местные театральные премьеры. Тем временем пробовал устроиться учителем, где угодно: под Белгородом, в Обоянском районе Курской области (там мне пытался помочь директор МТС и член бюро райкома, мой славный дальний родственник А. Глушковский).

Или получить уже было обещанные мне два часа нагрузки в Харьковской музыкальной школе.

Но все срывалось.

А мне, не говоря уже о зарботке, нужно было устроиться хоть как-нибудь официально, чтобы представить «характеристику с места работы» в питерский университет для защиты. Для оформления кандидатской достаточно было несколько пополнить и прочистить дипломный текст. Помню, решился даже на то, чтобы обратиться за помощью к какому-то члену бюро райкома партии, любовницей которого была неплохо ко мне относившаяся молодая красотка-соседка. Тот с ее подачи принял меня вежливо, участливо расспросил об уже сданном за год безработицы кандидатском минимуме и затем поинтересовался, насколько я знаком с рабочим классом. Ай-ай-ай, почти не знаком? Тогда он предложил мне с годик побыть в бригаде маляров, приобрести серьезный общественный опыт.

Наконец, я отправил в киевское Министерство отчаянную просьбу предоставить мне нагрузку по истории в *любой* школе республики. И вскоре получил ответ на четвертушке бумажного листа: «В школах республики мест по истории нет». Этот не менее замечательный, чем выданный в Староверовке, документ тоже зачем-то сохрнен.

И тогда я решил действовать наверняка. У моего школьного товарища мать работала тоже

в райкоме партии, но машинисткой. Она устроила мне партийную протекцию в большую типографию, которая находилась, что было очень удобно, метрах в четырехстах от нашего дома, за чахлым гоголевским сквериком. Меня взяли учеником печатника. И, как я узнал впоследствии, намеревались в будущем, учитывая мой диплом, перевести в корректоры.

Я стал в перерыв заходить пообедать домой, очень гордясь перемазанной рабочей робой.

А мама, конечно, немного плакала.

Я, хотя и совсем ненадолго, познакомился все-таки с рабочими. Во время перекуров на чудного новичка поглядывали с любопытством и отчужденно. Но когда однажды мой наставник поручил включить огромную печатную машину, а я, сразу двинув рукоятку до упора, машину грубо заporол, мне никто не сказал ни слова, переналаживая ее. Мне понравился рабочий класс. И я романтически надеялся со временем сойтись с печатниками. Кроме того, я был человеком не без воображения и юмора, и мне льстила мысль, что я скоро стану единственным в стране рабочим, защитившим медиэвистическую диссертацию (об истории Флоренции и взглядах Данте).

Не получилось. То есть, диссертацию в 26 лет я весьма успешно в Питере защитил, но не в качестве печатника. Мой рабочий стаж составил всего-то месяц или два. Вдруг узнал, что

в консерватории открылась вакансия по итальянскому языку для вокалистов, потому что преподавательница переехала в Ленинград. Отмылся, переделся во все чистое и явился на прием к проректору Т. Веске. Детсья им было некуда. Хотя в приложении к диплому никакой итальянский не значился, я учил его самостоятельно.

Года через два или три оказалось, что на кафедре марксизма-ленинизма требуется преподаватель обширного 72-часового курса эстетики. Никто в Харькове читать его не решался и на это место не претендовал. А я уже стал, как никак, кандидатом наук. И меня опять взяли. Эстетика и стала до конца жизни в Харькове действительно существенным для меня и увлекательным поприщем.

7

Отступлю немного назад. Шел 56-й год. ГрЯнул доклад Хрущева на XX съезде. Мне, тогда еще безработному, удалось проскользнуть в зал оперного театра на Рымарской, где собрали пораженную общественность для соответствующих разъяснений. Выступил секретарь обкома. «Нас отучали мыслить, товарищи, мыслить, а ведь в этом состоит отличие человека». Он был прав, хотя услышать такое от него... Я-то знал по богатому университетскому опыту – как отучали.

У меня и раньше в голове было достаточно ереси. Но, подобно миллионам людей, для меня совершенно новый отсчет политического сознания начался именно с этого исторического момента.

Позже я, как и все, получил возможность составить отчетливое представление о том, на каком интеллектуальном и моральном уровне находился сам видный соратник Сталина и его разоблачитель, «дорогой Никита Сергеевич».

Для этого оказалось достаточно сходить в кино. Не припомню, в каком году, каким американским журналистам и по какому поводу Никита Хрущев давал пространное интервью. Фильм, запечатлевший это, вышел на экраны. Такого не случалось никогда – ни до, ни, кажется, после, – вплоть до горбачевских времен. (Перестройка началась не с «ускорения» и даже не с «общечеловеческих ценностей», а с того, что Михаил Сергеевич заговорил без всяких бумажек.) Теперь-то понятно, что фильм, в котором изъяснялся Хрущев, не мог быть вполне прямым эфиром, но все же... Или это зависело также от иноземных журналистов? Возможно, американцы и участвовали в съемке? Не знаю, это ведомо только специалистам по «оттепели».

Так или иначе, отмыть добела нового всевластного генсека оказалось безнадежной затеей. Я был потрясен, поскольку все еще разделяя

то наивное представление, что люди на самой вершине властной пирамиды, во всяком случае, грамотны и умны, – иначе как бы они туда добрались. И вот я впервые, впечатавшись в сидение, слушал голос с самого верха. И раз и навсегда понял, какого уровня лица правят историей России. Было о чем подумать. Много позже, когда виднейшие перестройщики с подъемом отмечали юбилей Хрущева, я откликнулся большой едкой статьей в «Новом времени». Теперь мы и вовсе накопили по поводу культурного уровня наших правителей богатейший опыт.

Впрочем, ныне они иногда вполне грамотны, хорошо обучены, иногда говорят и на иностранных языках. Кое-кто из них вполне цивилизован! И даже глядится на экране прекрасно. Чего стоит, к примеру, один С. Нарышкин! Это очень важная новость для более или менее усопшей Страны Советов, заслуживающая обсуждения.

Она сопряжена с другими существенными социальными новостями. Чиновники-миллионеры, а совсем наверху – чиновники-миллиардеры! Двести новых церквей в Москве, – правда, новых поликлиник меньше. Не перекрестись – потеряешь должность. Святцы вместо «Краткого курса». Окропление святой водой супермаркетов, ресторанов и чего угодно. «Административный ресурс». «Откат» и «распил». «Карусель» против рассерженных ею жителей, гуляющих по бульварам. По телевиде-

Начинаю «оглядываться окрест себя»

нию надсадно хохочущий гламур. И по ночам мягкое порно. Привычный писк на экране вместо мата. Пьяный поп Тимофей на «кадиллаке», кого-то сбивающий.

Сразу видно, XXI век.

Я отвлекся.

Пока что вел рассказ всего лишь о характерном устройстве советской жизни и о своем не очень гладком юношеском участии в ней.

Теперь же речь пойдет о несколько более примечательных событиях.

Л.М. Баткин. 1960-е гг.

Глава вторая

В Харьковском институте искусств

1

Такое наименование он получил позже, после слияния консерватории и театрального института. Начинать преподавать еще в консерватории. Попал как эстетик на кафедру марксизма-ленинизма, через лет пять стал ее доцентом.

Кафедрой заведовала дремучая, но, к счастью, вялая Логвинова (как я говаривал в коридоре, «партийная кличка – «Бабушка»). В эстетике, как и во всем остальном, она не смыслила и работать не мешала. Еще на кафедре был тоже ранее учившийся на истфаке Юра Нестеренко, человек очень живой, умный, норовистый. И – в качестве совместителя – диамат вел Георгий Николаевич Садовский, Жора. Политические настроения всех троих были, в общем, одинаковыми. С Жорой я крепко сдружился, он брал меня на свою любимую рыбалку, я бывал частым гостем у него. И мы вместе скоро отправились через Одессу, наобум, желая порыбачить где-то на Дунае. Как потом уточнилось, на Днестре. Храню незабываемые юмористические воспо-

минания об этом совершенно необычном для меня бесшабашном хулиганском приключении. Жаль, что к теме они не идут.

По возвращении в институте разразился вдруг громкий скандал. Юре вздумалось во время лекции о первобытности, описывая облик дикаря, сказать о густых бровях и для примера указать на портрет Леонида Ильича Брежнева. Студентам лекция понравилась. И Юра отмолил тот же номер на другом потоке. Пошли тайные доносы под копирку одновременно в обком КПСС, КГБ и пр. Юра тут же остался, разумеется, без работы. Позже сняли за недомотр и Логвинову.

Юра был популярен среди студентов, поэтому часть из них создала нечто вроде негласного комитета по его защите. Писали письма «в инстанции». Я же играл роль их закулисного советника. Шансов не было.

Однако дальше произошел поразительный «кадровый» кульбит. Вдруг в обкоме партии возглавить нашу кафедру предложили Г.Н. Садовскому. Он сумел отстоять Нестеренко, ссылаясь на то, что «молодо-зелено», «обычный треп» и т.п., а на будущее лично поручившись за него. Я попросил Жору взять на преподавание «научного коммунизма» моего студенческого друга Борю Ветрова. В итоге, среди шести членов кафедры четверо составили то, что мы, посмеиваясь, называли «малой кафедрой».

Садовский и Нестеренко весьма по-своему читали диамат и истмат, Боря посвящал огромный кусок своего лекционного курса подробнейшему и вдумчивому, следовательно, отнюдь не ортодоксальному разбору столкновений Сталина с «левым уклоном» и «правым уклоном», ставших введением к Большому террору. Он искал корни всего режима на этой развилке.

2

Я же с подъемом углублял достаточно оригинальный и независимый теоретический курс эстетики, основываясь особенно на классических философских текстах, начиная с Аристотеля и кончая любимым Гегелем. Или кантовской «Критикой суждения вкуса». Лекции готовил и читал с большим подъемом. С некоторыми студентами не потерял связи до сих пор.

Создал студенческий клуб «КЛИК» (Клуб любителей искусств). Изредка проводил дискуссии в Большом зале.

Познакомился с известным тогда лишь в пределах узкого круга харьковской интеллигенции инакомыслящим поэтом Борисом Чичибабиным и устроил в том же переполненном зале первый в его жизни публичный вечер. С моим вступительным словом.

Познакомился с молодым андеграундным художником Брусиловским и затеял тоже первую в его жизни выставку в институте. Теперь

Г.Н. Садовский. 1963 г.

это мастер, пользующийся международной известностью.

Я в это время явно процветал... В институте стал «фигурой», ведя семинар по музыкальной эстетике среди профессоров и преподавателей. Стал единственным в Харькове популярным лектором по эстетике, был приглашен вести курс «Истории эстетических учений» в Вечернем университете марксизма-ленинизма при горкоме. Вот такие пироги... Выступал в Центральном лектории города. Передо мной во-

дружили, как было принято, микрофон – для трансляции в кабинет директора и записи. А я его, словно между прочим, отстранял.

3

Но куда необычнее было то, что самым привлекательным для студентов стал... еженедельный «политчас».

Более чем возможно, что такое по всей стране происходило только у нас.

Мы, четверо, усаживались на подиуме в зале и предлагали задавать решительно *любые* вопросы. Мы условились, по известной формуле Вильгельма Либкнехта, не говорить, раз уж это невозможно, все, что мы думали, но и не говорить ничего такого, чего бы мы не думали. Ходили, в общем, по острию ножа.

Мы получали письма от выпускников института, которые могли начинаться словами: «Любимая кафедра...» Каково?! Мы очень гордились и радовались этому. «Малая кафедра» изредка занимала столик в соседнем ресторане и решала за болгарским сухим вином очередные наши проблемы во внешнем мире.

4

Несмотря на двенадцать комиссий за год, включая опасную горкомовскую, довольно долго нам все сходило с рук. Обстановка тогда, непосредственно за падением Хрущева, была еще

Слева – заведующая кафедрой марксизма-ленинизма института искусств и Юрий Нестеренко

несколько смутной. Советская, конечно, обстановка, но до поры все еще чуть разжиженная и непозволительно оттепельно-сорная (если у кого-то сохранялось прежнее желание ее засорять). Я рассказываю о группке провинциальных шестидесятников.

Мне предложили, причем по письменной рекомендации указанной комиссии горкома (!), вступить в партию. Я в кабинете ректора Наха-

бина, в присутствии партийно-административной институтской верхушки, вызванный персонально для разговора на эту тему, публично отказался. Под каким соусом? Под самым тогда тривиальным, хотя и шутовским. Просто я не чувствовал себя вполне психологически созревшим и готовым к такому важнейшему жизненному поступку...

Что ж, дураков – во всяком случае, в этом плане – в кабинете не было. Мы друг друга понимали. Правила игры такое еще разрешали, хотя о продолжении карьеры можно было впредь не думать. Начальство пожало плечами. Ладно, мол, каждому свое. Из шестерых преподавателей кафедры марксизма-ленинизма двое (я и Нестеренко) оставались беспартийными. Логвиновой я с очень серьезным лицом объяснил, что мое вступление в партию подорвало бы на кафедре «блок коммунистов и беспартийных».

Мы с Юрой были еще молоды, искали повод повеселиться и при случае могли вести себя развинченно. Проще говоря, по-мальчишески незатейливо валяли дурака. При стоянии институтской колонны на майской демонстрации мы поместили рядом портреты Маркса и Хрущева (это было еще до его падения) и, как-то нехорошо ухмыляясь, молча переводили взгляды с одного на другого. Последствия, как я узнал гораздо позже, были менее забавными. Мы охотно позволили кому-то сфотографировать

А.М. Баткин на демонстрации в Харькове

сценку на память. Фото попало в КГБ, который впервые взял меня на заметку. Не знаю, но нетрудно предположить, что ниточка потянулась на многие годы вперед, заметно утолщаясь после каждого из дальнейших, уже по-настоящему взрослых обстоятельств.

Не помню точно последовательности событий, которые в 1967 году привели наконец-то к разгону странной кафедры.

5

Была *тринадцатая* комиссия – из Киева, из Министерства. Возглавлял ее доктор философских наук некто Корниенко. Выводы на сей раз были разгромными. Особенно в отношении курса эстетики. Потому что Корниенко тоже был эстетиком, хотя и на несколько другой лад. Я не поленился разыскать реферат его докторской диссертации. Смеху было не обобратиться. Я напечатал в «Вопросах литературы» большую, очень веселую фельетонную статью под названием: «Кто изящней, лошадь или верблюд?» Но это несколько позже.

Тем временем случайно оказалось заложенным в книжке, сданной кем-то из нас в институтскую библиотеку, письмо к кафедре Бори Ветрова... Боря, отбывая где-то краткую военную переподготовку, пресерьезно и озабоченно спрашивал, каковы будут политические придумки «малой кафедры» на ближайший учебный год, кто и как будет себя вести, что можно предвидеть нового и т.д. С названием фамилий и тоном заправского заговорщика.

Я же говорю, что, будучи людьми зрелыми и осознанно-расчетливыми в своих действиях (чего о злосчастной эпистоле, впрочем, не скажешь), мы еще не были биты и осмотрительны. В нашем чрезвычайно продуманном и зрелом общественном поведении была все-таки доля

игры мышки с кошкой. Это не относилось к Г.Н., который был старше остальных лет на шесть.

Борю уволили, исключили из партии. Юру уволили. Жору перевели доцентом в университет. Меня выгнали перед началом следующего учебного года. Очень просто: я вел эстетику всегда на третьем курсе, ее перенесли на четвертый, получилось, что в ближайшем году нагрузки для меня нет, ведь на четвертом окажутся ребята, которые уже слушали меня. Кафедру возглавил Корниенко, тот самый, из комиссии...

В областной газете появился подвал за подписью заведомо науки обкома, фамилию не могу припомнить, а жаль, она была очень выразительной и подходила к обстоятельствам. Говорилось, что в Институте искусств действовала враждебная «сионистская группа» во главе с Баткиным. Ну, конечно, во главе со мной. Ведь я был единственным евреем среди четверых.

В первый и последний раз в жизни я побывал в обкоме. У секретаря по идеологии некоего Юрия Складорова. Тот за три-четыре минуты разъяснил, что в Харькове я не могу рассчитывать на преподавание чего бы то ни было не только в вузах, но и техникумах.

Я заметался в поисках работы в любом городе России. Предлагал свои услуги по истории литературы, просто по истории или по философии и т.д. Мне предстоял во второй раз год безработицы. В «Пристрастиях» я уже расска-

Глава вторая

зывал, как неслыханно мне повезло, несмотря ни на что. Как после моего доклада в новосибирском Академгородке о Бахтине («Смех Панурга и философия культуры») ко мне подошел незнакомый тогда М.Я. Гефтер, и что впоследствии потом.

В конце 1967 года после звонка М.Я. я навсегда расстался с родным Харьковом.

Летом 1968 года после получения московской прописки был принят в Институт всеобщей истории АН СССР.

Глава третья

Первые двадцать лет в Москве

1

Об этом очень долгом и содержательном жизненном промежутке придется вспоминать бессвязными урывками. Была одна и та же общественная позиция, но не было одного сквозного сюжета. Трудно поэтому придерживаться строгой хронологической последовательности.

С чего же повести речь?

Одной из тех, с кем я поначалу тесно сошелся в Москве, была **Евгения Эммануиловна Печуро**. Обязан помянуть ее добрым словом. Как ни грустно, я порвал с ней задолго до ее одинокой кончины из-за выявившейся для меня с течением лет чисто психологической несовместимости. Родом из Витебска, она была фронтовым ветераном, да и позже приобрела большой жизненный опыт. Была знакома со многими незаурядными людьми, была умна и резка, была безапелляционна. Намного старше меня. Я познакомился с ней как редактором «Вопросов истории», когда принес туда статью, так и

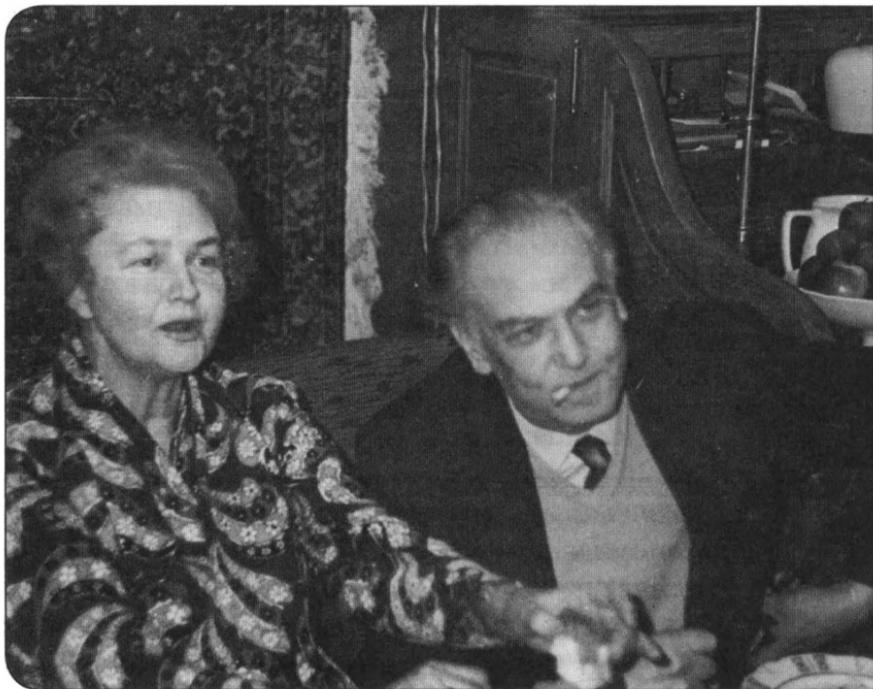
не дошедшую, вопреки позиции Е.Э., до печатного станка. Она, бессемейная, жила, пожалуй, помимо интереса к исторической методологии и людям, свирепой ненавистью к советской власти. Мы все, разумеется, знали этой власти цену, но она – клокотала неистово и непрерывно. Будучи уже на пенсии, она тесно вошла, как только это стало возможным, в диссидентский круг. Впрочем, скорее пассивным участником и собеседником.

Ей я обязан знакомством с Валентином Турчиным, крупным кибернетиком и сподвижником Андрея Дмитриевича Сахарова по правозащитным делам. И с некоторыми другими людьми, имевшими впоследствии для меня и личное дружеское, и «общественное» значение. О некоторых постараюсь рассказать.

2

Начну с **Александра Львовича Монгайта**, знаменитого археолога, тонкого и великолепного человека. Мы с ним и его женой, прекрасной Валентиной Григорьевной Григорович, довольно быстро сблизились. Эта дружба была для меня по-человечески бесценной.

Увидел я А.Л. памятным вечером того дня, когда мы узнали о советском вторжении в Чехословакию и о задержании в Москве лидеров этой воспрянувшей страны, с которой были связаны тогда наши ежедневные надежды. Пе-

А.Л. Монгайт с женой В.Г. Григорович

реживать происходящее в одиночку было особенно мучительно. Но в этот вечер я впервые был приглашен в гости к известному византисту А.П. Каждану. Там впервые встретил Александра Львовича, и мы, все трое, конечно, не могли говорить ни о чем другом.

Несколько позже, по предложению Е.Э., мы отправились к влиятельному среди порядочных людей А.Л. – посоветоваться. Приближал-

ся декабрь 1969 года и, судя по ряду признаков, готовилось нечто вроде реабилитации Сталина. Надо было готовить протестное обращение к стране, но какие весомые имена могли бы стоять под ним? С этим мы и явились к А.Л. Он мгновенно согласился участвовать в задуманном и склонял к тому же своих друзей, у него их было много в разнообразных кругах, в том числе среди виднейших физиков.

Известно, что власти на полную и открытую ревизию XX съезда все же не решились, собирать подписи под открытым письмом не пришлось. Но А.Л. в моей жизни остался. До его трагической мучительной кончины.

Самое время упомянуть, что именно он привез меня к А. Галичу, с которым был близок смолоду, и в дом А.Д. Сахарова, с ним Монгайт тепло и непринужденно сдружился (как и с Люсей Боннэр), будучи его соседом по даче.

3

Коротко о Галиче.

Если песни Б. Окуджавы (с которым я однажды шапочно познакомился, если можно так считать, когда сидел рядом с ним, и мы обменивались репликами вполголоса на юбилее «Свободы») десятилетиями окрашивали *интимно-общественное* существование каждого, предлагая войти в изысканный, но демократичный и уникальный лирический мир, в неотделимую от

стихов, совершенно пронзительную, мало с чем сопоставимую по художественному уровню, сразу узнаваемую мелодическую, интонационную сферу, были (как и забытые ныне песни Новеллы Матвеевой) романтическим зазеркальем, в котором мы спасались, – зазеркальем не антисоветским, а ВНЕсоветским;

...если песни В. Высоцкого (имею в виду драматические, а не более редкие сатирические) были баритональным хрипом эпохи, децибелами отчаяния и нутряного протеста, чем-то словно бы непредсказуемо-разинским («Са-рынъ на кичку!»), с редкими прямыми ударами по всероссийской кагэбешной психушке, и они были доступны решительно всем и каждому, доносясь из всех окон;

...то песни А. Галича были наиболее *открыто политическими*. И не случайно этот привыкший к барскому существованию, в Париж (тогда!) предпочитавший наезжать, как мне рассказывал А.Л., исключительно в сентябре, этот никогда не знавший неприятностей, удачливый и среднеспособный советский драматург («Вас вызывает Таймыр» и т.п.) – только он один из всех «бардов» был исключен из двух «творческих союзов» и изгнан из страны.

Это был совершенно поразительный добровольный слом судьбы (или, лучше, ее ракетный взлет?). Взлет – только на затаенно-личном, где-то до поры хранившемся на дне души горячем.

Это был самый *прямой* «разговор о главном». Действительно о главном. С лукавым рабом Эзопом Галич знаком не был. С Савлом? – что ж, да. С Павлом тоже – внезапно и уже вплоть до загадочной смерти.

Я был у него дома в первый раз вместе с группой друзей, сгрудившихся вокруг Библера. Боюсь ошибиться, но, кажется, среди нас были и сам Володя, и Толя Ахутин, и Толя Арсеньев (оба философы). Мы только что узнали, что из Союза кинематографистов Галича тоже изгнали. Мы где-то прогуливались по Москве и толковали о нем. Никто из нас не был с ним знаком. Но Лина Туманова (движение совершенно в духе этого замечательного человека) набрала в уличном автомате его домашний номер и попросила разрешения для нас всех, ему неведомых, немедленно приехать.

Галич согласился. Мы явились, сказали само собой разумеющиеся слова поддержки и уважения, и только. Не помню, пел ли он для нас. Кажется, нет.

Позже Монгайт повез меня, ставшего, кажется, его любимцем (что доказал предсмертный завет двум сыновьям: в трудных общественных ситуациях советоваться с Некричем и Баткиным; я узнал об этом после гражданской панихиды, на которой, само собой, горячо выступал, и – не мог не гордиться и не быть растроганным его отношением), – так вот, А.Л. повез меня в гости к Галичу, своему старинному другу.

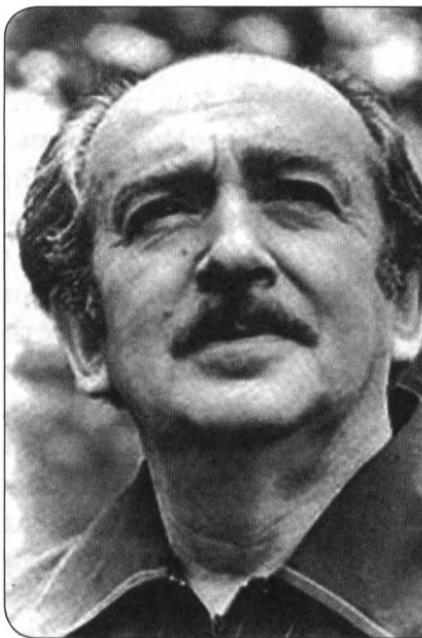
Мы долго беседовали втроем. Я, впрочем, больше молчал. Помню только одну деталь разговора. А.Л. изумленно и недоверчиво спросил: «Ты что, стал верующим?». Галич с несколько неловкой миной подтвердил...

Сам А.Л. говаривал: «У меня даже нет органа, которым веруют». Я потом охотно взял эту фразу на собственное вооружение.

А. Галич соглашался петь по дружественным квартирам. А.Л. предложил ему сделать это в моем доме. В маленький кабинет набилось человек двадцать приглашенного мною и А.Л. люда. Галич

сидел около массивного старого письменного стола, на который я (будучи предупрежден о его обыкновениях) поставил графин с отлично настоянной водкой. И, как было принято в таких случаях, блюда с горой незатейливых бутербродов для всех. Он изредка опрокидывал рюмочку и пел – замечательно.

Через некоторое время я опять слушал его в гостях у Толи Ахутина. И больше никогда не видел.

А. Галич

4

Как-то согласился читать стихи у меня Борис Чичибабин, приехавший в Москву. Обстановка была примерно такой же (только без водки). Не упоминать о таких встречах нельзя. Потому что они были характерной чертой тогдашней интеллигентской атмосферы, содержащей отсутствовавший за окнами кислород. Принято вспоминать советские кухни, служившие местами откровенных застолий. Но почему же только «кухни»? Оппозиционность таилась во всех углах некоторых частных квартир. Мы то и дело ходили по мастерским художников, по персональным домашним выставкам, по домашним научно-гуманитарным семинарам, в полулегальные подвальные театрики и т.п.

Помню, как Арик (А.Я. Гуревич) привел меня в мастерскую к Эрнсту Неизвестному.

Меня в ней многое поразило, но кое-что оказалось не по душе. Мне тогда, откровенно говоря, не понравилась слишком головная, как мне показалось, расчетливая выкрутасность некоторых скульптур, а заодно претенциозное (тогда «знаковое») сочетание лежавшей на тумбочке Библии и непрерывного тихо звучащего Баха. Смесь небрежной самоуверенности и андеграундного снобизма, отсутствие действительного интереса к частым и потому уже не очень-то нужным посетителям.

Вряд ли я был вполне прав, наверно, я сам был не готов к зрелой оценке.

Годы спустя, Юра Карабчиевский привел меня к О.Я. Рабину. Впечатление и от его картин, и от его манеры держаться было светлым и раздумчивым.

5

Между прочим.

О «бульдозерной выставке», прошедшей всего в метрах пятистах от моего дома, на улице Островитянова, я узнал только следующей ночью, слушая «вражеские голоса». Меня это обстоятельство поразило. Твердо запомнилось, что о происходящем у нас под носом мы в состоянии узнать только так, пробиваясь сквозь заглушку.

Точно так же я в первый раз услышал о Чернобыле, не сразу сумев понять масштабы гибельной новости.

Транзистор лежал в постели, под боком, я включал его перед сном и когда досаждала бессонница. Эта привычка сохранилась до сих пор. Теперь, после ликвидации общедоступного эфира «Свободы», придется с нею расстаться.

Без «голосов» житья не было. Приходя по «присутственным дням» в свой академический институт, мы, то есть Библер, Гуревич и я, тесно группировались в конце длинного коридора,

противоположном другому концу, с дирекцией и мужским туалетом. (Говорили: «Пойду в дирекцию»). Обсуждали методологические проблемы и только что услышанное по радио. Иногда подходил милейший, талантливый и ленивый античник Витя Смирин и спрашивал жадно: «Ну, что слышно?» Сам он тратить время на это не был склонен, тем более что проще было получить новостную выжимку в конце коридора.

6

Несколько слов – на сей раз только в контексте данной общей темы – о Володе (**В.С. Библиере**).

Я не раз писал о значимости для меня этого великого человека в профессиональном, философском и дружеском планах. Что до плана политического, то упомяну лишь два момента. Однажды в гостях у Арсеньева Володя прочел нам, не называя сочинителя, некое «Обращение к интеллигенции», запущенное в самиздат. Стилистика этого очень глубокого и энергичного текста не оставила у меня сомнений, что Библиер и был его автором.

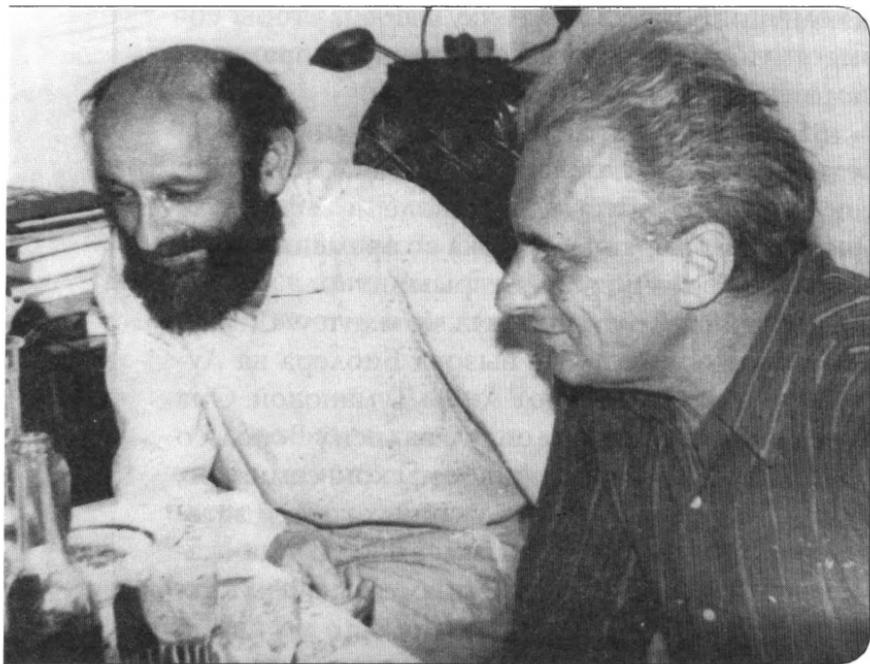
Мы, его семинаристы, жарко спорили о политике при обязательной встрече в своем кругу «Старого нового года». Этот странный праздник известен только в России. И на него собирались обязательно не «в кругу семьи», как это принято, в общем, просто на Новый год, а

в компании близких по духу людей, чтобы совместить застольное веселье с разговорами на самые важные политические темы.

Может быть, это и было тогда одним из ответвлений советской «национальной идеи»? Где еще Новый год – эта, по великолепной формуле Григория Померанца, «дырка во времени» – тут же опять оборачивался Старым?

Другой момент царапнул мою душу. Спустя некоторое время после вызова Библера на Лубянку я узнал об этом от Лины Тумановой. Она поведала мне, что там допытывались у Володи о его домашнем логико-философском семинаре, куда, стало быть, среди случайных гостей затесался и стукач. Володя, разумеется, отрицал какие-либо политические разговоры в нашем кругу («забыв» о том, что происходило во время перерывов). Все обошлось. Вспоминаю об этом по чисто личной причине. Я очень огорчился и обиделся на В.С. Он скрыл от участников семинара этот допрос (открывшись лишь Лине). Я посчитал, что это было некорректным.

Возможно, я зря оскорбился. Дело в том, что Библер был не в состоянии обойтись без *думания вслух*. Чтение его трудов для многих оказалось затруднительным, потому что они были в интонационном и даже пунктуационном отношении также *думанием вслух*. Библеру по всему складу его ума и творчества для прояснения хода мысли были совершенно необходимы собеседники и оппоненты.

Ю.А. Карабчиевский (слева) и В.С. Библер

Он был диалогичен и реально психологически. Он не представлял жизни без своего семинара, он всегда, в институтах ли, где служил, но большей частью дома, проводил многочасовые обсуждения своих или не своих (в частности, и моих) докладов. Конечно, поэтому он скрыл общую угрозу, которая могла распугать участников семинара. Я считал, что это было не только дурно, но и практически излишне. Мы, узнав, не разошлись бы. Во всяком случае, основные и постоянные члены кружка.

Но это была единственная царапина в наших отношениях, и я, конечно, никогда не заговаривал с дорогим Володей на эту тему.

7

Я уже упоминал о **Лине Борисовне Тумановой**.

Она была ранее аспиранткой Асмуса, стала превосходным философом (не так давно в РГГУ был выпущен посмертный том ее трудов). Но в конечном счете была изгнана отовсюду и зарабатывала на хлеб в качестве ночной вахтерши. Лина, помимо ума, таланта и удивительного спокойного мужества, была человеком очаровательно естественным и цельным. Обезображенная базедовой болезнью, она была очень женственной. Очень тихой и неизменно улыбчивой.

Я не знал – кроме А.Д. Сахарова – других людей, которые держались бы и разговаривали совершенно одинаковым тоном со всеми, от академиков до дворников.

Она активно включилась в работу Солженицинского фонда, помогала политзэкам.

Ее арестовали. Держали в Лефортово. Следователь почему-то, вопреки правилам, разрешил ей получать письма с воли. Мы все ей взволнованно писали. Между прочим, потом письма нам вернули (то есть она их не получила) и чуть перепутали, мое письмо было возвра-

щено Карабчиевскому, а его письмо мне.

Однажды она внезапно позвонила Библеру на дачу, сказала, что ее выпустили и что она направляется к нему.

Володя обзвонил нас, и мы все тотчас же съехались на дачу в Раздорах. Лина невозмутимо сообщила: выпустили ее потому, что обнаружили запущенный рак.

Она потом лежала в Герценовской больнице. Мы ее навещали. Она была признана безнадежной и выписана.

А.Б. Туманова Она согласилась «лечиться» дичайшим способом только

потому, что не могла отказать настойчиво советовавшему это «лечение» Толе Арсеньеву. Както я посетил ее в очередной раз и, видя возлежащей на тахте (она уже почти не вставала) и привычно улыбающейся, вдруг не выдержал и непроизвольно грубо спросил: «Ты не боишься смерти?» Лина, все так же улыбаясь, очень серьезно объяснила: «Как я могу ее бояться, если не знаю, что это такое».

Настал последний день ее рождения. Мы расставили столы овалом вокруг ее тахты, мы произносили тосты, старались шутить и пр.

Лина возлежала и радовалась дорогим гостям. Я не отставал от других, но было страшно. Я понимал, и все мы понимали, что это не день рождения, а поминки заживо.

Когда Лина скончалась, я лежал в академической больнице после первого инфаркта. Мне было легче, я уже ходил по коридору и убеждал врача разрешить мне поехать на похороны на такси и на этой же машине вернуться в палату. Мне запретили. И я не попрощался с Линочкой.

8

Теперь о **Валентине Турчине**.

Он, видный кибернетик, написал интересную самиздатовскую книгу со своим анализом нашего политического настоящего и предполагаемого будущего. Он бывал у Сахарова и что-то подписывал вместе с ним. Дома у него была милая жена, и в комнатах царил кавардак. Его лишили работы, но обысков почему-то пока не было.

Валя мне очень нравился, блестящий и надежный человек. Мы хорошо сошлись, я часто бывал у него и впервые увидел, что можно не разговаривать, а переписываться на американской дощечке. Написанное тут же чудодейственно исчезало. Со мной незачем было пользоваться этой прекрасной штукой, но к нему часто приходили люди *по делу*, нельзя было проносить вслух ничего конкретного: фамилий, поручений, дат и т.п.

В.Ф. Турчин с женой Татьяной

По этому поводу был популярен анекдот о телефонном разговоре: «Вы уже съели мои пирожные? Тогда передайте их такому-то». Да-с, мы были никуда не годными конспираторами.

Я несколько раз присутствовал при переговорах Вали с его посетителями. Часто эти люди казались мне ограниченными и неинтересными. Но было ясно, что, если заниматься *практической деятельностью*, то приходится

общаться не с теми, кто тебе близок по духу, умен и симпатичен, а с теми, кто готов в такой деятельности участвовать.

Я сам ничем не мог быть полезен Вале, если не считать сущей мелочи: у него была небольшая сумма в запретных тогда долларах, хранить ее дома было опасно (в любой момент могли «прийти»), и он попросил, чтобы я припрятал деньги у себя.

Самое важное в положении Вали: *он несколько лет возглавлял советское отделение Amnesty International*. Нужно знать, что в те времена это означало. Необыкновенное мужество и стопроцентный риск (скорее, неизбежность) попадания в Гулаг. Вот, собственно, в чем состояла его деятельность.

Однажды Валя дал мне познакомиться с уставными документами своей организации. Ясно, что это было деликатнейшей, молчаливой формой предложения мне вступить в группу. Дома я вчитывался в документ и несколько ночей не мог заснуть. Думал. Затем – тоже молча – вернул его Турчину.

9

Почему я не решился тогда превратиться в подлинного диссидента?

Самая простая и обычная причина – это, конечно, страх. У меня он конкретизировался в двух пунктах.

Смогу ли я выдержать физические пытки? Знал, что многим выдающимся людям это не удавалось, подписывали все, что угодно, лишь бы пытки прекратить. Кроме того, я определенно страдал клаустрофобией. Смогу ли я выдерживать месяцами замкнутое пространство одиночной камеры?

Не менее существенным было нежелание перечеркнуть свою профессиональную судьбу. Я погрузился в нее в Москве с головой. Ощущал в себе какие-то еще неразвернутые творческие (теперь принято глупо говорить «креативные») возможности. Даже если не посадят, то на жизнь придется зарабатывать любым случайным способом. На, простите, свое призвание ни сил, ни времени не останется.

Ну и, разумеется, мысли о том, что будет без меня с женой, безумно любимым сынишкой, матерью.

Словом, все то, что переживали и другие, прежде чем все-таки решиться на смертельный поступок. Мне он оказался не под силу.

Наконец, инстинктивное нежелание общаться с людьми, нелюбезными мне, скучными, только потому, что с ними *нужно* быть вместе для дела.

И последнее. Моя голова так устроена – хорошо ли это или очень плохо, не знаю, – что самый достойный нравственный политический жест вызывал у меня величайшее уважение и

понимание, но не готовность присоединиться. Я был уже тогда пропитан историческим реализмом и желал вполне практического, пусть и нескорого, *результата*. Я рассуждал, как если бы был политиком.

Помню, мы в какой-то компании обсуждали выход шестерых отважных людей на Красную площадь. В своем восхищении ими все были единодушны. Но востоковед Юра Глазьев был мысленно всецело с ними и ликовал безо всяких раздумий. А я говорил о том, что этот великий жест ничего в наличном положении вещей, увы, изменить не может. И возмущенный Глазьев заявил, что у меня «сердце заросло жирным туком».

Я долго помнил это горькое для меня обвинение. Но, прав я был или неправ, навсегда остался при своей позиции соединения взвешенного прагматизма с политикой как искусством невозможного. В пору перестройки я попытался исходить именно из такой парадоксальной взаимопронизанности двух полярных постулатов.

10

Заодно вспоминается тогдашний спор с другом **Борисом Шрагиным**.

Мы говорили об историческом значении действий Сахарова и вообще диссидентов. Боря считал поведение Андрея Дмитриевича

всецело продиктованным нравственным посылом и имеющим только высшее *нравственное* значение. Я же полагал, что в стране, где любое отклонение от «курса партии» считается преступным, то есть в стране, где *не допускается политика*, соответственно поведение независимого человека, тем более такого крупного, как академик Сахаров, становится ничем иным, как *политическим* поведением. Что не мешает ему, разумеется, быть высоко-нравственным.

Со временем я имел возможность удостовериться, что общественное поведение А.Д. было всегда обдуманно-*рациональным*, пусть затаенной эмоциональности у него было в избытке.

Позже Боря в тайном письме ко мне из эмиграции, где он приобрел непривычный общественный опыт и вел на «Свободе» рубрику о реальной политике, признал мою правоту. Казалось бы, каким образом в спорах с Глазьевым и Шрагиным согласовывались мои внешне столь противоположные утверждения? Может быть, это в какой-то мере станет понятней из некоторых последующих воспоминаний.

11

Раз уж упомянул Amnesty, нужно сказать несколько слов о **Люде Алексеевой**, которая так достойно возглавляет ее сейчас. Другого повода не представится. Между нами, к сожа-

лению, нет и никогда не было дружеских отношений. Но меня познакомила с ней та же Евгения Эммануиловна. Л. Алексеева уже в 70-е была молодой, заправской и очень энергичной диссиденткой. Помню о ней только то, что она тогда рассказала мне во время совместной поездки куда-то. Однажды ее задержали и везли кагэбешники. Вопреки правилам, она находилась на заднем сидении, близ дверцы, рядом с единственным сопровождающим (полагалось же двоим находиться по бокам, а схваченному – посредине). Машина остановилась при красном цвете светофора. В нескольких шагах на тротуаре была телефонная будка. Люда внезапно выскочила, вбежала в будку и успела сообщить о своем аресте, прежде чем опешивший и ринувшийся вслед сотрудник «органов» успел ее схватить.

После ее возвращения из эмиграции мы в первый раз свиделись, когда она пришла в качестве гостыи на домашнее заседание бюро «Московской трибуны», возглавлявшейся мной. По сей день внимательно слушаю по радио ее взвешенные суждения о происходящем. Практически всегда наши мнения оказываются совпадающими.

Но каковой была эта удивительная мгновенная реакция перед перекрестком?! Я бы так не сумел.

12

В завершение воспоминаний о Вале Турчине.

Я снежной зимой отдыхал и усиленно работал недели две на пустующей библиеровской даче в Раздорах. Вечерами подбрасывал поленья в жаркую кирпичную печь, стоял, прислонившись к притолоке, и продолжал раздумывать над замыслом книжки о *varietas* как центральной категории ренессансной культуры. Утром, выходя прогуляться, я первым оставлял следы на выпавшем ночью снегу. Почти все дачи пустовали. Оглушительная тишина и блаженное выключение из московской суеты.

Однажды, выйдя, я увидел, однако, чьи-то отчетливые, то есть свежие, чужие следы под окнами. Часа через два постучали. Ко мне явились двое. Тот, что помоложе, был вроде бы полковником и вел, усевшись напротив меня, «собеседование». Он оказался человеком почти современной складки, неглупым и достаточно вежливым. Разъяснял мне, что с диссидентством после мер Андропова уже практически покончено, и советовал вести себя благоразумно. Второй, кагэбешник обычной грубой выделки, был заметно старше, седоват. Сидел под углом в 45 градусов ко мне, сверлил глазами и вставлял угрожающие реплики.

В этом ведомстве всегда, как я уразумел позже, усаживались именно так. Допрашиваемый,

вынужденный смотреть прямо на главного, должен был чувствовать себя неприятно под дополнительным пристальным взглядом сбоку. Кроме того, они, возможно, так контролировали и друг друга.

Оказалось, конкретным поводом их визита был... Валя Турчин. Так что именно благодаря Вале я получил небесполезную возможность напрямую познакомиться с политической полицией. Они требовали, чтобы я – от своего имени, не упоминая о них, – сообщил своему другу следующее. Дескать, *мне* стало известно, что в Центральном вычислительном центре есть вакансия, и Турчин, обратившись туда, мог бы получить работу по специальности. «От нас он этого совета не примет», было мне пояснено вполне здраво.

13

Отвлекусь немного от сути эпизода. Разные по характеру и темпераменту люди вели себя при подобных ситуациях по-разному. В известной тогда памятке Есенина-Вольпина, если не ошибаюсь, рекомендовалось отказаться отвечать, поскольку «собеседования» были незаконной формой допроса. Следовательно обязан был сообщить, по какому конкретному уголовному делу и в качестве кого вы вызваны.

Дельный совет. Молчание было, действительно, хорошим способом поведения. Вы не участвовали в их игре, и так было легче не по-

пасться на крючок, неосторожно сказав лишнее. Ну, а я, в соответствии со своим нравом, охотно, резко и насмешливо вступал в игру. Склонность к легкому хулиганству и до сих пор мне свойственна.

Это как на экзаменах: пока не вытащил билет, несколько нервничаешь, но когда вопросы тебе уже известны, весело готовишься к ответу.

14

Тот, что постарше, кричал: «Все вы думаете, что у нас руки в крови!». Я отвечал: «А это не так?». – «Как вы относитесь к Солженицыну?». И т.п. Я отвечал: «Вы занимаетесь моими взглядами или моим конкретным поведением?» – «Да-да, именно поведением». – «Ну, а в таком случае то, что я думаю, вас юридически не касается. Об этом я могу разве что потолковать с друзьями под водочку». И главный, прищурясь, произнес: «Можно и под водочку».

Короче, я всегда в таких ситуациях гнул свою линию. Притом не без удовольствия резвился.

По закону подлежали преследованию не мнения, а фактически доказанные действия. Мысли в моей голове не должны были быть объектом *правового* расследования. Что до дружбы с диссидентами, я всегда говорил, что мне они по душе просто в качестве ярких людей и интересных собеседников.

Я не знаю – и Валя, к которому я после неожиданной беседы, разумеется, тут же отправился в Москву, мы вышли прогуляться по улице, чтобы разговор не был записан, – Валя тоже не знал, зачем, спрашивается, КГБ понадобилось через Баткина предлагать ему работу. Очевидно было лишь одно: если это придумано в КГБ, тут кроется нечто очень опасное.

Нельзя не вспомнить, что попутно меня шаблонно попробовали завербовать. Они помогли бы мне ездить в Италию (!) и т.д., если я буду после знакомств с коллегами писать им отчеты. Нет, нет, что вы. Не доносы. А всего лишь о своих впечатлениях. «Нас интересуют характеры, манера себя вести, высказывания ваших знакомцев и вообще все, что вам в них запомнится». Я отвечал, что по своему душевному складу и принципам не смогу быть им полезен. Спустя пару часов милой беседы незваные гости уходили, предварительно потребовав неразглашения. Я промолчал. Что-то мне еще было говорено на прощание, на что я сказал: «Нет уж, увольте». Полковник приостановился в дверях и спросил: «С работы уволить?» – «А что, КГБ может увольнять с работы?» – «Нет, нет». – «Ну, вот и прекрасно».

Неудивительно, что каждая из приведенных фраз навсегда врезалась в память. Ведь жизнь, к счастью, не была щедра ко мне на подобные интересные встречи.

Турчины собрались в эмиграцию. Как было заведено, друзья сошлись у них к прощальному застолью. К прощанию, это всем было известно, *навсегда*. Оно завершалось в Шереметьево, когда дорогие тебе люди исчезали, поднимаясь в зал ожидания. Молодым не понять, что тогда со стесненными сердцами испытывали остающиеся. Я тоже, конечно, не раз провожал в Шереметьево. И припоминаю, как слишком мелодраматично, но искренне, почти со слезами на глазах, крикнул исчезающему куда-то вверх Боре Шрагину: «До свидания на том свете!».

15

В 1969 году я написал статью «Парадокс Кампанеллы» (позже опубликованную в «Вопросах философии»). Это единственная моя профессиональная работа, в которой под ответственную научную концепцию был подложен и некий острый современный подтекст.

Поэтому еще до публикации я с удовольствием согласился прочесть большой текст в доме у киноведа Неи Зоркой. По-моему, зимой 1970 года. Среди слушателей был Андрей Дмитриевич Сахаров. Он, несмотря на изрядный мороз, пришел почему-то в калошах, внимательно слушал, не проронив ни слова.

Так мы формально познакомились. Ничего примечательного в поведении А.Д. я не заметил. За исключением этих калош и того, что все

неизбежно проголодавшиеся гости разбирали традиционные бутерброды с колбасой и сыром, и только А.Д. ни к чему не прикоснулся. Мне показалось, что он постеснялся.

Через какое-то время я увидел его при аналогичных обстоятельствах в гостях у Турчина. В то время А.Д. усердно ходил на всякие примечательные гуманитарные заседания, желая восполнить свои пробелы и познакомиться с иной средой. Ведь он был ранее начисто отрезан от реального внешнего мира. Во времена, когда, говорят, даже в туалет он не мог зайти без охраны. После того как его лишили сверхсекретного «допуска», Люся впервые повезла его отдыхать к Черному морю, и он жадно впитывал незнакомые впечатления от обычной повседневной жизни.

На сей раз мы слушали выступление Наума Коржавина («Эмки»). Тот рассуждал о том, что если обнести проволокой новый район на Юго-Западе, где тогда расселялись всякие вольнодумные интеллигенты, то со столичной тайной или явной оппозиционностью будет одним махом покончено. То есть диссидентство не имеет в России корней, и эмиграция на Запад – единственный разумный путь (по которому Коржавин сам вскоре и последовал).

Я сцепился с оратором. Я и в ту пору смотрел на положение вещей в нашей стране с «мрачным оптимизмом» и никогда ни минуты не помышлял об эмиграции. По нескольким

причинам. Но одной из них было некое смутное социально-политическое предощущение. Не хочу, разумеется, сказать, что я предвидел «перестройку» и пр. Никто тогда ничего подобного не предвидел. Но я считал возможным поиск каких-то имеющих явиться шансов внутри глухо колобродившей и подгнивающей страны. Диссидентство не могло само по себе свернуть шею партийному тоталитаризму. Но ведь ранее и диссидентства не было. Постоянно все-таки что-то менялось. Я был до мозга костей историком. А историю всегда понимал – прежде всего – как *изменение*.

А.Д. опять молчал и ничего не ел. Впечатлений не осталось.

Но вот в разгар публичной травли академика Сахарова и коллективных газетных писем с гневными осуждениями Александр Львович пригласил меня навестить А.Д.

16

Как хорошо известно, Сахаров, отдав свое великолепное академическое жилье детям от покойной жены, а заодно пожертвовав все свои огромные сбережения (говорили, 100 тысяч рублей?) на какие-то благотворительные цели, поселился в небольшой трехкомнатной квартирке на улице Чкалова, неподалеку от Курского вокзала. У Елены Георгиевны Боннэр. Его огромной последней любви.

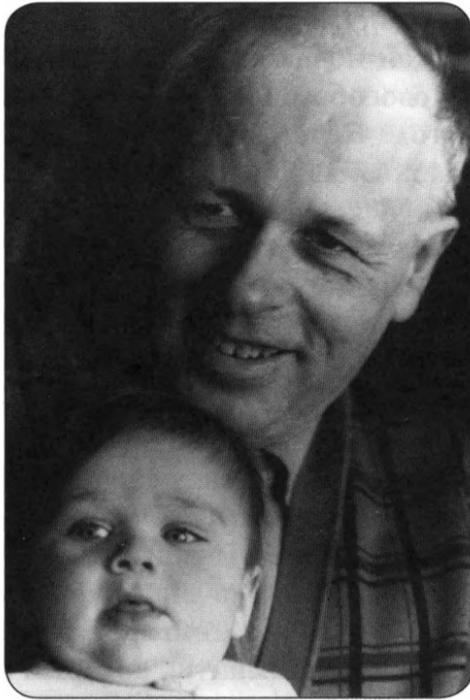
Туда мы и приехали. К Сахарову! К тому, чье имя я каждой ночью слышал по «голосам». В эпицентр своеобразного землетрясения. Это был 1973 год? Перед входом в подъезд стояла темная машина, явно наштипованная спецоборудованием. Я тщеславно чувствовал себя по молодости немного геройски...

Впечатление на сей раз оказалось потрясающим и совершенно для меня неожиданным и поучительным.

Я-то взволнованно ожидал, что войду в осажденную и мужественно защищаемую крепость. А попал в обстановку спокойного и уютного домашнего чаепития. О происходившем говорилось очень мало. Помню только, что А.Д. весело сказал по поводу очень крупного физика из новосибирского Академгородка (фамилию сейчас не могу припомнить), который отказался подписать письмо академиков, одобрявших преследование Сахарова: «Молодец, рыжий!».

Еще три осколка этого удивительного вечера, застрявшие в голове. Я спросил, как дается А.Д. расставание с физикой ради политики. Он объяснил, что в настоящей физике можно продвинуться по гамбургскому счету лишь в молодости, а теперь он считает разумным отдавать силы правозащитным делам. Слова он сказал какие-то другие, но за смысл ручаюсь.

Елена Георгиевна захотела предложить к чаю домашнее варенье, наполнила им хрусталь-

А.Д. Сахаров с внуком Мотей

ную вазочку с подвижной овальной серебряной ручкой. А.Д. заявил, что, если понимать кое-что относительно центра тяжести, то варенье можно перенести, держа за ручку неким непривычным способом. За что он и взялся. Но варенье перевернулось на скатерть. А.Д. был несколько смущен и тут же подыскивал физическое объяснение своей неудачи. Немного посмеялись.

Еще: дабы продемонстрировать нам, насколько он крепок, А.Д. взялся одной рукой

за заднюю ножку массивного дубового стула и поднял его вверх. Похвастал, как мальчишка...

Это был для меня урок на всю жизнь. Впрочем, очень под стать моему собственному, только в отличие от А.Д. не сдержанному, а холерическому темпераменту.

Серьезные ситуации и серьезные жизненные (в том числе интеллектуальные) занятия вряд ли совместимы с напряженной осанкой, миной значительности и суровым лицом. «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!» (Мюнхгаузен-Янковский в прекрасном фильме).

Серьезность часто любит включать в себя иронию и шутливость. Некоторые великие люди охотно дурачатся. Не зря популярна фотография, на которой Эйнштейн показывает язык.

Жан-Жак Руссо рассказывает в «Исповеди» об умиравшей у него на глазах мадам Верселис, которая вдруг «издала громкий звук» и заметила: «Отлично!.. Женщина, способная на это, еще не умерла». Что и стало ее последними словами.

Вот вам собственная смерть, воспринятая с желательной и столь трудно достижимой серьезностью.

17

К Новому году я обязательно звонил Андрею Дмитриевичу с поздравлениями. Как-то подарил ему только что вышедший двухтомник

Герцена «Полярная звезда» со своей надписью: «Умом Россию не понять, / Россию нужно обонять». Но имел случаи увидеть его очень редко.

Однако вскоре после вышеописанного визита, когда травля еще продолжалась, а имя Сахарова уже стало известно множеству простых людей, и, как я узнал, А.Д. мог (тогда!) получать от рабочих, которым задерживали зарплату, письма с просьбой о помощи, – я призадумался и сочинил заметки, этак страниц на пять машинописи, под названием: «Об А.Д. Сахарове». Я не сообразил оставить себе копию, и впоследствии эти бумажки были, очевидно, изъяты КГБ. После возвращения А.Д. из ссылки они не обнаружилились. А жаль.

Содержание их сводилось к тому, что, поскольку Сахарова уж никак нельзя было изобразить в пропаганде недоучившимся и вредным для страны человеком (прием, весьма употребительный, когда пытались показать человеческую и интеллектуальную незначительность диссидентов), и имя «отца водородной бомбы» стало влиятельным для большей части населения, хорошо бы Сахарову сыграть личную политическую роль в небывалых и ни для кого другого, кроме него, невозможных дотолемасштабах.

Для этого, как мне думалось, ему, во-первых, стоило бы в своих многочисленных интервью не делать заявлений и оценок внешнеполитиче-

ских событий, которые обречены были остаться непонятными и неприемлемыми для одуряченных миллионов. И удачно использовались в газетных нападках на него.

Во-вторых, что несравненно серьезней, я описывал важнейшие болевые точки нашего общего материального, социального, правового состояния и формулировал соответственные позитивные тезисы, которые могли бы лечь в основу целой либеральной программы. Я вообразил, что произошло бы, если А.Д. обратился бы с такой программой конкретных преобразований к населению.

Это было, если не ошибаюсь, в канун 1974 (или 1975?) года. Я позвонил А.Д., попросил разрешения его навестить, обещая преподнести некий подарок. А.Д. заранее выказал радость и любопытство (что за подарок?). И я приехал на Чкалова со своим «документом» в руках.

Я сперва написал записочку с глуповатой просьбой не упоминать при обсуждении вслух, что за документ и кто его автор. Конспирация, видите ли. (Мог бы уже отчетливей понимать, что в этой квартире любой, тем более *такой*, разговор будет зафиксирован и вполне правильно понят «органами»; что любое общение с А.Д. – под полным контролем. Кстати, много позже я узнал, что, несмотря на частое вторжение посетителей, подчас нежелательных или подозрительных, А.Д. двери квартиры днем

мог не запырывать. Я обеспокоился и изумился, но А.Д. спокойно пояснил: «Ведь, если позво- нят, мы все равно откроем».)

Итак, усевшись в соседнее кресло, я протянул А.Д. свой «подарок». Увидев его неожиданное название, А.Д. погрузился в напряженное и внимательное чтение. Вышла Елена Георгиевна (я увидел ее второй раз, лишь спустя много лет мы сдружались и отказались от отчеств). Она выхватила из рук А.Д. мои листочки. Быстро просмотрела их и, вспыхнув, разгневалась и закричала. Крики сводились буквально к следующему: «Вот вы сами и возьмитесь готовить бумаги для Сахарова, вот и станьте его помощником...» И т.п. Я смог только пробормотать, что подобное, дабы стать эффективным, должно исходить от самого А.Д., как он сам это понимает и формулирует, с его интонацией, в его собственном стиле мышления и пр. И поспешил откланяться.

В коридоре, подавая мне, по русскому обыкновению, пальто, А.Д. вымолвил примерно следующее. Он попросил извинить Е.Г., у нее иногда не выдерживают нервы. Он сказал, что считает ситуацию в целом безнадежной и что он не в состоянии играть роль руководителя несуществующего демократического движения. Он видит свою цель только в поддержке и помощи конкретным людям. В попытках смягчить их участь.

Он приветливо простился.

О дальнейших отношениях и с А.Д., и с Люсей буду часто рассказывать ниже.

18

Вскользь упомяну об идеологических и практических обертонах своей профессиональной деятельности в 70-х. У меня, как превосходно выразился Андрей Синявский, были «стилистические расхождения» с официальной советской научной общественностью. Мои выступления сопровождались небольшими скандалами.

Не совсем уверен, что стоит вспоминать о них и называть имена, тем более коллег и ныне здравствующих. Но тогда это не могло не задевать меня болезненно и составляло очень важную часть вдыхаемого экологически вредного общественного воздуха. Это тоже формировало меня. Хотя подобная информация неинтересна широкой публике, к которой я здесь адресуюсь.

Я бывал в гостях у итальянистки Лидии Михайловны Брагиной, когда она вышла замуж за милого умницу германиста Севу Володарского. Л.М. умело готовила для нас очень вкусные блюда итальянской кухни. Толковали о нашей науке. Должен признать, что относился к ученым трудам Л.М. – которая уже тогда запросто ездила в недостижимую Италию, была лично знакома с Э. Гареном и другими выдающи-

мися ренессансистами, сама являлась весьма знающей специалисткой, – к ее собственным работам относился как эрудированным, но совершенно бесталанным и скучным. Общался преимущественно с Севой, а с гостеприимной и весьма самолюбивой хозяйкой обращался – увы, хотя и, конечно, вежливо, – несколько, что ли, снисходительно. Не знаю уж, как назвать проявления своей невоспитанности...

И, как вскоре выяснилось, также неосторожности.

19

Однажды я читал доклад «О социальных предпосылках итальянского Возрождения» в своей группе ИВИ. Пришедшая послушать Л.М. внезапно обрушилась на меня с набором стандартных советских идеологических обвинений. Я слыхивал нечто подобное от медиевиста-чехиста Чистозвонова и прочих, но от нее такого не ожидал. Даже стоявший тогда во главе итальянской группы С. Филатов, человек официально взысканный, но порядочный, был явно шокирован и замял случившееся. Отношения с Л.М. (следовательно, и с ее симпатичным супругом) неизбежно оказались прерванными.

Раз в два года проходили всесоюзные конференции по Возрождению. Накануне одной из них я узнал от итальяниста-литературоведа Р.И. Хлодовского (ныне покойного), что Бра-

гина частным образом известила члена-корреспондента АН СССР В.И. Рутенбурга (см. о нем в «Историк о себе»), председательствовавшего на таких конференциях, будто Баткин собирается учинить на заседаниях некое безобразие. Выступать на сей раз я и не думал, но послушать пришел. Немного опоздал к началу и вынужден был с извиняющимся поклоном в сторону Рутенбурга пройти в заполненный зал – уже посреди вступительной речи Виктора Ивановича. Приосанился под настороженными или любопытствующими взглядами присутствующих. После утреннего заседания ушел. Только и всего.

Но и сегодня в состоянии припомнить всю эту сцену *визуально*.

20

Куда выразительней был беспрецедентный скандал на заключительном заседании другой конференции, где я прочел доклад «Диалогичность итальянского Возрождения». На сей раз председательствовала Л.М. Брагина. Выступивший университетский искусствовед профессор Гращенков (несколько ранее в анонимной рецензии от души разделавший – под тем же якобы «марксистским» соусом – мою книжку, так и не вышедшую в «Искусстве») стал бранить не столько мой вредоносный доклад, сколько мою заносчивую персону. Поднялся шум. Сева до-

садливо качал головой. Питерский медиевист Володя Райцис выскочил к подиуму и выкрикивал свое возмущение.

Тогда на сцену поднялась Александра Дмитриевна Люблинская, одна из самых основательных и почитаемых медиевистов страны. Брагина предупредила (Люблинскую!), что для реплики в ее распоряжении только три минуты. Та в своей величавой манере кивнула: «Мне этого будет вполне достаточно». И сказала насчет того, что при научных дискуссиях возможны самые резкие возражения против идей оппонента, но недопустимо касаться его личных качеств.

Скандал имел занятные продолжения в кулуарах, но от этих подробностей я читателей избавляю. В дальнейшем я прекратил какое-либо участие в подобных конференциях (продолжающихся до сих пор), как и сотрудничество с Комиссией по Возрождению при Отделении истории АН. Мне и сейчас присылают приглашения, я не отвечаю. Не потому, что до сих пор, спустя почти сорок лет (!), все еще чувствую себя задетым. Ха! Это было бы предельно глупо и смешно: позапрошлогодний снег! Мне это теперь абсолютно безразлично. Хотя было бы любопытно послушать молодую научную поросль, докладчиков с незнакомыми именами.

Но тогда... тогда меня это, естественно, очень волновало.

Повторю: я повествую о далекой дребеде-ни, потому что она была важной частью общественной атмосферы (в данном случае, атмосферы профессиональной среды), в которой я существовал... и быстро созревал.

21

Вразной – но все происходило в тех же семидесятых – хочу упомянуть о встречах с кристально чистым **Игорем Голомштоком** и замечательным **А.М. Пятигорским**. К политике это никакого прямого отношения не имеет, но к контурам нашего интеллигентского существования – даже очень.

После провала моей «Сущности итальянского Возрождения» предпринималась попытка все-таки вытащить книжку – уже в другой редакции издательства и под другим названием. Ее редактором пригласили Голомштока.

Я немного знал о нем в связи с процессом над Синявским и Даниэлем, теперь мы подружились. Он на пару с какой-то скульпторшей арендовал для работы подвальное помещение на Мясницкой. Помню прикрытые или подсыхающие гипсовые бюсты на полках, столик, обшарпанные, шаткие кресла и умывальник в соседней комнатке, служивший поневоле при малой нужде также заменой туалета, который отсутствовал.

Пятигорский, выдающийся буддолог, всесторонне и щедро наделенный глубокими зна-

ниями и талантами общеизвестный и слегка легендарный человек, многодетный семьянин и притом изрядный чудаков (что пошло ему на пользу, когда он эмигрировал и профессорствовал в Лондоне, где, как известно, издавна любят чудаков) – так вот, Пятигорский был давним другом Голомштока.

Мы довольно регулярно сходились в этом глухом подвальчике и «соображали на троих», притом в самом нетривиальном смысле. Приносили водку, колбасу, соленые огурчики, расстилали под все это газеты на столик, комфортно усаживались в ветхие кресла, долго пиршествовали и – соображали по самому широкому кругу вопросов, философических ли, историко-политических ли...

Впоследствии Александр Моисеевич уехал, и знакомство полностью оборвалось, Игорь тоже оказался в Лондоне, одно время сотрудничал на Би-би-си в пору расцвета этого русского эфира, написал фундаментальный труд о «Тоталитарном искусстве» и опубликованные не так давно в «Знамени» воспоминания. Мы с ним свиделись спустя годы, сначала в Амстердаме, затем у меня дома, когда он смог, как и многие, приехать в Москву во время «перестройки».

С тех пор опять прошли годы и годы. Игорь, прочтешь ли ты эти заметки? Мысленно обнимаю тебя.

22

Если уж я помянул Синявского, то было бы уместно написать сейчас о нем... и, к сожалению, гораздо короче об **Юлии Даниэле**, с которого и начну.

Я познакомился с ним (если такое слово применимо к данному случаю) еще в Харькове, в застолье с его друзьями, поэтами Марленой Рахлиной и Борисом Чичибабиным. Юлик захел в наш город, чтобы свидеться с ними. Позвали и меня. Я не знал и, собственно, никто не знал тогда, что это «тот самый» Даниэль.

«Чича», как я за глаза прозывал Чичибабина, привычно поддав, очень страстно поносил Ленина и все такое прочее. Разговор в компании литераторов, как обычно, был никак не литераторским.

23

У меня относительно Владимира Ильича была несколько особая и сложная, очень заинтересованная историческая позиция, которая так и осталась не занесенной на бумагу. Основательная работа о нем отняла бы слишком много времени у Возрождения. А теперь, к сожалению, и вовсе поздно.

Я всегда любил утверждать, что Ленин – один из важнейших трагических узлов русской истории, соединивший в себе Пугачева и гон-

чаровского Штольца. Это ведь и есть обычный парадокс модернизации по-русски. Ставшие общепринятыми грубые ритуальные поношения в его адрес считаю скучными. Не серьезными, не аналитическими, не научными, то есть совершенно *внеисторическими*.

Это – фигура, к которой нельзя не предъявлять суровый счет. Как и к любой революции, к любой гражданской войне с ее братоубийствами.

О, Ленин отнюдь не Авель. Однако и не просто Каин.

В нем – оба брата. И более того: как сиамские близнецы.

У нас теперь привычно и *в точности* так же (что смехотворно и показательно), вслед за сталинскими временами лихое со-наложение профилей Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина в качестве склеивающей их эмблемы. Лишь с переменной лакированного плюса на полный, с проклятиями, минус. Хотя это, разумеется, очень разные и люди, и социальные среды, и культуры, и перемещающиеся эпохальные сгущения событий, и взгляды, и психологии. Даже клише «марксист-ленинец» слишком приблизительно и малодостоверно. Как и «дело Ленина – Сталина». Не было такого дела. Очень разнились эти дела, их социальные и культурно-исторические подосновы, их органики, их последствия.

Это все равно, что сливать и взбалтывать в одной емкости и Христа, и императора Константина, и Никона, и инквизиторов, и, допустим, Победоносцева, и, если кому-то угодно, господина Гундяева. Все ведь христиане... (Кроме самого Христа, приход которого, по мысли автора «Братьев Карамазовых», был бы не уместен для христианского мира.)

Фигура Ленина колоссально и принципиально важна для понимания именно русской истории. «Кремлевский мечтатель»? Ну-с, мечтатель-то деловой и практичный. Однако сказано, хотя и нелепо-благодарно, но не вовсе ошибочно. Не вовсе глупо.

Сталин же в Кремле ни о чем не мечтал.

Ленин – и в этом он особенно марксист – хотел «не только объяснить мир, но и изменить его». Точнее: чтобы мир закономерно при помощи *революции* изменился изнутри себя и притом – в перспективе – обошелся бы *без государства*.

24

Эта забытая (или высмеиваемая) книга его, «Государство и революция» – *не идеологическая обманка*. Она, эта столь неожиданная книга, глубоко искренняя, показывает, что сам Ленин напряженно размышлял – в разгар схватки

не на жизнь, а на смерть, с непредрежденным исходом! – о величайшем и парадоксальном противоречии революции, которой был *безоговорочно* предан.

Да, несравненная ленинская книга, единственная в своем роде среди всех других его книг, это – хотя и логическое по форме – мечтание. Во всяком случае эта не умершая поныне идея забегает на сотни и сотни лет вперед. Она жива и, полагаю, будет жить. Ее подпитывают как раз быстро расширяющиеся возможности вестернизированного неокapитализма.

В самый, казалось бы, неподходящий момент, при красном (и белом, и белом тоже) терроре, при «философском пароходе», который останется навсегда тяжким грузом на памяти о нем, как и некоторые злополучные решения X партсъезда, Ильич посчитал нужным именно в разгар неизбежного и беспощадного насилия выговорить самое-самое заветное. Он искал в грядущем не оправдания. Он писал не о «цели, оправдывающей средства». Он усматривал в революции с ее неизбежным насилием не средство, а ближайшую цель, которая послужила бы после ее достижения этапом на пути к следующей цели. Он не собирался оправдывать тактику стратегией, он понимал это сложнее, по-своему. Тактика требовала трезвости, не жертвующей мечтой. Стратегия – трезвого умения «мечтать». Ленин сам подчеркнул, независимо от Герберта Уэллса, это слово, сославшись на плоского мечтателя Писарева.

В нем было, кстати, немало писаревского. Презрение к чистой эстетике, что балетно-традиционной, что авангардистской.

Ленин, как и Робеспьер, начисто лишен «приятцы» есенинского Джима. И не стеснялся в прилагательных по отношению к оппонентам. Но «Иудушку»-Троцкого вскоре после октябрьской победы сделал ближайшим соратником. Ленин был удивительно широк, если считал, что это полезно для революции.

Ленин был ограничен. Ибо любой резкий взгляд на вещи, тем более взгляд *деятели*, ограничен. Любой ухватывает лишь одну сторону истины. Как в притче о братьях, которые поспорили и отправились поглядеть, как выглядит истина. Любой взгляд, побеждая, поэтому проигрывает. Хорошо, если мы притом остаемся в пределах восходящей мыслительной спирали.

Но невыносимо ужасно, если на оплату проигрыша отдана в заклад жизнь нескольких поколений.

Ленин написал о презренном для будущего человечества золоте, из которого станут делать унитазы. Увы, пока что в сегодняшней России, напротив, делают золото из унитазов.

25

Что ж, Ульянов-Ленин был марксист специфически-русского замеса. И притом он очень менялся, он бывал разным и всяким, неудержимо (даже для Пастернака!) впечатляющим – и

весьма малосимпатичным. То и другое спаяно изнутри. И любимые шуточки его были довольно-таки своеобразными: мол, «если вы, батенька, не изволите отправиться на лечение, мы вас расстреляем».

Сталин же – и в этом он особенно не ленинец – хотел весь мир попросту подмять под себя. Под НКВД, а уж НКВД – тоже под себя.

Это *бюрократический* тиран. Палач над пирамидой из миллионов исполнительных чиновников. И он, Сталин, ее слепящее надвершие. Неплохое определение и для русского закосне-ло-чиновничьего самодержавия тоже.

Ленин, согласитесь, меньше всего бюрократ и никакой не тиран. Хотя бывал жесток. Он – человек, всегда *идуший до конца*, напористо и бесстрашно, но небезоглядно. Он притом именно непрерывно оглядывающийся, поправляющий себя реальностью, то есть думающий на ходу революционер.

Ленин велик, сложен – и, повторяю, очень *трагичен*. Сталин примитивен – и страшен. Но ни на йоту не трагичен и не велик. И, само собой, не «ленинец».

Я написал когда-то о масштабе и складе его персоны большую статью (см. во все тех же «Пристрастиях»). Сталин не умел *мыслить*, зато превосходно *соображал*, подмечал, прики-

дывал, замышлял, притворствовал, обласкивал, уничтожал – и умел ждать подходящей минуты. Очень умел.

Э, нет, ребята, смешивать котлеты и мух – это беспомощная и очень неаппетитная социально-историческая кулинария.

Мы, между прочим, в перестроечные времена обсуждали Ленина с Юрием Григорьевичем Буртиным, который хотел написать статью о нем и старался – на свой манер – найти серьезный ключ к его фигуре и его времени. Об Юрии Григорьевиче обязательно помяну ниже.

26

В том харьковском разговоре я не высказывался, вопреки своим словоохотливым обыкновениям. Спорить с Чичей, да еще на столь бездонную и острую тему, было бы бессмысленно.

Незнакомый москвич, единственный среди нас красавец, с тонким интеллигентным лицом, тоже все больше молчал. Так что я не могу рассказать о первой встрече с ним ничего конкретного. Кроме того, что он молчал как-то очень осмысленно. (Бывает изредка такое.) Очень мне понравился и запомнился.

Спустя сколько-то времени, увидев в газетах его имя, я ахнул. Тот самый Юлик?!

Действительно же, но совсем немного, я познакомился с ним гораздо позже, когда он вер-

нулся из лагеря, женился вторым браком на Ирине Уваровой (человеке тоже оригинальном и тонком), и я пришел к ним в гости. Говорили, конечно, все о той же проклятой политике. Этой отравы мало кто из думающих людей мог и даже поныне может избежать, как в Москве нельзя избежать действия неотфильтрованной воды или автомобильных выхлопных газов.

Конкретного содержания и даже даты этой долгой беседы не помню. Могу лишь сказать, что во мне осталось ощущение очень глубокого человека. И едва ли не полного (что редко и всегда приятно) совпадения самих подходов, ракурсов, интонирования наших размышлений.

Вот и все то крохотное, что я в состоянии вытянуть из себя о Даниэле. Я никогда, черт возьми, не умел настойчиво поддерживать внутренне важные для меня знакомства. Почему я не побывал у Юлика еще не раз? Глупо.

27

Сколько потенциальных собеседников и поразительных впечатлений потеряно! Кого я только не встречал в толчее большой московской деревни. Но чаще совершенно, совершенно мельком.

В самолете по пути в Израиль со мной когда-то мило и доверительно разговорился Л.С. Броневой. Но никакого продолжения беглое знакомство не имело.

На «Московской трибуне», например, я встречал Р. Щедрина или Э. Рязанова, которому послал свою статью о Сталине. Он в ответ позвонил. Ну и что? Да ровно ничего.

Как-то в перерыве заседания «Трибуны» ко мне подошли И. Чурикова и Л. Ахеджакова и, волнуясь, спросили, явно перепутав меня с неким прорицателем: «Что же будет дальше?» Я что-то веско и внушительно отвечал... Ну и что? Опять безо всякого продолжения. Осталось восхищаться теперь ими всеми по «Культуре».

Мне довелось обменяться какими-то словами с И.М. Смоктуновским, встретившись за просмотром гранок наших статей, предназначенных для одного и того же номера «Вопросов философии» (или для какого-то сборника). Он проронил что-то интересное, а что – я не помню.

Мой добрый приятель режиссер Леонид Хейфец познакомил меня с О. Борисовым после спектакля, в котором великий актер играл Павла Первого. Тот держался замкнуто. Рассказать мне опять-таки нечего.

Случилось сидеть за столом «Националя» – на обсуждении, созванном Г.А. Явлинским, – рядом с Ю. Любимовым, С. Сорокиной, Б. Акуниным и др., но никак не могу сказать, что «познакомился» с ними. Сколько талантливых или даже гениальных людей промелькнуло в моих жизненных клипах. И никого из них я так и не

имел возможности и радости разглядеть поближе. Ведь на то и клипы...

Как жаль!

Что до вечера в «Национале», поведаю о нем в должном месте записок.

28

Были и встречи в какой-то мере всерьез, но всего лишь на несколько очень существенных (для меня) и ярких жизненных миггов. Так это произошло с Арсением Александровичем Тарковским, у которого однажды я побывал с Валентиной Григорьевной Григорович (Монгайт) на его дне рождения и который пригласил меня как-нибудь приехать «послушать музыку» (у него была фантастическая фонотека на две стены снизу доверху). Бог ты мой, я почему-то так и не приехал!

Нечто – совсем по-иному – было у меня в этом же роде с Юрием Михайловичем Лотманом, с Лидией Яковлевной Гинзбург, с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, которого я знаю и люблю с начала семидесятых. Как-то он привел на мой доклад Чудаковых (отношения с ними – отдельная история), а после доклада мы в поздний час зашли на Тверскую к Копелевым.

Или, скажем, почему я ни разу не пригласил к себе Юрия Александровича Леваду? Не знаю.

Мы часто и подолгу толковали в простенках ИНИОН, где он одно время служил, а я выступал с докладами или был слушателем его примечательных семинаров.

Упоминаю и мог бы назвать много других громких имен не для того, чтобы похвастать такими знакомствами (которые стали фактами только моей, но не их биографий). А чтобы сказать: я всегда дышал не только неизбежными гниющими запахами советской общественной среды, но подчас, если позволено выразиться патетически, и свежайшими порывами морского (или горного) воздуха.

Даже отчасти уже в Харькове. Где я между прочим имел случай свести первое знакомство с Копелевым и Орловой. (Льва Копелева я навестил и видел в последний раз много позже, в Кельне.)

И – полной грудью – дышал благодатными впечатлениями, разумеется, в Москве. Мне очень повезло, когда меня изгнали из родного города. Я уже имел случай написать об этом.

29

Если помянул о Даниэле, то, казалось бы, самый подходящий момент рассказать об Андрее Синявском. А значит, и о Марии Розановой. Но знакомство и дружба с ними – события уже перестроечных времен, поэтому я должен пока отодвинуть эту очень дорогую для меня тему.

А сейчас расскажу об эпизоде совсем-совсем иного плана.

Моя первая (покойная) жена, пианистка Инна Александровна Окраинец, подружилась на отдыхе с **Цириной** (это – имя, очень стыдно, что не могу вспомнить фамилию удивительной женщины, как и имя ее прекрасного мужа). И привела их в наш дом.

Цирина, тогда – в те же семидесятые – еще совсем молодой была тяжело больным человеком, инвалидом первой группы. Притом эта маленькая хрупкая женщина отличалась необыкновенно деятельным и нестигаемым характером и помогала, как я вскоре узнал, издавать «Хронику текущих событий». Ибо она была дружна с Шихановичем (я сам так и не познакомился с этим известным диссидентом). Читатели постарше прекрасно помнят, что это было регулярное, самое важное и читаемое подпольное машинописное издание на листах папиросной бумаги, через один интервал, передаваемое из рук в руки на какие-нибудь сутки. Со временем в Москве, надеюсь, поставят памятник «Хронике» (и тем самым всему великому Самиздату!) с именами тех, кто ее вел (когда одни издатели сменяли других, уже посаженных, в ожидании собственного ареста).

Возникла следующая ситуация. Недавно был арестован один из ведущих сотрудников

«Хроники» астрофизик Кронид Любарский (о нем тоже см. ниже), и нужно было скорее выпустить следующий номер «Хроники» хотя бы в трех-четыре экземплярах, в частности, для того чтобы показать, что Кронид к ней будто бы не причастен. Цирина с мужем жили в коммунальной квартире, и она не могла печатать «Хронику» дома, соседи услышали бы постоянный стук машинки. Я предложил ей заняться этим у нас, в изолированной квартире. Саша (все же так звали ее мужа?) перевез «Эрику» к нам, Цирина приезжала по утрам и бралась за утомительное дело, ночевать возвращалась к себе. У меня машинки не было, я только мечтал о ней, сам печатать еще не умел и помочь Цирине не мог.

При обнаружении «Хроники» непременно давали срок. Откуда-то я узнал, что на случай внезапного обыска есть якобы отличный способ скрыть бумаги: свернуть их в трубочку, запечатать в полиэтилене и поместить на дне большой кастрюли с борщом, открыто стоящей на газовой плите. Что ж, Инна сварила густой борщ...

Потом пошли презабавные и страшненькие совпадения. Вот одно из них. Как-то вечером раздался резкий дверной звонок, и в прихожей появился лейтенант милиции, протянувший удостоверение участкового (или как это называется). Машинка и кипа отпечатанного

находились в другой комнате, посетитель внимательно, неспешно озирался и спрашивал о соседях: де, не заметили ли мы чего-либо, кто к ним приходил и т.п. (Потом я узнал, что у соседей он то же самое выпытывал о нас.) Вроде бы искали какого-то уголовника. На том и закончилось незатейливое маленькое приключение, но изюминка в том, что за все годы это было первое и последнее появление в моем доме милиционера, – и надо же, именно в описываемый момент. Он ушел. И мы посмеялись довольно нервно...

Закончив, Цирина затемно поехала к метро передать сделанное Шихановичу, а мы и Саша сидели в тревожном ожидании. Но все обошлось. После возвращения Цирины мы облегченно и весело выпили за ее здоровье.

30

В ИВИ произошла очередная реорганизация, страноведческие группы закрыли, было непонятно, в какой сектор мне приткнуться. В сектор истории средних веков я попасть, упаси боже, сам не хотел, да и меня не выносили, в секторе истории общественных течений во главе с Кучеренко, где подвизался Штекли, меня тоже не хотели. Я попал в «сектор информации» (позже «и историографии», когда заведование перешло к американисту Согрину). Там же позже оказался и А.Я. Гуревич, пока не перешел в

сектор демографии к Ю.Л. Бессмертному. Когда вышло указание усилить «контрпропаганду», то есть изобличение «буржуазных ученых», в секторе, если ничего не путаю, появился Сергей Станкевич, ведавший тогда на общественных началах группой по контрпропаганде при райкоме КПСС.

Об этом Станкевиче я мог бы многое поведать, мы работали в одном институте. При перестройке он тут же стал большеющим демократом, отхватил, как передавали, роскошную квартиру, принадлежавшую некогда сталинскому приближенному Поскребышеву, и в одной из комнат устроил домашнюю часовню... Но это – слухи. Может быть, и привирали. Достоверно лишь то, что он был очень неглуп и ловок, умел соединять осторожный конформизм с риторикой в модном духе. Мне доводилось публично одергивать его. Позже ему были предъявлены какие-то уголовные обвинения, связанные с бизнесом, что ли. Станкевич бежал с семьей за рубеж, а при Путине вернулся и... теперь опять солидно выступает по телевидению и радио. Таких демократов-хамелеонов было тогда достаточно, да и сейчас в избытке. Потому я и вздумал вдруг сказать об этом господине. Бог с ним.

Находиться в секторе мне стало невозможно. На первом же заседании, посвященном контрпропаганде, я сказал, что лучший способ разоблачить Тойнби, Ле Гоффа и пр. – это пере-

водить их сочинения, чтобы их антимарксистская сущность стала для всех самоочевидной.

31

Куда же теперь?

Существовал сектор, созданный для «внедрения» советских проектов и авторов в затеянную ЮНЕСКО многотомную историю культуры человечества. (Потом это издание вроде бы увяло, но сектор остался просто как сектор истории культуры.) Заведовал им Юрий Николаевич Афанасьев, руководитель исторической редакции «Коммуниста», главного журнала ЦК КПСС. То есть это был номенклатурный и ответственный, важный партработник. В дирекции к нему относились с почтительной опаской.

Но он был довольно-таки странным человеком «сверху».

Забредя на заседание ученого совета, посвященное все той же жгучей борьбе с буржуазной историографией, я его впервые увидел и услышал. Ю.Н. заявил, что нужно оценивать западных историков не по их политическим высказываниям, а соответственно научной весомости их исследований. Тут при виде такой крамолы посчитала нужным выступить против номенклатурного оратора и директор ИВИ Удальцова, и осторожнейший профессор Барг... А я с удовольствием подивился необычному апаратчику.

Арик, разве что заочно знакомый с Афанасьевым, в своей решительной манере вдруг подошел в коридоре к Ю.Н. и сказал: «Возьмите к себе Баткина». Тот несколько секунд подумал и ответил любимым словечком: «Нормально!».

На ближайший же присутственный день я сидел и выступал в Секторе по изучению истории культуры... Для меня в плане политическом, да и личном, это скромное событие оказалось впоследствии крайне существенным.

Но рассказ об Ю.Н. и пр. тоже следует отложить до следующей главы.

32

Участие в «МетрОполе»

Началось, как и почти все на свете, случайно. Я написал небольшую статью «Неуютность культуры» по предложению «Вопросов философии». Она была принята и даже набрана, но затем отклонена после замечания «сверху», то есть из ЦК. Я сделал десяток машинописных копий и давал читать их друзьям. Один экземпляр попал к Лене Хейфецу, а тот познакомил с текстом своего старого приятеля, фамилия которого в тот момент мне ничего не говорила: Фридрих Горенштейн.

Потом я прочел в рукописи его великолепную жесткую повесть о зиме 1953 года, прочел

и замечательную пьесу «Бердичев», которая почему-то до сих пор – может быть, я плохо информирован? – не поставлена нашими театрами. Узнал, что именно он был – под псевдонимом – автором сценария изумительной «Рабы любви» с Еленой Соловей. А под собственным именем ему удалось опубликовать до «Метрополя» *один* рассказ...

Фридрих, будучи превосходным русским писателем, с отточенным слогом, говорил с забавным местечковым еврейским акцентом. По этому поводу Фазиль Искандер в метропольской компании как-то пошутил: «Такое впечатление, что у Фридриха припрятан сундучок с чьими-то рукописями, и вот он вытаскивает одну за другой».

Вскоре после «Метрополя» Фридрих эмигрировал в Берлин. В 90-е у нас стал моден его богоискательский роман «Псалом», который, как и та повесть, которую он поместил в альманахе, на мой вкус, был слабее вышеупомянутых вещей. Фридрих рано умер в Германии. Теперь о нем, по-моему, поспешили забыть.

Напрасно.

33

Заехав как-то к Хейфецу, я застал у него незнакомого Горенштейна, и тот через пять минут предложил мне участвовать в тайно подготавливаемом неподцензурном альманахе. Пояснил

блестящий состав участников. Я без раздумий тут же согласился.

Мою статью поставили в заключение сборника.

Спустя сколько-то дней я разыскал однокомнатную квартирку покойной матери В. Аксенова, лагерницы Евгении Гинзбург, автора очень известного «Крутого маршрута». В ее опустевшем доме сибиряк Евгений Попов, известный тогда лишь удачными причудливо-смешными, отдающими горьким сарказмом и буффонадой рассказами, появившимися в «Новом мире», неустанно трудился над технической подготовкой «Метрополя».

Мы сходились там многократно.

Об этом нашумевшем издании, придуманном, кажется, Виктором Ерофеевым и возглавленном Василием Аксеновым, написано и наговорено достаточно. После перестройки «Метрополь» был переиздан в СССР и стал общедоступным. Я ограничусь поэтому только некоторыми субъективными впечатлениями и оценками, а также запомнившимися штрихами знаменательной истории.

Теперь, впрочем, «Метрополь» забыт и в большой истории русской словесности не остался. Последнее, по-моему, в общем, заслуженно. Но в тот момент «Метрополь» стал самым примечательным литературно-поли-

тическим событием 1979 года. *Впервые*, не в «тамиздате», а в Москве, под носом у властей, открыто и вызывающе был обнародован альманах, принципиально провозгласивший свободу от цензуры. И быстро напечатанный *на языке оригинала* в Штатах, в издательстве «Ардис». В западном мире поднялся изрядный информационный бум. Мы угодили чуть ли не в герои.. .

34

Я до тех пор не был знаком ни с кем из метропольцев (кроме режиссера Марка Розовского). С большим любопытством наблюдал за литературной средой, в которую не был вхож, как не вхож и поныне.

Сама атмосфера нашего общения была свободной и прекрасной.

И не без моментов комических.

Высоцкий в коридоре рассказывал мне и еще кому-то отборные байки «из жизни». Я отлично их запомнил. Передать, что ли, для роздыха читателей одну из них? Тем более что она тоже «в теме» – о советском общественном быте. На Таганской площади был «гадючник», то есть забегаловка, в которую обычно наведывались любимовские актеры. И там можно было наблюдать следующее. Заходил некий оборванец, приглядывался к столикам, посетителям и разлитой по стаканам водке, вдруг хватал чей-то стакан, опрокидывал в глотку и тут же бросался

на колени перед пострадавшим, бил себя кулаками в грудь, матерился и орал: «Ну, ударь меня, ударь!» Уходил, конечно, с миром. Через час-другой, при уже сменившемся составе публики, входил и повторял свой номер.

Еще припоминаю, как Высоцкий, с гитарой и оперев одну ногу о стул, пел нам свою известную песенку о человеке из «органов». Не думаю, что «органам» не было занимательно в очередной раз записать эту песенку через прослушку, отрицать присутствие которой в такой квартире было бы бессмысленной ошибкой.

Белла, под настроение, очаровательным облачком проплывала между мужчинами, еле прикасаясь к каждому пальчиками. Мне однажды небрежно сказала: «Вы в литературном свете не бывали?» – «Нет». – «Что ж, теперь побываете». Ах, Белла ошиблась.

Вася, в связи с планируемой публичной презентацией «Метрополя» иностранным корреспондентам, как-то рассуждал о том, что нужно будет ограничиться только шампанским и икрой, пригласить (мне тогда неизвестную) восходящую звезду Аллу Пугачеву, саксофониста Козлова (я не переврал фамилию?), ну, а на роль королевы бала самую красивую актрису Москвы, – конечно же, Максакову.

О более серьезном. Я впервые увидел С.И. Липкина, о котором не знал, что он не только искусный переводчик, но и большой

*Группа авторов
«Метрополя»
(в неполном
составе)*

оригинальный поэт. Когда чуть позже в ресторане в Переделкине его чествовали по поводу юбилея, я узнал об этом из тоста Вячеслава Всеволодовича. И лишь потом, прочитав его книги, понял, что это воистину так. Я увидел рядом с ним прекрасную и нервную Инну Лиснянскую, тоже поэта и тоже первостатейного.

Поначалу оба они отнеслись ко мне недоверчиво (теплые, хотя и крайне редкие, отношения между нами сложились позднее). Не потому, что я был чужаком. И обо мне никому ничего, по сути, не было в литературном круге известно. А потому, что иногда я открывал рот преимущественно по определенному практическому поводу. Выпуск «Метрополя» задерживался (в исходном виде он представлял собой четыре тяжелых фолианта с тремя раструбами на скупом и выразительном фронтисписе). Я настойчиво советовал поторопиться. Липкин и Лиснянская потом признались мне, что тогда истолковали эти советы как боязливость. Только когда мои опасения оправдались, оба поняли, что дело заключалось совсем в другом.

Подготовка «Метрополя» была секретом Полишинеля, но, если все взорвется преждевременно, выпуск его в свет – теперь уже не неожиданный, а вопреки прямому запрету – мог оказаться затрудненным и увеличил бы объем провинности. Что до дерзкой «презентации», то тогда ей уж точно не состояться.

Известно, что так и произошло.

35

**Как не состоялась
презентация «Метрополя»**

Разбирательство в Союзе писателей шло уже на полную катушку. Фолианты были тем временем готовы. Белла Ахмадулина забронировала для презентации кафе неподалеку от площади Маяковского. Накануне вечером мы в большинстве своем собрались в высотке, в обширной квартире покойного Романа Кармена, у Аксенова, чтобы обсудить, как поступить завтра.

Пили и спорили до середины январской ночи.

Мнения отчетливо раскололись, примерно пополам. Вася был категорически «против». Фазиль, кажется, тоже. Беллы и Бориса Мессерера не было. Липкин, Лиснянская, Карабчиевский, я сам – были «за». Сошлись на том, что каждый поступит по своему усмотрению.

36

К условленному времени мы с Инной первыми подошли к кафе. За дверью висело сообщение: «Закрыто по техническим причинам».

Было довольно морозно. Мы перешли на противоположную сторону улицы и, переминаясь с ноги на ногу, принялись смотреть.

Рядом с кафе находилась телефонная будка. В ней какой-то человек держал трубку подле

уха, внимательно наблюдал за входом, и притом губы его не шевелились. «Топтун».

Потихоньку к нам присоединилось еще несколько человек.

Вскоре стало ясно, что ничего примечательного больше не произойдет.

Кто-то известил, что остальные метропольцы поджидают на привычной явочной квартире. И все направились туда. Маршрут не был ни крутым, ни долгим.

Сухого вина принесли вполне достаточно.

Смеялись. Отметили выход «Метрополя» в свет.

Остальное известно.

37

Эпилог

Спустя двадцать лет решено было праздновать юбилей «Метрополя» на знаменитой квартире-мастерской Бориса Мессерера. Пригласили, конечно, и меня с Надей (моей второй женой).

Людей набилось уйма. В том числе и никому не знакомых. Какая-то грузинка, приятельница Беллы, потчевала вкусными национальными блюдами, при виде которых грустная и отрешенная Белла слегка оживилась. Произносились тосты. Семен Израилевич только коротко заметил: «Вот, мы живы, а их уже нет». Наверху, в помещении мастерской, занятно уставленном

старинными утюгами, граммофонами, прялками и т.п., находилась телекамера, и Витя Ерофеев, словно предугадывая будущую карьеру ведущего, пояснял историческое значение «Метрополя». Когда он вслед за другими пригласил к микрофону и меня, я сказал нечто, Вите определенно не понравившееся.

Хорошо, что «Метрополь» произошел в глухое время. Но я не стал бы преувеличивать масштабы нашей смелости. Возможно, причина того, что никаких губительных последствий не было, состояла в участии нескольких очень уж громких имен.

Я тогда этого не говорил, но сейчас поясню, что Андрей Вознесенский уже через месяц после события завтракал в США у президента. Фазиль вскоре напечатал гораздо более дерзкую повесть, да не где-нибудь, а в «Континенте», и тоже, в общем, ему сошло. У Беллы задержали новый сборник на год, затем он вышел в Кишиневе. Аксенов верхом на «Метрополе» с почетом въехал в Штаты. Выгнали с работы почему-то лишь В. Тростникова, правда, *вузовского преподавателя* математики (возможно, это и сочли несовместимым с участием в подрывном альманахе). Ерофеев продолжал публиковать литературоведческие статьи, но прозу не допускали (как и раньше). Зато «Русская красавица» была переведена на многие языки. И он, и Женя Попов стали популярны и прекрасно

*Прием у В. Аксенова
в честь выпуска
«Метрополя» в связи
с приездом
Генриха Белля (в
центре)*

обошлись без звания «кандидатов в члены Союза писателей». Что до меня, то о публикации книг лет десять не могло быть и речи. Я был в черном списке. Но ведь и раньше...

Между тем, другие люди в это же время плавились свободой или даже жизнью.

По-моему, мы не заслужили медали «За отвагу». Разве что «За участие...».

38

Юрий Карабчиевский

По случаю своего пятидесятилетия я пригласил нескольких человек. До этого отдыхал, как обычно, в Гаграх, заплывал на час-полтора в море и сочинял при этом стишки в честь будущих гостей, а вернувшись на случайный постой, записывал их. Теперь же, во время праздничного ужина, зачитал каждому из друзей.

Вот что значилось в посвящении Юре Карабчиевскому.

Как мы слышим, так и дышим.

Что хорошего слышать?

Как мы дышим, так и пишем.

Только трудно нам дышать.

Не стараться угодить –

Для тебя-то не забота.

Только нужно заработать,

Чтоб потом писать и жить.

*Так! Достоинство плебея,
Тяжесть века, взгляд еврея,
Слова русского настой,
Счастье быть самим собой.*

*Хорошо бы в дни лихие
Нам дожить до мартабря
И дожидаться, чтоб тебя
Напечатали в России.*

Мы проживали неподалеку, по московской мерке были соседями, но ничего не знали о существовании друг друга. В «Метрополе» Карбачиевский поместил две поэмы белыми стихами. Прочитав, я поразился их сегодняшней жизненной предметности, неожиданной прозрачности и одновременно густоте стиля, главное же, пронзительной искренности. Раздобыв Юрин телефонный номер, я тут же позвонил ему и воодушевленно высказал свои впечатления. Ему это, естественно, доставило радость. А я был доволен собой, я поступил по давно заведенному мною правилу: нужно безотложно звонить одарившему тебя своим созданием автору, каждый автор – во всяком случае, не именитый – нуждается в подобных звонках при вечных и безнадежных попытках понять, чего же его сочинения стоят на самом деле.

Мы начали часто встречаться, в квартире у них был невероятный кавардак, расцвеченный хол-

стами его младшего сына. Жена Света, свойская и *настоящая*, как сам Юра, готовила на пятиметровой кухне простую и смачную еду, неизменно подаваемую под «напиток», то есть самодельную крепкую яблочную или ягодную настойку. Мы говорили и спорили часами. Для меня был внове Юрин жизненный опыт, его редкостная цельность. Меня поразила «Тоска по Армении». У А. Битова тоже есть отличная и тоже зачарованная книга впечатлений об Армении и армянах. Наверно, более высокого чисто литературного класса. Но я предпочитаю Юрину «Тоску». Юра, будучи тоже профессиональным писателем, брал не классом, а неповторимо-личным и распахнутым тоном. Он приехал в Ереван не известным прозаиком, а работником по ремонту импортной медицинской аппаратуры. И по-товарищески, с мастерской естественностью, в доверительном личном разговоре с читателем рассказывал, что видел и с кем познакомился. Тут главная современная стилевая примета – интонация.

Я думаю, что его книги останутся именно потому, что они продиктованы сиюминутным переживанием. Ибо это *сиюминутность очень высокой концентрации и без суженности (суетности)*, она вмещает в себя поэтому и наше сегодняшнее, и завтрашнее ощущение жизни.

Юра дружил и познакомил меня с писателем Владимовым. Со своими соседями – по-

этом Ларисой Миллер (еще раньше я услышал восхищенный отзыв об ее стихах от Ольги Чайковской) и мужем Ларисы, другом Сахарова, отважно навестившим его в Горьком, физиком и инакомыслящим Борисом Альтшуллером. Все эти люди так или иначе вошли в состав того общественного воздуха, который я вдыхал. У каждого можно было обнаружить своеобразный, только ему свойственный, способ жить, думать, поступать. Это невозможно, да и незачем было бы перенимать. Я оставался, в свою очередь, самим собою. Зато они, наряду, скажем, с переваренными книгами, становились частью моего личного вещества. Расширялся объем мира, в котором можно было достойно существовать.

Юра Карабчиевский стал одним из самых важных для меня способов духовного расширения. Дружа с ним, я становился непринужденней, проще и свободней.

Он не раз говорил, что для него «Метрополь» не принес никаких жизненных осложнений, напротив, имя его впервые стало известным, и его стали печатать. Конечно, до перестройки только на Западе.

Еще я запомнил слишком очевидное, но характерное для него замечание. Мы говорили о лучших и настоящих наших писателях, например, о Паустовском или Юрии Казакове. Мы все, читая их, смывали с себя коросту. Но, ска-

зал Юра, то главное, что прошивало наше существование и о чем все толковали на кухнях, оставалось по необходимости за границами их блистательных сочинений. И поэтому все равно это была ущербная литература. В ней не было ни капли вранья, но она скромно цвела в тумане умолчаний.

В этом плане она была, добавлю, чистейшим и человечным эскапизмом. Но, слава Богу, хотя бы эти мастера были у нас в загатнике. Как и музыка. Они тоже были музыкой. Сейчас их не перечитывают. Что ж... В отличие от пьес Шатрова у них еще много времени впереди.

Что до сочинений Карабчиевского, то они – ничуть не будучи политизированными, специально антисоветскими – свободны от умолчаний.

39

Знакомство и дружба с Юрой – единственное, что всерьез щедро подарила мне история с «Метрополем». Его самоубийство в 1992 году потрясло меня, как и других.

Я опубликовал статью о личности и поэтике Юры («Тоска по России») в «Дружбе народов». Если кто-либо пожелает, можно найти ее в тех же «Пристрастиях».

Но еще захотелось воспроизвести здесь свой некролог, напечатанный в «Литературной газете» от 5 августа 1992-го. Начал воспомина-

ние о Юре своими полусутоливыми стишками, а закончу перепечаткой из газеты.

Потому что мне не удастся сейчас, спустя двадцать лет, найти более удачные слова о дорогом друге. Тогда же – меня обожгла его неожиданная гибель. Я стоял перед свежесделанной могилой у изголовья гроба. И увидел шрам на задней стороне черепа. И понял, что эту светлую голову **вскрывали**.

Памяти Ю. Карабчиевского

Любят толковать о «писательском призвании», но это еще надо доказать. Юрий Аркадьевич ничего никому не доказывал, он, инженер-электронщик, пошел на завод ремонтировать какие-то хитрые приборы, так было легче прокормить семью и сохранить независимость. А для стихов и прозы оставались от г у л ы. Хорошее слово для думающих и пишущих свободно. Вот так он и писал замечательные вещи, относящиеся к лучшему, что есть в сегодняшней русской литературе: «Жизнь Александра Зильбера», «Незабвенного Мишуню», «Тоску по Армении». И до 1988 года ни одной печатной строчки на родине. Так он таскал потертый портфельчик с инструментами и писательствовал – не год-другой, а двадцать лет – попробуйте-ка сами.

Какой это был человек, не расскажешь в некрологе. Только одно: ему были интересны раз-

ные люди, но не деланные, не светские. Невероятная чуткость к подлинности и фальши, всякой, житейской и литературной. Он прекрасно знал, что человек и писатель часто раздваиваются, но все-таки и в литературе он хотел почувствовать, что за человек автор. Он верил, похоже, в утверждение Уитмена: «Пойми... нет такой уловки, чтобы скрыть от твоих писаний хоть какой-нибудь изъян твоего сердца». Более всех он любил Мандельштама: за слитные поэзию и естество. Он тоже признавал себя плебеем, из автобусной давки, с той особой, более чем аристократической гордостью, какая бывает только у людей, у которых нет ничего, кроме достоинства самодельной судьбы, оплаченной ключьями своей кожи. Вы, надменно болтающие что-то о «шестидесятниках», да понимаете ли вы, что это первое после террора поколение, когда каждый мог теперь **выбрать** – выйти в отличники и прижиться, «как все», или задуматься и стать отщепенцем?! А вы – готовы ли выстрадать биографию?

Ведь тоже придется.

Карабчиевский уважительно и отчужденно восхищался теми, у кого достаёт фантазии, например, на исторические романы. Сам он мог воображать только о знакомом воочию. Ему хватило бы на тома одних соседей по дому. Он поражает психологическим реализмом: простите, термин вроде старомодный. Но инто-

нации у него безупречно точные, современные, из стоических городских мытарств.

В 1969 году Карабчиевский написал: «Сегодня, в тоске коридора, / испарину чувствуя лбом, / я понял бессилие слова – /любого, с любим, о любим. / Впервые за долгие сроки / я понял далекий намек: / мы так же с тобой одиноки, / как каждый из нас одинок». Я не знал его настолько еще молодым, переоткрывающим в этом мире самое очевидное и самое невыносимое. «Никто никого не обманет, / никто никого не спасет». Так все, конечно, и произошло. Не спасли.

Юра, как больно!

40

Американские издатели устроили ужин в честь «Метрополя» в модном тогда ресторане «Арагви». Выступали известные диссиденты. Выступил Андрей Дмитриевич. Затем он вышел в коридор, уселся и устало, машинально жевал в одиночестве какой-то бутерброд. Я давно его не встречал. Подсел к нему, заговорил.

Но А.Д. не повернул ко мне головы и не отвечал. Я растерянно спросил: «Вы меня не помните?» – «Нет, я отлично Вас помню. Но это Вы распустили обо мне слух, будто я готов эмигрировать. И разговаривать с Вами я не буду».

Я был ошеломлен. Это не только было полной неправдой, я никому ничего подобного

не говорил, но мне никогда даже и в голову не приходило, что А.Д. может навсегда покинуть Россию. Я начал говорить это Сахарову. Но он твердо отрицательно покачал головой, сказал, что сведения у него достоверные и что разговаривать он не будет. Мне ничего не оставалось, как встать и откланяться.

Я до сих пор могу только гадать, кто возвел на меня напраслину.

Вскоре произошли вторжение в Афганистан и горьковская ссылка.

Но я не смел после отповеди в «Арагви» даже писать в Горький. Молчал и следил за тяжкими испытаниями Сахарова издалека. Было очень горько. Когда А.Д. вернулся в Москву, меня не было среди встречающих.

Хотя по возвращении из ссылки Сахаровы, казалось, ничего не помнили о поразившем меня давнем эпизоде, я не сразу решился опять приехать в гости на Чкалова. Только в связи с моей идеей «Московской трибуны».

41

Послевкусие «Метрополя».

Поездка на Лубянку

В один прекрасный летний день я пришел в свой институт и тут же был вызван – впервые – в *Первый отдел*. Требовалось, сказали мне, что-то уточнить в моих данных. Оставив в секторе портфель, спустился вниз.

Едва я вошел туда, сбоку из соседней комнаты ко мне подошел невысокий невзрачный человек и представился как *куратор* ИВИ. Равно и других исторических институтов Академии. «Курирую всю историческую науку», пояснил он. И сказал, что со мною хотели бы побеседовать в центральной приемной на Лубянке. «Есть вопросы, которые надо бы задать вам».

Я согласился. Мы вышли к поджидавшей у института машине. Прежде чем усесться, я сказал: «Мне ведь нужно вернуться на работу, да я и оставил здесь свой портфель. Вы меня доставите назад?». – «Хорошо», – кивнул тот.

Приемная находилась (и наверняка находится) с тыльной стороны всем знакомого огромного строения дореволюционной биржи (если не путаю), в отдельном здании. Мы поднялись по полуовальным ступеням, сопровождающий довел меня до какого-то кабинета на втором, кажется, этаже, приотворил дверь. И исчез – навсегда.

Все же я могу похвалиться, что видел живого куратора КГБ. Кстати, Владимир Владимирович Путин начинал свою служебную деятельность, еще до Германии, после окончания Ленинградского университета, в роли его куратора. Но с В.В. мне встречаться не довелось.

В кабинете за столом сидели двое. Ну да, один напротив меня, другой под углом в 45 градусов. Первый вежливо вел допрос, второй

вставлял угрожающие реплики. Увидев и услышав это, я взбодрился, ощутив себя опытным человеком.

Моя задача состояла в том, чтобы понять, что и кто их интересует.

Собеседование было всецело посвящено моему участию в «Метрополе». В частности, в связи с тем, что только что перевод альманаха появился даже в Турции... Узнать об этом мне было любопытно, и я не скрыл этого от собеседников.

Мне было сказано, что «Метрополь» был провокационной акцией ЦРУ и носит грубый антисоветский характер. Я отрицал: «Вы ведь читали. Там нет ни одного антисоветского высказывания, это чисто литературная затея». Так оно, в известном смысле, и было, и я честно глядел им в глаза. Мне предлагали высказать публично сожаление о своем участии в антисоветском мероприятии. Я объяснял, почему не вижу оснований пойти на это. Спросили, кто и как вовлек меня в «Метрополь». Я охотно назвал фамилию Горенштейна. Они, довольные, встретились и спросили, кто таков и где находится. Я вынужден был доложить, что Горенштейн недавно эмигрировал и находится, насколько мне известно, в Берлине. Они разочарованно переглянулись. Мне опять и опять угрожали. Беседа продолжалась часа полтора и явно шла уже давно по кругу.

Наконец основной собеседник мне сказал, что я свободен, и тот, второй, вывел меня на крыльцо. Еле-еле накрапывал августовский дождик. «До свидания». – «Э, нет, – сказал я раздраженным и капризным тоном, – куратор обещал, что меня доставят обратно на работу. Чего это я должен добираться сам, да еще под дождем!»

Тот бросил на меня ненавидящий взгляд, сказал «подождите» и исчез минут на десять в дверях. Я сообразил, что распорядиться машинами сам он не мог и вынужден был испросить согласие своего начальника. То-то начальник поднял брови. Наверняка, с таким комфортом допрашиваемых отпускали нечасто... или даже случай был вовсе из ряда вон. Так что я устроил этому типу после безрезультатной «беседы» еще и маленькую личную неприятность.

Слаб человек! Я хвастал этим приключением при каждом подвернувшемся случае и вот – похваляюсь до сих пор.

Глава четвертая

Перестройка и немного после нее (1988–1993)

1

«Иного не дано»

После пленума ЦК КПСС 1987 года мне стало ясно, что М.С. Горбачев, сам вряд ли представляя это, заваривает кашу не на шутку. Она могла оказаться (в результате гораздо более основательного, чем при Хрущеве, нового оттепельного *оползня*, пусть даже за пределами поначалу весьма ограниченного горбачевского замысла) долгожданным переломным этапом. Мой очень близкий харьковский друг, блестящий физик Марк Минц, с которым мы обсуждали наплывавшие туманные события, выразился более строго: «При столь *метастабильной* ситуации, как у нас, всякие даже поначалу частные изменения могут привести к радикальной реструктуризации».

В начале 1988 года ректор Историко-архивного института Ю.Н. Афанасьев выступил в издательстве «Прогресс» в роли ответственного редактора будущего сборника «Иного не

*Слева направо: А. Баткин, А. Карпинский, Г. Жаворонков,
Ю. Карякин, А. Сахаров, Е. Боннэр, Ю. Афанасьев.
Начало перестройки*

дано», которому суждено было стать своего рода первым идеологическим предисловием к перестройке. Ю.Н. пригласил меня в число авторов.

В сборнике появилась первая после ссылки публикация А.Д. Сахарова.

Моя же большая статья называлась «Возобновление истории». Так я впервые стал политическим публицистом, обнародовал в последующие годы много статей, их часто переводили за рубежом, из них составились две русские книж-

ки, а, кроме того, в небольшом нью-йоркском издательстве издали томик на английском.

Летом в «Прогрессе» провели презентацию сборника. Для меня она была ознаменована первой спустя много лет встречей с А.Д. и Е.Г. Они пригласили меня сесть рядом и были очень приветливы. Мучивший меня столько времени нелепый поселемтропольский эпизод, похоже, был исчерпан и перечеркнут.

2

«Московская трибуна»

Это, возможно, самый значительный эпизод в моей гражданской биографии, длившийся с осени 1988 года и, если не ошибаюсь, до 1992 года.

Летом я прогуливался по рижскому взмору и раздумывал о политической ситуации. «Перестройка» быстро приобретала все более *исторические* (а не только ситуационные) очертания. Перед стендами у редакции «Московских новостей» постоянно толпились люди. Стали появляться выступления, решительно выходящие за рамки хрущевской оттепели и подписанные весомыми или ранее неизвестными, однако приобретавшими мгновенную весомость именами (Пияшева, Селюнин, Шмелев и др.). Но это были голоса порознь, это были смелые идейные выпады враспырку.

Не настало ли время их перемножить, стянуть в оркестровое tutti, короче, создать *независимый и влиятельный дискуссионный гражданский клуб в качестве первого зачатка политической оппозиции?*

С этим в августе я вернулся в Москву. Попросил приехать Юру Афанасьева. Он сразу загорелся и впоследствии взял на себя основную часть организационных забот. Попросил его отправиться к Андрею Дмитриевичу (сам я еще ни разу после встречи на презентации «Иного не дано» не был в гостях на Чкалова, почему-то опасался, горький осадок после памятного «отлупа» все еще сидел во мне). А.Д. всецело поддержал мое предложение. Его авторитет придавал этому начинанию абсолютную значительность.

Мне пришлось отстаивать простую и практичную идею «Московской трибуны» (название было предложено Сахаровым) от двух противоположных друг другу интерпретаций. М.Я. Гефтер (в нашей работе участия так и не принявший) настаивал, чтобы «Трибуна» занялась прежде всего разработкой теоретических концепций перестройки. Ему определенно вспоминался опыт его разогнанного академического сектора. С другой стороны, звучали настояния, чтобы членство в «Трибуне» было совершенно открытым для любого желающего. Чтобы наши сборища стали своего рода небольшим демократическим вече.

Меня не устраивало ни первое, ни второе, и в довольно острых спорах я отстоял именно свой изначальный замысел. Теорией никому не возбранялось заниматься и дома, поодиночке или группами. Клуб не мог превратиться в подобие вольного научного института. Я был уверен: из этого не могло получиться ничего дельного, мало того, мы оттолкнули бы от себя множество людей культуры, от актеров до писателей... и естественников, в том числе физиков тоже. Распахнуть двери клуба перед любой неизвестной (и всякой) публикой я также считал невозможным. Мы стали бы толпой, проходным двором, неким периодическим возбужденным митингом с заранее не известными составом и численностью. Нет и нет.

Я сам, Ю. Афанасьев и кто-то еще маленькой группой собирались в квартире Елены Георгиевны. Хозяйка потчевала вкусным винегретом и чаем. Каждый предлагал свои кандидатуры в стартовый ряд участников будущего клуба. В частности, А.Д. назвал нескольких знаменитых академиков-физиков. Переданы были предложения известному тогда экономисту Шаталину и др., но они предпочли отказаться. Наше самоочинное предприятие было совершенно беспрецедентным и рискованным. Перестройка перестройкой, но оставалось неизвестным, как к нему отнесутся партийные власти. Лигачев? Да и сам Горбачев!

Заседание «Московской трибуны».

*Слева направо: Ю.Н. Афанасьев, Л.М. Баткин, А.Д. Сахаров.
1989 г.*

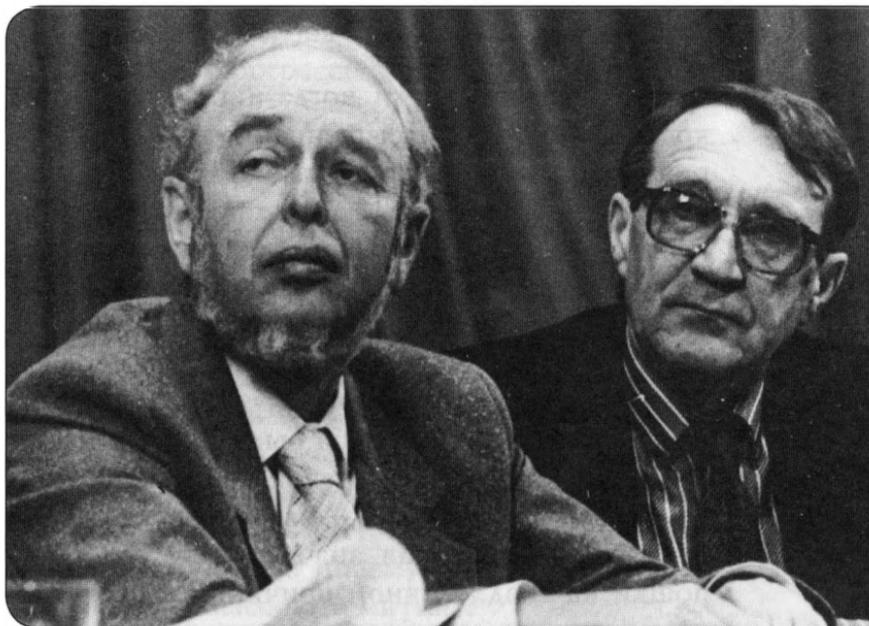
Бабьим летом А.Д. и Е.Г. отдыхали под Серпуховом. Мы поехали к ним. Помню Карякина, приглашенного Ю.Н., был кто-то еще, не помню, после совещания появился и корреспондент «Известий», что ли, с фотографом. Впрочем, все запечатлены на историческом снимке.

Я прочел текст заявления, возглашавшего создание дискуссионного клуба, в нем содержалось и нечто вроде устава, условия принятия (две рекомендации членов клуба) и пр. Было создано руководящее бюро, определяю-

щее повестку, даты собраний, утверждающее новых членов и т.д. Ю. Карякин, к удивлению, старался смягчить все формулировки, но А.Д. поддержал политическую определенность моего проекта. Внесли в него небольшие уточнения. Приняли название, именно в этот момент высказанное А.Д. По-моему, в начале октября 1988 г. в зале Историко-архивного института состоялось публичное создание «МТ». А.Д. предложил, чтобы я вел собрание. Ю.Н. был в отъезде.

В дальнейшем заседания проводились в зале великолепного Дома ученых. Там же в перерыве мы обедали. Несколько крепких молодых ребят охраняли вход. Проходили по членским или гостевым билетам. Галя Ковальская вела краткий протокол. Вел все заседания я, но со мной на подиуме обычно сидели А.Д. и Ю.Н., кто-либо еще из членов бюро.

У меня также была сама собой сложившаяся роль дежурного докладчика (по намеченной теме или в связи с новыми чрезвычайными обстоятельствами). Заранее назначались, конечно, и другие лица, изъявившие желание сделать доклад. Зал всегда был переполнен. Приходили журналисты. В Питере по нашему примеру создали «Ленинградскую трибуну». Наш клуб часто упоминали в зарубежной печати. Наши позиции неизменно были на шаг-два впереди наличного положения вещей.

Заседание «Московской трибуны».

Слева направо: А.М. Баткин, Р.З. Сагдеев

Шли, впрочем, неизбежные споры. Довольно быстро проявились двое активных и красноречивых участников, по любым поводам занимавших наиболее умеренные и компромиссные позиции. Это были политолог А. Мигранян и психолог А. Гозман.

Я не без раздражения резко возражал им. Поэтому и запомнились. Можно бы их и не вспоминать. Первый давно в Штатах, второй изредка выплывает на телешоу, держась за об-

ломок потонувшего и наконец-то покинутого им «Правого дела».

Не знаю, будет ли когда-нибудь написана краткая, но очень насыщенная и звонкая история «Московской трибуны». Здесь для нее, естественно, не место. Да и протоколы неизвестно где. Назову только заседание, на которое приехала грузинская делегация, прибывшая протестовать против ужасных событий в Тбилиси и первым делом явившаяся за горячей поддержкой к нам на «Трибуну».

Однажды гостем клуба был Г.А. Явлинский (после его отставки из правительства РСФСР).

Вслед за кончиной Андрея Дмитриевича дела и общественная значимость «Трибуны» пошли на спад. Главной причиной этого можно считать то, что более зрелым средоточием оппозиционности стала часть так называемой Межрегиональной группы, после Съезда народных депутатов начали возникать новые движения и партии, время клубных дискуссий ушло, а сама «Трибуна», которая избрала меня председателем, мелела. В ней появились и преобладали теперь люди, предпочитавшие не критиковать власть. Обстановка начала напоминать мне почившую в бозе «ДемРоссию». Я сложил с себя обязанности председателя и навсегда расстался с моим блудным детищем. Через года два на каком-то съезде демократов узнал, что «Трибуна» все еще существует. Кто его

знает, может быть, она тихо старится и сейчас в какой-нибудь прогрессивной богадельне.

3

Первый митинг в Лужниках

Я называл себя «политиком-надомником». В этом была сознательная доля кокетства с примесью самоиронии – и большая доля правды. Я был несколько тяжел на подъем, неплохие идеи приходили мне в голову преимущественно при лежании на диване. После чего я хватался за телефон. Вот так, за несколько дней до открытия Съезда народных депутатов (одна из лучших заслуг М. Горбачева и А. Яковлева), мне вдруг пришло в голову: а почему бы не собрать по этому поводу массовый митинг?

На съезд должны были съехаться депутаты со всей страны. Так почему бы не наречь такой митинг «всесоюзным»?

Я попросил с десятков авторитетных демократических депутатов встретиться в центре города и спросил, считают ли они вполне реальным собрать на митинг, скажем, 30 тысяч человек? До тех пор самые людные шествия собирала «Память» – до пяти – восьми тысяч. Если бы нам не удалось увеличить это число хотя бы на порядок, затея была бы только во вред, показав нашу слабость. Все мои собеседники выразили уверенность, что митинг получится многочисленным. Тогда я сформировал оргко-

митет из активистов разных оттенков (помню энергичную роль в нем Игрунова) и мягко, но настойчиво добился утверждения предложенного мной замысла и характера акции.

Без моего участия по всему городу появились приклеенные к столбам извещения-призывы, в горсовете согласовали время проведения и место: обширную площадь перед Лужниками. Препятствий со стороны властей не было. И в этих хлопотах я тоже не участвовал, только первым поставил подпись под заявкой. Набрал дома проект резолюции митинга, а также желательный список выступающих, в определенном порядке. Относительно последнего пункта сразу скажу, что митингующие сограждане внесли в него заметные изменения.

Первый в истории СССР самостоятельный и независимый демократический митинг состоялся 21 мая 1989 года. (Позже оказалось, что это был день рождения Андрея Дмитриевича, он, разумеется, тоже выступал.) Пробираясь с женой из метро, я увидел по дороге примерно полк внутренних войск, аккуратно припасенный рядом с Лужниками, на площади большой помост (или грузовик?), микрофоны и все такое. Собрались, по осторожным прикидкам, не менее 200 тысяч человек! Рядом с трибуной — множество телекамер и корреспондентов. Возбравшись на помост, я увидел море человеческих голов. Это было грандиозно!

Мы пригласили Б.Н. Ельцина, сначала он отказался, но в последний момент передумал и приехал. Я открыл митинг и предложил поручить председательствовать на нем известному всем Попову (меня, собственно, почти никто не знал, и я стоял рядом с ним, тихо знакомя со списком). Площадь начала скандировать: «Ельцин! Ельцин!» И Борис Николаевич выступил первым. Единственный, кажется, раз Сахаров и Ельцин были на одном помосте...

Продолжалось это действие часа два. Без единого инцидента. В заключение я взял микрофон, зачитал резолюцию и предложил проголосовать за нее. Взметнулись бесчисленные руки. Кроме того, я, воодушевленный ночным сообщением, что войска вроде бы отказались стрелять по собравшимся на пекинской площади, импровизированно пожелал успеха китайской революции... Все опять бурно это поддержали. Наконец, я попросил собравшихся покидать площадь спокойно, начиная с последнего ряда.

Дисциплина была образцовой.

На следующий день страна засела перед телевизорами...

4

Несколько небольших эпизодов, не имеющих никакого отношения друг к другу.

После митинга я давал интервью разным газетам. В одном из них я выразил разочарование

пассивностью студенческой молодежи. Не так было в 1968 году в Париже, не так сейчас в Пекине. Я выразил надежду, что и студенты Москвы наконец проснутся. Спустя несколько дней я улетел в Италию, о чем расскажу чуть ниже, а когда вернулся, узнал, что меня разыскивала московская прокуратура. Действительно, вскоре раздался звонок, и меня вежливо попросили зайти на беседу. Я отказался, заявив, что являюсь только по конкретному и официальному письменному вызову. На том и кончилось. Позже я достоверно узнал, что прокуратура действовала по личному распоряжению Михаила Сергеевича, раздраженного моим публичным подстрекательством студенчества.

Заодно упомяну совсем иного свойства эпизодик, не зная, куда его приткнуть. Это случилось уже после съезда. От «Московской трибуны», позвав за компанию известного китаиста Васильева, я поехал выступить в Прибалтику, где прошел свой особый съезд протестантов трех республик. Мне предоставили слово, но лишь потому, что я должен был передать личное приветствие А.Д. Сахарова. Мне там не понравилось, и не потому, что людей из Москвы там не замечали, это можно было понять, а потому, что руководящие известные лица из трех столиц держались обособленно от рядовых делегатов. Им подавали особую еду в особое

помещение, где они все решали между собой, потолковать с ними было слишком трудно, все отдавало, как мне показалось, непривычной для москвича иерархичностью и чем-то вроде надменности. Это, во всяком случае, выглядело по стилю не демократично. Словечко *vip* еще не было в ходу, но я очень заметил то, что позже стали обозначать именно так.

Маленький штрих, опять из другого ряда. Однажды С.А. Ковалев привез ко мне (как руководителю «Трибуны») некоего австрийского князя с очень громкой исторической фамилией (которую я запомнил). Князь руководил в Вене какой-то организацией, желавшей помогать советской перестройке.

Князь привез мне в дар кусок колбасы и пакет с химией для стирки. Князя хорошо осведомили о московском дефиците. Меня передернуло, но я был вынужден промолчать. Ну-с, поговорили. Князь очень удивился, увидев у меня на стене большой портрет Томаса Манна. Я вдруг решил отдарить его своей книжкой о Возрождении в немецком переводе, ему, конечно, не нужной. Он заглянул, опять удивился и сказал нечто любезное. И тогда я ответил: «Чем богаты, тем и рады». С.А. довольно усмехнулся.

И еще одно, гораздо более содержательное событие, опять совершенно невпопад, опять

не найдя для него более подходящего места. Однажды ко мне приехали посоветоваться руководительница одного из отделов журнала «Октябрь» (мне очень неловко, что не в силах вспомнить имя этой достойной журналистки) и всеми любимый поэт Юнна Мориц, тогда очень дружная с журналом Ананьева. Я не был с ними знаком.

У «Октября» произошло резкое столкновение с Союзом писателей, «органом» которого он значился. Подоплека была общественно-политической. Напоив дорогих гостей чаем, я спросил, в какой степени издание журнала зависит от правления Союза материально. Ответ был: ни в малейшей, у журнала огромный тираж (ох, тогда с литературными журналами это было так!), «Октябрь» самоокупается с избытком. Тогда я сказал, что выход из конфликта, по-моему, прост и лежит на поверхности. Да провозгласите себя *независимым* журналом!

Ананьев так и поступил, и на обложке появилось: «Независимый журнал». Я же вдруг стал в «Октябре» почетным гостем. Вроде повитухи его нового рождения. Меня печатали, приглашали на праздничные застолья, и я увидел там много примечательных людей, например, талантливую и своенравную Мордюкову, которая опубликовала у них интереснейшие воспоминания. Впрочем, я ей явно не понравился.

Фавор продолжался до кончины Ананьева, потом «Октябрь» перестал интересоваться моей особой.

А с Юнной мы долго дружили, как и с ее мужем Ю. Васильевым. Я ни разу не был у них, зато они часто приезжали к нам. Нужно ли говорить, какой Юнна яркий поэт и какой своеобразный и очень прямой, взыскательный человек. Она подарила мне не одну открытку со своими очаровательными рисунками и теплыми стихами на оборотах. Несколько лет тому назад наши телефонные разговоры все еще были по-прежнему милыми и доверительными. Но вдруг она совершенно неожиданно для меня оборвала наши отношения. Причина мне неизвестна.

5

Вернусь к неловко прерванной хронологической линии.

На третий день заседаний съезда я загодя позвонил Афанасьеву. И спросил Юру, почему отмалчиваются московские демократические депутаты? Разве прения вокруг процедур и т.п. не дают поводов для содержательных **политических** речей?

Спустя несколько минут Ю.Н. перезвонил мне и заявил, что обязательно выступит сегодня же. Вскоре позвонил Попов и сказал, что тоже выступит.

Тогда-то Юрий Николаевич, говоря по своему обыкновению резко и прямо, счастливо нашел вошедший в историю оксюморонный оборот: *«агрессивно-послушное большинство»*. И впервые взорвал зал. И, наверно, вся Россия непривычно заерзала на стульях и диванах.

Что до Попова, тот предложил, по существу, желающим записываться в оппозиционную фракцию! Но в перерыве с ним переговорил М.С., и Попов, взяв вторично слово для реплики, пояснил, что его неправильно поняли.

Настал тот замечательный день, когда Андрей Дмитриевич первым дал с трибуны честную и четкую оценку войне в Афганистане. Все помнят организованный тут же скандал «агрессивно-послушного» зала. По нынешнему телевидению часто повторяют кадры с выступающим Сахаровым и пытающимся прервать его Горбачевым.

Я тут же сел за машинку, сочинил и сделал десяток копий статьи о случившемся. Она называлась «Встреча двух миров на Съезде народных депутатов».

Очень удачно назавтра должна была произойти встреча главных редакторов европейских либерально-демократических газет. Председательствовал Е. Яковлев.

На круглый стол в главном отеле ЦК на Якиманке был приглашен и я. Когда очередь дошла до меня, прежде чем выступить, я предложил

вниманию собравшихся текст своей статьи. Е. Яковлев, взяв у меня экземпляр и быстро прочитав его, в перерыве съездил отдать его в «Московские новости», где статья и появилась на следующий день.

6

Другим результатом моего поступка стало то, что газета «Repubblica» после съезда пригласила меня в Рим на очередную конференцию по поводу советской перестройки. Я, а также Г. Старовойтова были подключены к писательской делегации.

Оттуда меня и А. Ципко позвали перелететь на такую же конференцию в Бергамо, где я вторично встретил Андрея Синявского и Машу.

Стоит упомянуть, что теплым римским вечером Галя повела меня отужинать в открытом кафе – по персональному приглашению Адама Михника и нескольких других поляков, в большинстве понимавших по-русски. Михник и говорил прекрасно. Я развлекал собеседников советскими политическими анекдотами. Михник хохотал громче всех. Говорили и о серьезном.

Благодаря коллеге по институту Виктору Гайдуку, великолепно знавшему итальянский (и не только итальянский), я оказался гостем знаменитого врача, пользовавшего итальянскую

верхушку (включая, между прочим, Тольятти). Гайдук неизменно останавливался на его шикарной вилле в центре Рима. Они дружили. В общей беседе я упомянул, что собираюсь на следующий же день побыть несколько часов во Флоренции. Каким образом? Сяду утром на поезд, через два часа буду в заветном городе, об истории которого читал и писал сорок лет, вечером вернусь в римскую гостиницу. Зачем? – удивился хозяин. Возьмите мою машину с шофером, и он повезет вас.

Я хотел поделиться необыкновенной радостью. Пригласил с собой Галю и одного очень симпатичного литовца, бывшего депутатом недавнего съезда. Я, извинившись, сел впереди. Я не хотел, чтобы, кроме лобового стекла, меня что-то отделяло от надвигавшегося чуда.

Я почти бегом за три часа обогнул центр Флоренции, сразу отделившись от спутников. О первой встрече с Firenze ни звука, это не по теме...

Вечером, когда мы возвращались, водитель очень торопился на трассе «Солнечного пути», потому что любезный хозяин названивал и ждал нас к ужину. Прошел ливень, асфальт был скользким, и водитель вдруг не справился с управлением, машина пошла юзом, ударяясь об оба бордюра дороги. Немедленно на нас налетела машина, шедшая позади. Всего в аварию попало семь авто.

Как читатели убедятся ниже – это, как ни странно, как раз по теме. Понадобится в следующем рассказе.

Никто, как сначала показалось, не пострадал. Галю на обратном пути я усадил вперед, и основной удар пришелся именно на нее. Все четыре двери заклинило, а у Гали, как выяснилось позже, оказались сломанными два ребра. Нас вытаскивали через окна. Появилась прекрасная возможность посмотреть, что представляет собой участок итальянской дорожной полиции. Чистота и комфорт. Хозяин-врач сообщил из Рима, что тут же высылает за нами свою другую машину. Галя с месяц провалялась у него в больнице, а я тут же навестил ее с огромной порцией мороженого.

В московских газетах появилась краткая информация о происшествии с двумя депутатами и мной. Друзья были крайне встревожены, пока не узнали, что я живехонек.

7

О Галине Васильевне Старовойтовой

Я пригласил ее выступить на «Трибуне», когда мы обсуждали карабахский конфликт. Пока что никто о ней не знал. Она служила в Институте этнографии и побывала с полевой экспедицией как раз в Карабахе. Знала и места, и тамошних людей. Выступила в очень деловой и конкретной манере, сразу были видны ее энергия и ум, она запомнилась.

Когда А.Д. после землетрясения в Спитаке немедленно решил с Е.Г. лететь туда, заодно рассчитывая лучше разобраться и в проблеме восставшего Карабаха, он пригласил меня присоединиться к нему. А кроме того, решил, что в нашу маленькую делегацию полезно будет включить Старовойтову и историка А. Зубова (поскольку последний разработал вместе с М. Урновым примирительный план демаркации армяно-азербайджанской границы). Поездка была одобрена Яковлевым и Горбачевым, с которыми А.Д. предварительно встретился. (Забавно заметить на полях, что при этом известии мое официальное положение в ИВИ немедленно и немислимо вознеслось, а по возвращении я сделал сообщение для желающих.)

История этой поездки заслуживает отдельной заметки. Здесь же ограничусь тем, что касается в основном Гали.

На обратном пути в Москву я подсел к ней и предложил внезапно возникший план. Дело в том, что в Ереване мы с ней тайно встретились с руководителями подпольного комитета «Карабах» (об этом тоже – отдельно и позже). И я решил, что мы с Галей должны подписать конфиденциальное письмо Яковлеву, поведать о своих (самых положительных) впечатлениях и посоветовать руководству вступить с «Карабахом» в контакт и переговоры. Поскольку, де, комитет стоит за перестройку, что было бы труд-

Г.В. Старовойтова

но сказать о партийном руководстве Армении. Галя согласилась, предложила редакционные коррективы, когда познакомилась с текстом уже у меня дома. Письмо было отправлено. Что до нас с нею, оно не без хитрецы пресекало возможные неблагоприятные последствия нашей тайной акции. Как оно повлияло и повлияло ли на позицию Горбачева – ничего хорошего сказать не могу.

Позже я публично поддерживал Комитет, а когда комитетчики во главе с Левом Тер-

Петросяном были арестованы в Москве и Анаит Баяндур, переводчица с армянского на русский, с которой я тогда дружил, привезла ко мне жену Левона, я провозгласил создание при «Трибуне» «группы солидарности».

Андрей Дмитриевич посетил арестованных в тюрьме.

Для меня армянские проблемы стали близкими, я раздумывал над ними даже в реабилитационной больнице после декабрьского инфаркта. Я попросил милую Анаит передать Левону Тер-Петросяну просьбу навестить меня в палате. У меня были какие-то политические соображения, которые, как мне казалось, могли его заинтересовать. Они приехали.

Когда Левон стал президентом Армении, его супруга однажды прибыла ко мне, уже незаплаканная и в сопровождении вооруженного эскорта, выразить приязнь и благодарность. Но эти мои горделивые памятования – опять в сторону.

После Еревана мы с Галей Старовойтовой дружески сблизились.

Она часто приезжала ко мне, мы ходили по Битцевскому лесопарку и обсуждали ход событий. Быстро становясь влиятельной, она взяла для меня путевку в какой-то подмосковный, ранее партийный, комфортабельный дом отдыха. Я мог двенадцать дней спокойно отдохнуть,

то есть поработать, и написал статью «Об ответственности ученого». Галя то и дело тоже наезжала из города в свой соседний номер, мы плавали в бассейне и вечерами гуляли по шоссе. Галя поведала мне о своем отце-генерале, который некогда начальствовал над всеми танковыми заводами СССР, и в детстве Галя побывала на руках у Ворошилова. Она рассказала, как в вузовские годы через самиздат и т.п. шло ее гражданское повзреление. Повторяю, мы подружились.

Но позже во мне начало нарастать смутное разочарование. В год борьбы за курс «ДемРоссии», как я уже написал, Галя пренебрегла обязанностями члена руководящего совета движения. Ей больше нравилось пребывать в Лондоне и Вашингтоне. Мне, признаться, не понравилось то, что она быстро обзавелась второй огромной квартирой в *Доме на набережной (!)*. Мне показалось, мягко говоря, странным ее заявление на митинге, где она непринужденно сообщила о пари с мэром Парижа: если в России демократы победят на ближайших выборах, мэр сводит ее в ресторан «Максим». Если же ее уверенное предсказание не подтвердится, она угостит мэра в лучшем ресторане Москвы. Галя выступала перед все еще недоедавшими согражданами... Да и сам по себе этот ораторский прием был очень дурного вкуса. Она, заметив некоторое мое отчуждение, позвонив, потре-

бовала объяснений. Я сказал ей, что она теряет демократическое политическое чутье.

Но отчетливо понял, что никаких прежних отношений с Г. Старовойтовой у меня быть не может лишь после того, как по ленинградскому каналу, кажется, в интервью Курковой, Галя упомянула об автомобильном происшествии в Италии. Она сказала, что это была акция КГБ, направленная против нее лично. Ее хотели устранить.

Я не поверил своим ушам. Но Галя, как ни печально, сказала именно это.

После чего я больше с нею не встречался.

Ее неожиданная гибель поразила меня, как и всех. Но я считал тогда и считаю сейчас, что это не было (как и смерть В. Листьева) *политическим* убийством. Бедная Галя не была сколько-нибудь опасной и серьезной угрозой для каких бы то ни было политических сил. Остальное же – слухи, комментировать которые я не желаю. Истинной причины я не знаю и, естественно, никогда не сказал и не скажу ни слова на сей счет.

Мир праху этой незаурядной женщины.

Вообще, время политических убийств тогда еще не пришло, спецслужбы открыли сезон позже. И о причинах самого загадочного из них я имею основания догадываться. Ниже выскажу свои соображения о нем – о гибели Сергея Юшенкова.

8

***Взрывы домов в Москве
и две последующие смерти***

Этот кошмар, когда ночные взрывы в столице (и Волгодонске) унесли множество жизней спящих людей, был официально объявлен делом рук чеченских террористов. Хотя юридически обоснованных доказательств не нашлось. Вскоре В.В. Путин начал вторую и самую страшную войну в Чечне.

Я исхожу из того, что читателям достаточно известны обстоятельства этих взрывов, а также таинственная история с готовившимся взрывом в Рязани, когда агенты КГБ завезли туда мешок с белым порошком. В мешке был не то сахар (по версии федеральных спецслужб), не то гексоген (по версии не предупрежденных рязанских спецслужб). Последовавшее после провала операции разъяснение состояло в том, что в Центре хотели проверить бдительность местных рязанских органов... То есть провоцировали своих же коллег? Все лица, так или иначе причастные к рязанскому делу (в том числе свидетели), исчезли. Шито и крыто.

Я не собираюсь высказывать свое мнение по существу наиболее уникального уголовного события из всех происходивших в нашей стране в последние годы. Хотя оно у меня есть, но это всего только личное мнение.

С.Н. Юшенков

Я ограничусь сопоставлением *трех фактов*. А затем задамся незатейливым вопросом.

Сергей Юшенков был очень порядочным, искренним и симпатичным человеком, писал шуточные стихи. У нас были добрые отношения. Когда в декабре 2000 года произошли взрывы, а затем чудеса в Рязани, Сергей был депутатом Думы. Он создал *независимую внепарламентскую комиссию* по расследованию всего этого. Пригласил в состав сравнительно небольшой комиссии и меня.

Факт первый

С. Юшенков организовал необычный телемост с Лондоном в холле гостиницы близ Кремля. Присутствовали все члены комиссии. На наши вопросы отвечал Литвиненко, бывший офицер КГБ, получивший политическое убежище в Великобритании.

Прозвучало много любопытного, но конкретных доказательств того, что, как утверждал Литвиненко, дома в Москве были взорваны

людьми КГБ (и, конечно, по указанию высшего лица государства) он не привел. Он не желал их обнародовать до выхода своей книги. Это же касалось рязанской истории. Комиссии оставалось ожидать. Для обоснованных выводов повода не было.

Факт второй

Вскоре Сергей был застрелен. Почему и кем, кто был заказчиком, конечно, до сих пор остается неизвестным. Меня это продолжает волновать. А кого еще?

Гибель депутата почему-то не привлекла особого внимания – даже в рядах оппозиции. О возможных причинах я никаких толков не слышал. Имя Юшенкова исчезло. Из газет, из радиопередач, даже из Интернета. Притом – неявным, так сказать, порядком – *комиссия перестала существовать*.

Факт третий

Поразительное по изощренности убийство Литвиненко в больнице посреди Лондона. Посредством радиоактивного полония! О том, откуда мог появиться полоний, о подозреваемом английской контрразведкой сотруднике КГБ, об ухудшении после этого русско-английских отношений написано и сказано десятки тысяч слов. Комментировать их мне незачем. Кажется, в январе 2013 года в Лондоне должен состояться суд.

Никем, насколько мне известно, эти две смерти не поставлены в напрашивающуюся связь.

Телемост, пуля, полоний.

Я ни на чем не собираюсь и не могу настаивать. Хочу лишь спросить: могла ли цепочка из трех событий оказаться вовсе не логической цепочкой, а просто схождением случайностей?

Если не укладывающиеся в голове заявления Литвиненко оказались бы правдивыми, это могло бы, пожалуй, взорвать российское общество. Это даже и для него был бы перебор. Пожелаем же ему лучше покоя. Не так ли?

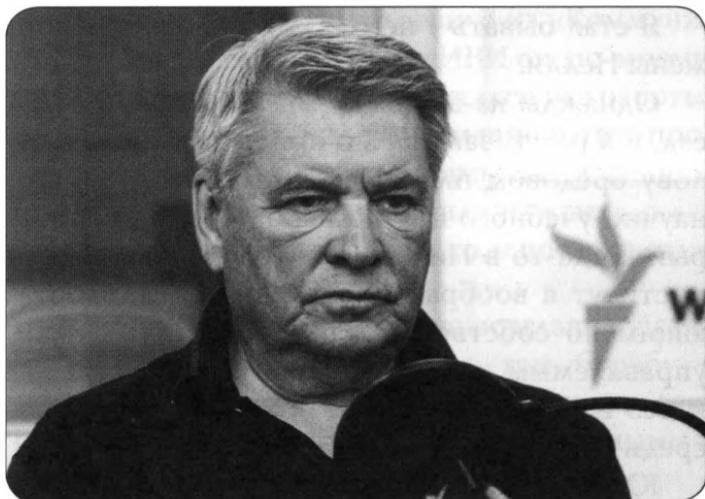
Всему свой срок.

9

Юрий Николаевич Афанасьев

Мы с ним очень-очень разные люди, но я изначально питал слабость по отношению к нему. И я думаю, что мы друг другу многим – в разных отношениях – обязаны. Мы созваниваемся и дружны до сих пор.

Не совсем обычные отношения начались, пожалуй, с того момента, когда я прощался с Юрием Николаевичем перед отъездом в отпуск, а он сообщил, что готовит в «Коммунисте» редакционную статью, которая будет называться «Прошлое и мы». И добавил: «Может быть, Вам придут на ум какие-то соображения».

Ю.Н. Афанасьев

Соображения действительно пришли. По возвращении я протянул Ю.Н. несколько листов машинописи.

Они, как вскоре выяснилось,годились. Статья вышла! Это было первым очень смелым поступком Ю.Н. Статья, которая по своему «формату» должна была стать «директивной», по сути, была настолько свежа и честна, что многие стали слать – в «Коммунист»! – протестующие письма. (Я читал некоторые из них, например, от писателя Белова.) Затем Ю.Н. выступил на заседании Отделения истории АН против господствующих у нас «установок» и лжи.

Я стал бывать у него и его (ныне покойной) жены Нелли.

Однажды из-за дождя мы забежали в подъезд, и я рассказал Ю.Н. о пришедшем мне в голову бредовом плане создания гуманитарного научно-учебного центра наподобие того, который когда-то в Питере вели опоязовцы. Такой институт я воображал внесистемным, работающим по собственным программам и темам, управляемым исключительно ученым советом и без парторганизации, эдакой Касталией посреди советской реальности.

Ю.Н. согласился собрать у себя, в «Коммунисте» (!), несколько человек...но каких! Помню В. Иванова, Б. Успенского, Е. Мелетинского, В. Библера, И. Данилову, А. Гуревича... Обсудили зачитанный мною проект устава, внесли поправки. Этот утопический демарш характерен для тогдашнего времени и предсъездовских ожиданий. В нем был привкус и чего-то трезвого, ведь не случайно Ю.Н. без труда представил проект А.Н. Яковлеву, в Политбюро...

Там он, в столе Яковлева, и остался... Время еще не пришло.

Но Афанасьев о нем не забыл. И, учредив РГГУ, решил создать в нем нечто подобное. Собрал предварительно примерно тех же лиц. Так возник Институт высших гуманитарных исследований. За двадцать лет мы сумели в нем многого добиться. Идея, выражаясь в стиле Нильса Бора, оказалась *достаточно* безумной.

Впрочем, Юрия Николаевича из «Коммуниста» уволили. И поделом. Из ИВИ он, по-моему, ушел сам. Впервые в жизни остался без работы.

Вполне естественно, что именно в этот промежуток времени мы и впрямь подружились. Отказались от отчеств, перешли на «ты».

Мы тесно сотрудничали и до, и после съезда.

Юра, по решению горкома, возглавил Историко-архивный институт, вел там борьбу с местными динозаврами, сделал публичные лекции и диспуты в институте притягательными и острыми. О них знала «вся Москва».

После путча он мгновенно захватил здания Высшей партийной школы и создал новый небывалый университет, включив в него и историко-архивный институт. Ю.Н. – это человек-танк. Вспыльчивый и мечтающий танк. Но он умеет и уговаривать. Поначалу мне казалось несерьезным множить и множить число факультетов и кафедр от нуля, на почти пустом месте. Где было взять столько серьезных и порядочных людей, чтобы ими наполнить эти факультеты и кафедры? Убежден поныне, что в очень многих случаях мой скепсис подтвердился. Однако Ю.Н. сумел-таки привлечь в РГГУ немалое число блестящих ученых, пусть иногда по совместительству.

Ю.Н. желал, чтобы были представлены все, насколько возможно, гуманитарные науки, направления, школы. Он был ненасытен и порой

неразборчив. Однако при всем критическом или даже неприятном, что можно бы припомнить относительно этого безудержного расширения и разбухания университета, необходимо прежде всего отдать должное организаторскому таланту и размаху основателя РГГУ. Крайне важно, что в университете, несмотря на некоторые вздорности, ощущалась свободная атмосфера. И академическая, и общественная. Мы стали известным и притягательным заведением. Нас знали не только в России, но и в мире. РГГУ был местом, где было приятно работать.

Я перешел в РГГУ и издал все, что лежало в столе или было написано внове.

По просьбе Юры я возглавил редсовет университетского издательства. Вошел в ученый совет. Но следует сказать, что именно в совете оказался наиболее частым и твердым оппонентом некоторых начинаний ректора. А однажды гневно покинул заседание редсовета после того, как Ю.Н. в приказном порядке пожелал издать книгу, которая, на мой взгляд, для нас не годилась.

Наши отношения постепенно стали куда более далекими, но до ссоры дело никогда не доходило. Ю.Н. знал и высказывал это публично, что Баткин, прав он или не прав, всегда исходит не из каких-то личных заинтересованностей, а только из своего понимания интересов дела. Я знал, что Юра – человек, горящий этим делом и живущий им. Всегда готовый вспылить, но быстро отходящий.

Остается рассказать о катастрофе 2003 года.

Михаил Борисович Ходорковский, глава «ЮКОС`а» и богатейший предприниматель страны, понявший, что будущее России зависит от науки и образования (не только естественно-технического, но и гуманитарного), предложил РГГУ 100 миллионов долларов на десять лет, с тем чтобы наш университет поднялся во всех отношениях до мирового уровня. Договорились, что Ю.Н. покинет ректорский пост, оставив за собой весь круг преподавательских, учебных и исследовательских проблем в качестве президента РГГУ, а новый ректор, Невзлин, ограничится полномочиями топ-менеджера по всем финансовым и хозяйственным делам.

Ученый совет все это тут же одобрил. Ходорковский и Невзлин приехали в РГГУ, выступали, потом было немногочисленное застолье, и я имел счастливую возможность (оставшуюся единственной) познакомиться с Михаилом Борисовичем, который располагал к себе с первой же минуты. (В заключении он необыкновенно вырос нравственно, интеллектуально, политически и стал одним из лучших и героических людей России, – это известно всем, кто читал его и видел улыбающимся сквозь прутья клетки.)

Затем произошло то, о чем знает весь мир. Для РГГУ это означало в ближайшую очередь выборы нового ректора взамен укрывшегося за рубежом Невзлина. Президент РГГУ в это время лежал в больнице с онкологическим за-

болеванием. Юра надеялся, что через несколько недель его отпустят домой, и хотел принять участие в выборах, поэтому попросил их несколько отсрочить. Я считал невыносимым и бесчестным отказать создателю университета в такой элементарной просьбе. Но ученый совет отказал. Единодушно!

Я не мог не взять слова. Я сказал своим коллегам по совету, что ранее они хором поддерживали каждое суждение или желание Афанасьева, на мой взгляд, чересчур послушно, а сейчас, после драматического падения Ю.Н., ведут себя... не помню, какое именно слово я употребил, но слово имело ясный и презрительный смысл. Увы, люди, пригретые Афанасьевым и юлившие перед ним, повели себя предательски и бесстыдно.

В те же дни я выступил по этому поводу на «Эхо Москвы» и дал газетные интервью.

Что до М.Б. Ходорковского, то я пробовал передать ему через адвокатов свою последнюю книжку и неоднократно высказывал свою возмущенную позицию в Интернете.

Я глубоко уважаю его и, как и тысячи людей, восхищаюсь им.

Юра не знал, чем наполнить в новых условиях свою должность президента, сразу ставшую декоративной и пустой. Он отказался от нее.

В заключение хочу сказать следующее. Во-первых, потеря главного, что свершил Юра в жизни, разрушила его сердце и сосуды. Он перенес рискованнейшие операции. Он тяжело болен. Во-вторых, он терпеть не может говорить о своих недугах и ведет себя так, словно их нет. Он недавно летал в Польшу, летал в Грузию, летал в Киев – вести беседы и выступать о политике. Он посещает соответствующие заседания в Москве – и часто тоже выступает. Потрясающе! Он живет именно этим. И вчера сказал мне по телефону, что его недуг – это нынешнее состояние России.

Мы продолжаем напряженно спорить с ним по некоторым вопросам и продолжаем в главном – уже четверть века – быть вместе.

10

Визит в Политбюро ЦК КПСС

Это был момент, когда резко обострились отношения между Москвой и Вильнюсом.

М.С. Горбачев угрожал Литве нефтяной блокадой. Это было бы крайне нежелательно и для Литвы, и для продолжения перестройки. Мне пришло в голову, каким образом можно было бы избежать этого, чтобы притом ни Москва, ни Вильнюс не потеряли бы лицо. Сформулировал свой конкретный план на бумаге, указал на его преимущества.

Остановка была за малым. Каким образом передать его Горбачеву?

Однажды во время заседания «Московской трибуны» решивший (или получивший указание) посетить его вице-президент АН СССР по общественным наукам, юрист, академик Кудрявцев подошел ко мне и предложил записать его телефонные номера («на случай, если я понадоблюсь»). Вспомнив об этом, я позвонил и сказал: «Государево слово и дело!» И попросил устроить мне прием у Александра Николаевича Яковлева.

На следующий день мне позвонил помощник Яковлева и предложил удобное для меня время приема. Прежде чем отправиться, я попросил заехать ко мне того самого литовского депутата, с которым мы съездили во Флоренцию и попали в аварию. Необходимо было предварительно узнать, как отнеслись бы в Вильнюсе к предложению такого рода. В тот же день я заручился положительным ответом.

Так мне довелось нанести визит на Старую площадь...

Александр Николаевич был приветлив, выслушал, в чем цель моего прихода, прочел документ и, не комментируя его, обещал передать Михаилу Сергеевичу.

Ему случалось обстоятельно переговорить с человеком, вроде меня, вряд ли намного чаще, чем мне с членом Политбюро. Очевидно, поэтому он отнюдь не торопился. Безусловно, прежде чем принять Баткина, он, как было заведено, затребовал справку обо мне из КГБ. Иначе от-

куда появились бы две реплики А.Н., которые я отлично запомнил. «Говорят, что Вы мозговой центр «Московской трибуны». Что тут ответишь? Нелепо было бы и согласиться, и отрицать лестное мнение «органов». Я неопределенно пожал плечами. Или: «Вы ведь враг Горбачева?» Я: «Вовсе нет, я не враг, а политический оппонент».

Александр Николаевич держался просто, на равных, беседа с ним не требовала напряжения и была для меня, разумеется, очень любопытной и полезной. Но, взглянув украдкой на часы, я увидел, что визит длится, примерно, два с половиной часа. Ой-ой.

Мне предстояло еще закупить продукты для мамы и навестить ее. Пришлось сказать А.Н., что я не хочу отнимать у него столько рабочего времени. Я откланялся и направился к метро.

Вот, собственно, и все. Остается добавить, что мои предложения не были восприняты Горбачевым. Этого нетрудно было ожидать. Но я выполнил то, что – возможно, глупо – считал своим долгом.

11

Визит в НАТО

Шла война НАТО с кровавым пережиточным режимом Милошевича. Не с Сербией, которая теперь оправляется и пользуется поддержкой Европейского союза.

Но, конечно, поразительные по точности удары американской авиации, которым пред-

шествовали предупреждения во избежание лишних жертв, изредка оказывались ошибочными. Или были на совести сербских властей, демонстративно предупреждениям не внимавших. Положение было весьма трагическим и вызывало понятные споры.

«Московские новости» вели рубрику «Мнения» (или вроде того), предлагая присылать личные откровенные суждения по любым вопросам. В этот момент в центре внимания были события в бывшей Югославии, Сербии, Косово.

Газета осмелилась поместить и мою заметку, резко выбивавшуюся из общего ряда. Я пытался прояснить подлинные причины вынужденного натовского вмешательства, его полную политическую и историческую оправданность, несмотря на всю сложность и неоднозначность обстановки, несмотря на некоторые промахи (в том числе и в прямом смысле слова). Я желал скорейшего и малокровного успеха Западу и Сербии при избавлении от последнего в Европе тоталитарного и преступного режима.

Появление подобного мнения в советской печати привлекло внимание натовской пресс-службы. У меня раздался весьма экзотический звонок из Брюсселя. От имени полковника вермахта, который ведал натовским пиаром, спросили, не соглашусь ли я прилететь в штабквартиру НАТО вместе с группой наших журналистов. Все расходы и хлопоты они берут на себя. Я согласился и через несколько дней по-

пал в брюссельский отель, а назавтра и в штаб-квартиру.

Перед нами выступили ведущие офицеры и руководители НАТО, знакомя со всеми подробностями происходящего. В заключение выступил Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана. Я задал ему какой-то вопрос и даже дал некий совет относительно содержания натовской официальной информации. (В недостатке самонадеянности упрекнуть меня было бы трудно...)

Множество впечатлений, на которые ранее я не мог бы рассчитывать даже в фантазии. Очень симпатичный и интеллигентный полковник, фамилию которого я давно уже не помню. Неизбежное застолье. Дружественный тон по отношению к приезжим русским. Отель находился в центре Брюсселя, поэтому в последний вечер перед возвращением я мог прогуляться по городу. Неожиданная и волнующая остановка автобуса на обратном пути в Брюссель у поля Ватерлоо...

Среди своих спутников помню Леонида Млечина, с которым и раньше был немного знаком по «Новому времени», а также военного корреспондента «Известий» Литовкина. Я держался поневоле особняком. И как-то перед приходом натовского контр-адмирала вспыхнул жесткий спор между мною и почти всеми остальными членами делегации, разделявшими официальную ельцинско-примаковскую

позицию. Я же говорил, что чем ближе НАТО, расширяясь по желанию наших вчерашних союзников, подходит к российским границам, тем лучше с точки зрения интересов будущей российской демократии. И тем мне лично спокойней. Вошедший в зал заседаний румынский контр-адмирал с изумлением взирал на спор, не вмиг, но все же вежливо оборванный.

12

В Армении

После землетрясения в Армении А.Д. Сахаров вместе с Е.Г. и еще тремя членами маленькой делегации направился на Кавказ. Я уже упоминал об этом.

Теперь пора написать о некоторых запомнившихся мне подробностях.

О потрясающей картине разрушений, горя и растерянности, которую мы увидели, приземлившись на несколько часов в Спитаке, толковать незачем. Это известно.

Упомяну лишь, что после возвращения в Ереван, А.Д. заметил воочию, как плохо охраняются и разворовываются сваленные в аэропорту груды посылок с гуманитарной помощью. Сахаров был донельзя возмущен, вызвал местное начальство, я в первый и последний раз увидел его кричащим.

Я присутствовал, когда Сахаров с технической стороны обсуждал с академиком Велиховым проблему возможного закрытия атомной

станции в Армении. На этом после землетрясения настаивали многие. Е.Г. пыталась включиться в разговор, она была сторонницей закрытия. Упоминаю об этой мелочи, потому что в ней сказался ее огромный общественный темперамент. И это был единственный после начала перестройки случай легкой внешней стычки между нами. Я отправил ей записочку, в которой советовал не вмешиваться в профессиональный разговор двух физиков. Она рассердилась на меня, передернула плечами.

И в Ереване, и затем в Баку нам устроили встречи с деятелями культуры и искусства, а в Баку – также с беженцами из Армении. Зубов и Старовойтова разъясняли проект уточнения границ между республиками, я выступал «от себя». А.Д. вел собрания, сам говорил мало. Был грубый контраст между приемом, который мы встретили в Ереване, и обстановкой вокруг нас в Баку. Здесь были угрозы расправы в мой адрес какой-то местной скульптурной знаменитости. Нас поселили в лучшей гостинице ЦК, обслуживали исправно, но с замкнутыми лицами.

Нас постарались полностью изолировать от населения. Все же в номер к А.Д. проникли двое молодых людей, не то изображавших, не то впрямь бывших оппозиционерами, но их высказывания сводились к попытке изменить позицию А.Д. по поводу карабахских событий. А встреча с беженцами показалась нам хорошо отрепетированной и была истеричной. Конеч-

но, тем не менее этих женщин было жаль. Независимо от первопричины конфликта, страдали жители с обеих сторон.

Из Еревана мы полетели также в Карабах. Нас встретил тогдашний кремлевский наместник Вольский, который произвел впечатление умного и очень властного человека. Ему там приходилось нелегко между двух национальных огней. Но он, «докладывая обстановку» академику, явно пока что удерживал ее в известных пределах.

Ночью в Степанокерте мы с Галей, только вдвоем, тайно встретились с вождями армянского восстания против Баку. Обмен мнениями был полезным. Между прочим, один из наших собеседников впоследствии стал президентом Карабаха, а затем и Армянской Республики. И это оказался тот самый человек, который ранее руководил армянской общиной в Москве, перед которой я как-то выступил.

Вольский, приняв все доступные ему меры безопасности, отвез А.Д. и нас (кроме Гали, которую там знали и ненавидели) в азербайджанский анклав Карабаха.

Общения не получилось. Все висело на грани вооруженного нападения местных жителей, я чувствовал себя внутри голливудского вестерна, но пахло совсем не кино. Вольский был на высоте. Никто из нас ни на секунду не испугался, но, когда мы благополучно отчалили, я все-таки перевел дыхание.

13

Ереванский детектив

Иначе это не назовешь.

Галя, имевшая кое-какие местные связи, получила предложение для нас о встрече с руководителем подпольного и глубоко законспирированного ереванского «Карабахского комитета». Опять моя память на имена отказывает, но это был будущий министр внутренних дел при Тер-Петросяне, человек известный и весьма примечательный, словно бы прирожденный подпольный вожак, потом не ужившийся в независимой Армении.

Комитетчиков разыскивал весь армянский КГБ.

Компрометировать А.Д. этой авантюрной поездкой было немислимо. Я отправился вдвоем с Галей.

Просторная центральная площадь рядом с отелем постоянно была пуста, по краям ее мне помнятся танки, был комендантский час.

За полночь близ гостиницы нас поджидала машина с потушенными фарами и с номерами, залепленными снегом. (Это были, к удаче, сутки невиданного для Еревана снегопада.) Двое молчаливых молодых людей повезли нас, искусно и причудливо петляя по городским улицам, чтобы избежать возможного «хвоста».

Наконец, примерно в конце первого часа ночи, мы добрались по указанному адресу. Но

он оказался ложным... Когда молодые люди позвонили, нам открыл мощный шофер-дальнобойщик. (А в соседней квартире проживал, как нам сообщили, некий милицейский чин.) Хозяин, узнав, что перед ним московские гости, тут же приказал готовить кофе и объявил, что сейчас же будет ужин. Он был невероятно обрадован. Он спросил Галю, кто она по национальности. «Русская». Затем спросил меня. «Еврей».

Хозяин окончательно развеселился и воскликнул: «О, евреи уже поняли, русские скоро поймут!»

Наши сопровождающие созвонились, узнали правильный адрес, и мы откланялись к разочарованию гостеприимного хозяина.

Содержание подпольной встречи сводилось к тому, что я пытался наметить и обсудить какие-то пути к контактам комитета с Москвой и его легализации. Притом я особенно хотел, чтобы местные национальные страсти органично вошли в контекст общероссийского демократического движения. Собеседник (боже ты мой, как же его звали!?) внимательно слушал и указывал на обоюдные препятствия для такого маневра. Разговор был деловым и полезным, по крайней мере, для меня.

К середине ночи мы каким-то образом благополучно добрались до своих номеров.

Если это был голливудский детектив, то как же без хэппи-энда?

14

Дни путча

Девятнадцатого августа 1991 года около семи утра меня разбудил звонок Володи Маконова, летчика-испытателя и члена Координационного совета «ДемРоссии»: «Включите телевизор!»

Поглядев на экран, я перезвонил Володе и попросил заехать за мною к восьми. Володя решил забрать по дороге архив «ДемРоссии», хранившийся где-то в центре, а затем готов был взять меня куда угодно. Что и делал до самой ночи.

Через несколько дней я узнал, что по распоряжению Крючкова (шефа КГБ) был составлен список 69-ти лиц, подлежащих постоянному внешнему наблюдению, а затем в час Икс – задержанию. В обнаруженном после захвата кабинета Крючкова списке я значился под номером 26. (См. перепечатку по оригиналу в «Аргументах и фактах» № 38, сентябрь 1991 г. последняя страница.) Но почему-то я уехал из дома и носился весь день по Москве без малейших признаков слежки. Как это можно бы расценить? Халатность и неисполнительность тайной полиции? Не знаю. Но ведь и решительно все распоряжения путчистов исполнялись в эти дни спустя рукава. Например, приказ о введении

в столице комендантского часа. О последнем чуть ниже.

Для начала я счел необходимым написать обращение к согражданам от имени «ДемРоссии». Сделал это тут же, в машинной тряске, держа листок бумаги на колене.

Затем мы поехали к Белому дому. Я ведь не мог отпралять обращение, составив его в одиночку. Требовалось собрать подписи хотя бы некоторых других членов Координационного совета.

15

У меня в архиве сохранился этот клочок бумаги, черновик. Текст набросан авторучкой с красными чернилами, вставки сделаны синим.

Всем, всем, всем!

Координационный совет движения «Демократическая Россия» сообщает, что группа заговорщиков, отстранив от власти, с одной стороны, Горбачева, а с другой – Ельцина и законные власти по всей стране, произвела военный переворот, назвав его «временным чрезвычайным положением». Мы призываем остановить работу на всех промышленных предприятиях (за исключением служб, обеспечивающих повседневные бытовые и медицинские нужды населения). Забастовка должна быть бессроч-

инициативе командование.

Всем, всем, всем!

Конечно, с вас движется "Демоскоп"
создается, это группа разработчик,
осуществив от власти Гусарова, а с
(с собой Союзом,

друг - Елтыше и ~~Вася~~ ^{Вася} ~~завладе~~
власть по всей стране, используя
время перемены, ~~на~~ ^{на} ~~кажд~~ ^{кажд} ~~его~~
"вечными" ~~завладе~~ ^{завладе} ~~показатели~~.

Мы используем ~~каждого~~ ^{каждого} ~~рабочего~~
~~каждого~~ ^{каждого} ~~рабочего~~ ^{рабочего} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~

каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~

каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~

каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~

каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~

каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~
каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~

Мы используем демократический метод управления, который основан на участии каждого человека в принятии решений. Мы используем демократический метод управления, который основан на участии каждого человека в принятии решений. Мы используем демократический метод управления, который основан на участии каждого человека в принятии решений.

каждого ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~ ^{каждого} ~~каждого~~

ной — до восстановления конституционного порядка.

Мы обращаемся к офицерам и солдатам всех родов войск с призывом смещать командиров, подчиняющихся преступным приказам заговорщиков. Генералы и офицеры, верные своей присяге, принимайте командование. Мы предлагаем демократам повсюду создавать Комитеты гражданского сопротивления. Мы просим избегать действий в таких формах, которые давали бы диктатуре непосредственные поводы для применения насилия. Партаппаратчики и генералы попытались, пойдя на авантюру, сохранить ускользающую из их рук власть и привилегии. Они произносят лживые слова и готовы на все. Народы сорвут их планы.

Через два-три часа Володя Макогонов отпечатал обращение в десятках экземпляров и, временно покинув меня, отправился в аэропорт. Передал их для распространения по стране знакомым пилотам гражданской авиации.

О дальнейшей судьбе приведенного текста не знаю.

16

Поднялся по пандусу к входу в Белый дом. Увидел, что там молодые люди начинали возводить «баррикады» из всего, что попадалось под руку. Понятно, что достаточно было одного

танка, чтобы смести это незатейливое сооружение. Очень некстати весь этот памятный день меня сопровождали загрузинные боли. Повстречал двух членов Совета, господ Аксючица и Константинова. Подписать Обращение они отказались...

Затем мы поехали на Тверскую, в мэрию, служившую тогда, как я уже упоминал, местом заседаний Совета. По дороге был поражен видом больших очередей за спиртным. Многие москвичи в это утро помышляли вовсе не о политической ситуации, но о трудностях, созданных введенным Горбачевым «сухим законом».

В мэрии получил подписи у трех или четырех членов Совета.

Вошел в кабинет Лужкова. Он напряженно разговаривал с тогдашним антипутчистским начальником московского КГБ Севастьяновым относительно положения Ельцина и приказа о введении войск в Москву. Постоял рядом с ними, послушал. Оба не обратили на мое появление ни малейшего внимания. Я тихо вышел.

Чем-то распорядившийся Боксер или кто другой сообщили мне, что сюда сейчас дозвонились из Би-би-си. Брать трубку никому не захотелось. Это сделал я. Услышал голос из Лондона Маши Слоним. Заявил ей, что путч не удастся, этого произойти никак не может, с заговорщиками будет покончено *дня через три*. Срок назвал, конечно, наобум.

И, как известно, угадал *в точности!* Ну и ну. Впору было объявить себя магом и экстрасенсом. И освящать воду по телевидению.

Больше ничего предпринять я пока не мог. Присоединиться к собиравшимся у Белого дома людям был не в состоянии по причинам медицинского свойства. Володя отвез меня домой.

17

Тем же днем позвонили из «Эха Москвы», попросили вечером приехать и выступить. Я до этого несколько раз уже бывал у них и с тех пор хорошо помню С. Корзуна, А. Венедиктова и других сотрудников исходного состава редакции. «Эхо», как известно, тогда ютилось в тесных комнатках на двух (?) этажах старого здания. Зато рядом с Кремлем, на Никольской.

Признаться, передачи тогдашнего «Эха» и сама необычная демократическая атмосфера первой в России независимой и отважной молодой самоявленной редакции нравились мне куда больше, чем нынешние прекрасные помещения на Новом Арбате, солидная и богатая радиостанция, с которой считаются власти (как в какой-то мере и она с ними), очень взвешенный идейный и персональный баланс, политическое балагурство способного Матвея Ганапольского и его не менее находчивой и остроумной напарницы – и строгая командная вертикаль. Конечно, все равно, они и те-

перь молодцы, неповторимы по своему более чем неофициальному, разудалому «бытовому» стилю, и вполне заслуживают верной и большой аудитории. Хотя трепливую и надоедливую растрату драгоценного эфирного времени лучше бы попридержать.

Но тогда! – тогда это было нечто неслыханное и немислимое.

Вернусь, однако, к 19 августа. Володя Макогонов опять заехал за мной и повез в «Эхо». При уже объявленном военном положении и патрулях в центре города чуть не на каждом перекрестке добраться до Никольской было непросто. Но Володя, уверенно петляя и предъявляя в крайних случаях удостоверение летчика-испытателя (которое почему-то действовало безотказно) доставил меня на место.

Я находился у микрофона едва ли не больше часа.

Подчеркивал, что следует защитить не столько президента, блокированного в Форосе, сколько нас самих, граждан России, и новожденную слабую демократию. Говорил, что путчисты, судя по сбивчивому ходу событий, пребывают в явной нерешительности. Ведь так серьезный переворот не делают. И, наверно, в данный момент эти временщики спорят между собой и напиваются. (Тут я, как стало известно впоследствии, опять угадал, что было, впрочем, нетрудно.)

Выкрикивал какие-то издевательские и не вполне пристойные слова в их адрес.

Спустя годы знакомая рассказала мне, что собравшиеся у баррикад (она тоже была там с друзьями) жгли костры. Ночь была довольно холодной. И... всюду ловили «Эхо». По ее словам, если переходить от костра к костру, можно было слышать мой, то крепчающий при приближении к очередному транзистору, то ослабевающий голос.

Не стану притворяться, будто мне не было приятно узнать об этом и что я не горжусь немного тем, как провел тот незабываемый день.

Ни А.Д. Сахарова, ни Ю.Н. Афанасьева, ни Галины Старовойтовой, ни многих других известных демократических деятелей в Москве тогда не было. Время гэкачеписты выбрали удачное. Летние отпуска и разъезды...

Тянулась ночь, все ждали возможного штурма.

Почти каждый час мы созванивались с Люсей Боннэр, делясь самыми последними сообщениями по «Свободе» и «Эху».

18

Теперь немного в сторону. После очередного перезвона Люся вдруг спросила: «А как вообще дела?» Я не понял... Тогда она поведала мне любимый анекдот Андрея Дмитриевича.

У некоего еврея сгорела хата, и в огне погибли жена и две дочери. Он сидит оцепенело на пепелище. Мимо идет Рабинович и спрашивает: «Как дела?» – «Ты же видишь, мой дом сгорел, и все сгорело». – «А как твоя жена Рахиль?» – «Она погибла в огне». – «Ай-ай-ай! А дочки?» – «Они обе тоже погибли». – «Ай-ай ай! Ай-ай-ай! Послушай, а как вообще дела?»

19

Весь следующий день я висел на телефоне. Попытался дозвониться в Белый дом Бурбулису или какому-нибудь другому близкому к Ельцину человеку из тех, кого знал. У меня возникла некая идея относительно обращения к лидерам демократического движения в республиках, мне казалось, что такой шаг был бы полезным, хотелось передать совет Борису Николаевичу. Ничего не вышло.

21 августа путч провалился.

22-го (надеюсь, не ошибся в дате) я решил с утра отправиться в Белый дом, где уже шло заседание Верховного Совета. Переговорил (не помню, с кем именно), чтобы меня внесли в список, лежавший у часового при входе. Приехав, понаблюдал немного за происходившим в зале. Вдруг заседание прервали: стало известно, что около памятника Дзержинскому напротив Лубянки собирается много людей и кипят страсти. Кто его знает, могли бы взду-

мать начать стрельбу из окон КГБ. Так или иначе, все обеспокоились. Кое-кто решил немедленно торопиться туда. Я перемолвился с С.А. Ковалевым, и он прихватил меня в машину, где находился и тогдашний прокурор РСФСР Степанков.

На площади кипела толпа, желавшая снести памятник. Окна Лубянки были безлюдны. Приехавшие принялись выступать, советуя помедлить со сносом до официального правительственного решения. Выступил, кажется, и я. Ей-богу, точно уже не припомню! Потом подошел к зданию ЦК КПСС на Старой площади. И увидел, что оно опечатано.

Часто утверждали, что провал путча вызвал массовую эйфорию. Похоже, это правда. Но о себе лично должен сказать следующее. Меня эта эйфория захватила только часа на два, следующим утром, когда мы с Инной вышли прогуляться. Мой дом стоит у Битцевского лесопарка. Мы шли по просеке. Меня вдруг обуял приступ радостного неистовства. Я подпрыгивал, взмахивал руками и что-то орал. Здание на Старой площади опечатано! И памятник железному Феликсу свален с пьедестала. Мы дождались чего-то совершенно невероятного!

Но вскоре я успокоился и как-то весь подобрался. Было понятно, что все более глубокое и структурное не может даваться легко. Мы, правда, взяли свою Бастилию, но должны произойти и

предстоят *крайне трудные поэтапные перемены*. Все еще впереди.

23-го вернулась из Лондона Галя Старовойтова и сказала мне, что опасалась лететь до прояснения ситуации, поскольку ее могли бы задержать уже в аэропорту. О, вряд ли. Но оценить реальную обстановку из Лондона впрямь было затруднительно.

Появился и Юра Афанасьев. 23-го в Белом доме произошла встреча части депутатов Верховного Совета с вице-президентом Руцким. Афанасьев провел туда и меня. У Руцкого был победоносный вид. Я, обеспокоенный оставшимися неясностями насчет позиций генералитета и дислокации войск, послал оратору записку с какими-то конкретными соображениями. Тот отвечал уверенно и успокоительно.

20

Перед выборами Верховного Совета ко мне являлись представители двух округов, предлагая выдвинуть мою кандидатуру. Я отказался, ссылаясь на инфаркты и пр. Это было сущей правдой. Но была и скрытая внутренняя антимотивация. И не состояние здоровья, а именно она была подлинной причиной моего отказа. Я никогда и подумать не мог о каком-то «хождении во власть». Я не годился для такого поля деятельности. Я был для нее слишком ленив и эгоистичен.

Как, отсиживать день за днем скучнейшие и малограмотные заседания, сидя в чужой и в большинстве своем неприятной массе?! Только этого не хватало. Я заслуживал лучшей участи.

У меня всю жизнь не было в подчинении ни одного человека. Даже лаборантки или аспиранта. Я, кажется, ни разу не сидел в каком-либо президиуме, если исключить собрание в Большом театре по случаю 700-летнего юбилея Данте.

В политике я охотно оставался за кулисами. Но не сумел бы погружаться в закулисные, скажем, парламентские интриги. Рутинка есть, конечно, в составе любой деятельности. Но, насколько это возможно, я старался ее избегать, как и всех формальных обязанностей. Не считая это своим достоинством. Жан-Жак Руссо, например, объяснял сходную черту врожденной ленью и «любовью к себе». Ну, что поделаешь.

Другой, совсем маленький и уже юмористический эпизод. Когда я слыл влиятельным «прорабом перестройки» (какая чудная советская формула!), ко мне приехали две сотрудницы Библиотеки иностранной литературы. Они уговаривали меня стать директором грандиозной библиотеки, поясняя, что мне не пришлось бы ничем утруждать себя. В тот позднеперестроечный и кризисный также и для библиотеки момент им требовалось чье-либо общественно весомое имя. Они пояснили, что реальными де-

лами и мороками могла бы заниматься моя заместительница. Они доверительно называли фамилию давнего работника библиотеки, в высшей степени просвещенной, опытной, умной и энергичной Гениевой. А при мне были бы только кабинет, немалая зарплата и черная «Волга».

Стать зиц-директором? Другой такой возможности у меня в жизни не было и не будет никогда. Это почище, чем стать депутатом Верховного Совета.

Симпатичные дамы разочарованно покинули меня, а я страшно развеселился.

И тут же позвонил Лене Хейфецу. Он был тогда главным режиссером Театра Советской армии, у него уже была черная «Волга». Я возбужденно предложил ему устроить гонки на «Волгах» по какому-нибудь пустынному шоссе.

Увы, что упущено в жизни, то упущено. Об этом упущении я, как вы заметили, не жалею.

Но не позвонить ли нынче глубокоуважаемой Е. Гениевой с просьбой, чтобы мне дали на дом бесплатно десяток-другой новейших западных книг о Дени Дидро и оригиналы его собственных сочинений? Сидеть в читальном зале и просто ездить постоянно туда мне уже не под силу. А я хотел бы успеть сделать книжку об индивидуализме Дидро. Работу о личности Руссо я только что издал. Хорошо бы теперь сопоставить идеи Жан-Жака с идеями его друга.

21

В декабре 1991 года состоялся всесоюзный съезд «Демократической России». На нем бурлили весьма радикальные настроения. Я тоже выступил. Меня мало кто знал вне Москвы, но мое выступление явно привлекло внимание. Съезд избрал тайным голосованием половину состава обновленного руководящего Совета движения (вторую половину предстояло избрать в регионах). Я прошел *четвертым* по списку.

Сопредседателями движения стали Ю. Афанасьев, Л. Пономарев и взбунтовавшийся против патриархата священник Глеб Якунин. На заседаниях Совета я всегда сидел в центре, по правую руку от Ю.Н., и мог при необходимости нашептывать ему на ухо свои оценки происходящего и советоваться с ним.

Однако особую и очень влиятельную роль в Совете играл некто В. Боксер, врач, не то гастроэнтеролог, не то проктолог. Он ведал организационно-финансовой частью и постоянно сносился с (платными!) региональными руководителями. Которые были у него поэтому в своем большинстве «схвачены». Он до съезда уже выделился на фоне московской организации, был неглуп, напорист, обуян открывшейся сказочной политической карьерой и умел склонять многих, тем более тех, кто в провинции

зависел от него, на свою сторону. Я видел, что он абсолютно беспринципен, и считал его очень опасным для действительно демократических целей. Так затем и оказалось.

Еще хочу припомнить (хотя теперь это уж вовсе незначимо, да и фамилию несъедобного «фрукта» я забыл, Игнатъев, что ли? – ну, обозначим его как N.N.). Этот N.N. был самым молодым, да ранним членом Совета. Изо всех сил рвался вверх, пребывая под рукой у Боксера. Он руководил при голосованиях Совета избирательной комиссией и, как мне достоверно сообщил один из членов оной, ухитрялся подтасовывать результаты. Мне пришлось как-то ехать от «ДемРоссии» на переговоры с Шахраем, и честолюбивый «фрукт» ухитрился увязаться за мной. Он был мне не нужен и только жадно внимал разговору с могучим соратником вождя, но я считал непозволительным, недемократичным отказать в подобной малости такому же члену Совета, как и я. Спустя немного времени, к моему полному изумлению, он был назначен (правда, на краткий срок) главой российского телевидения! Так что его достоверная фамилия сохранилась в анналах времени. Вот почему я вздумал помянуть его, деятеля, столь характерного для «демократической» пены.

Но вскоре он куда-то нырнул и более не выныривал на государственную поверхность. Мо-

жет быть, в итоге эмигрировал? Как и Боксер? Лев Пономарев, полностью изменивший с тех давних пор стиль политического поведения и ставший теперь решительным, очень уважаемым правозащитником, сообщил мне, что Боксер давно перебрался в США.

А еще горюют об «утечке мозгов». Это смотря какого сорта мозги. Утечка некоторых из них пошла во благо отчизне.

Между прочим. Лев, когда создал в 90-х свою новую организацию и на первых порах старался наладить контакты с «независимыми профсоюзами», предлагал мне участие в его движении. Но я отнесся к этому тогда скептически и, хотя и послушал одну из его бесед с каким-то профсоюзным лидером, решительно отказался. Мой скептицизм подтвердился. У нас до сих пор почти нет настоящих профсоюзов, и это одна из основных слабостей оппозиции.

22

Руководство Совета «ДемРоссии» (исключая, конечно, Ю.Н.) во время союза Ельцина и Хасбулатова придерживалось по отношению к ним конформистской, совершенно лояльной позиции. За председателями и Боксером шло приблизительно две трети Совета. Остальные были людьми иного разбора и прислушивались ко мне. Я вечно оппонировал по вполне конкретным вопросам.

Суть конфликта сводилась к тому, что, по моему убеждению, «ДемРоссии», тогда еще вполне массовой и влиятельной, надлежало быть не придатком высшего руководства страны, а его равноправным, независимым и в случае надобности оппонирующим *гражданским* партнером. Это было, наверно, тем же, что А.Д. Сахаров ранее уложил в два слова точной формулы «условной поддержки» Горбачева. Это соответствовало бы настроению и резолюциям декабрьского съезда, преданного боксеровцами.

Я неизменно оставался в меньшинстве.

Полагал и продолжаю полагать, что *у нас существовал тогда определенный, пусть и очень проблематичный, исторический шанс. Он был непростительно и фатально упущен.*

Безликие, не обладавшие продуманной, зрелой политической волей, доморощенные демроссияне лишь помогли реализации крайне двусмысленной, колеблющейся и в итоге ставшей вредной политики Ельцина.

В результате «ДемРоссия» утратила и массовость, и влияние. Остатки ее были подхвачены Гайдаром и его сподвижниками, дважды переименовывались и – канули в Лету. Перестроечный порох безвозвратно отсырел. Вскоре – после приватизации по Гайдару и Чубайсу и издевательскому варианту ваучеров – демократия в

глазах населения превратилась в «дерьмократию».

Отмечу, что небольшой промежуточный эпизод падения «Демократической России» связан с именем Галины Старовойтовой. Она тоже была избрана членом Совета, но за целый год появилась на его заседаниях единожды. Никакого участия в наших боях местного значения не приняла. Она пребывала в Лондоне, где стал бизнесменом ее бывший муж и учился ее сын, она читала лекции в Вашингтоне.

Вернувшись, Галя просила меня помочь ей возродить партию, войти снова в руководство, которое она в одиночку возглавила вплоть до своей гибели. Я отказался. Движение ушло в песок, я был убежден, что это непоправимо. Надо было бы создавать все сызнова. Создавать новым людям и с новыми идеями. Без поддержки Сахарова.

Не нашлось ни людей, стоявших вровень с необычными историческими задачами, ни до конца продуманных политических идей. Разумеется, все это неслучайно.

Сильной массовой демократической оппозиции в России больше не возникало.

Нет и поныне.

И в ближайшее время, думаю, не будет.

23

А тогда – вначале воспоследовал раскол в «ДемРоссии», инициированный мной.

После года рутинных и бесполезных столкновений, после того как состав Совета был переизбран, я на очередном заседании в мэрии выступил очень резко и подвел итог угодливому поведению большинства руководства. Я объявил, что приостанавливаю свое членство в движении. И демонстративно вышел из зала мэрии в фойе.

До этого я переговорил с Афанасьевым и Буртиным. Наши точки зрения совпадали. И оба они поступили так же. К нам присоединились Белла Денисенко и Марина Салье. Соответствующее заявление было напечатано в газетах.

В тот вечер в фойе ко мне вышли несколько членов Совета, которые, поддерживая меня, просили остаться в Совете и продолжить борьбу. Я отказался.

Выскочил и Боксер, осыпая меня грубыми ругательствами.

Я не мог вести себя иначе, хотя бы по свойствам характера. Мое противодействие давно уже сводилось к бесполезной мышине возне. А второй съезд «ДемРоссии» не мог бы состояться и никогда так и не состоялся.

Но еще долго я все же испытывал что-то вроде чувства личной и, если выразиться гром-

ко, исторической вины. Цена нашей акции оказалась слишком велика. Неужели следовало остаться?

Дело прошлое (начало 1992-го года?) и давным-давно всеми забытое. До сих пор не знаю стопроцентно верного тогда ответа.

Но думаю, что падение московского штаба и всей «ДемРоссии» было все равно предрешено – по раскладу сил и незрелости общества, и теперь, спустя более двадцати лет, все еще не выбравшегося из советской трясины. Оно, это крушение, было, понятное дело, лишь фрагментом общей заходившей в тупик политической ситуации. «ДемРоссия» превратилась в «Наш дом» и во что-то еще, а сейчас ее призрак даже не бродит по ночам в белой простыне.

24

К власти пришло правительство Егора Гайдара.

По предложению В.С. Библера возникла группа «Независимая гражданская инициатива», в нее вошли он сам, Афанасьев, Буртин, Лев Тимофеев, Е.Боннэр, кто-то еще – и я, конечно, тоже. Всего девять человек.

С нашими именами по инерции еще считались. Мы, скажем, без труда напечатали в «Известиях» некий полемический текст.

Летом стало очевидно, что гайдаровские реформы, удачно подоспевшие поначалу при пустой казне и полном исчезновении продуктов из магазинов (где на полках не оставалось ничего, кроме каких-то негодных консервов и семечек), при всей необходимости и смелости отпуска цен, что эти реформы, связанные поначалу с обещаниями тут же сопроводить их внедрением частной собственности, рыночной конкуренции и пр., – эти реформы деформируются и, сворачивая в ложном направлении, терпят поражение. Те макроэкономические действия, при которых забежавшие вперед срочные шаги обрели бы положительный и долговременный смысл, не состоялись.

Я набросал закрытое обращение к Б.Н. Ельцину. В нем анализировался экономический (и не только) тупик, в который с каждой неделей погружалась страна, и предлагались более последовательные либеральные реформы. Под письмом (страницы на три), внося некоторые свои уточнения, подписались все члены «Инициативы». Это все, что мы могли сделать перед лицом надвигавшегося кризиса.

Ю.Н. Афанасьев вручил документ Бурбулису, тогда второму лицу в государстве, с тем, чтобы тот немедленно передал его Ельцину. Как позже рассказывал Бурбулис, Б.Н. внимательно его изучил и испещрил негодующими пометками. Спустя несколько месяцев Гайдар потерпел

полное поражение и передал свое кресло Черномырдину, вошедшему не только в историю, но и в русский фольклор, успешно заменив собой «армянское радио».

25

Что могло бы переломить ситуацию? На мой тогдашний наивный взгляд, Гайдар был *граждански* обязан внезапно (не испрашивая соизволения президента) обратиться по телевидению к населению и конкретно разъяснить, что реформы пошли не туда, что это уже не «гайдаровские» реформы... Но это была моя фантазия. Молодой человек, выросший в цэковских коридорах и принимавший решения, *не объявляя еженедельно их смысл и ход стране*, как обязательно следовало бы делать, симпатичный либеральный аппаратчик, обуславливающий свою политическую волю закрытыми контактами с Ельциным, – не мог бы повести себя столь публично и независимо. Я обвинял его за неспособность на такой шаг. Ведь он был как-никак и.о. премьер-министра.

Чубайс явился способным и волевым менеджером... но не демократом. Каким образом он мог бы им стать? Гайдар был умницей и полон искренних благонамеренных поползновений. Но все же он, разумеется, не был бунтарем, он оставался (по стилю политического поведения) чиновником. Не та группа крови. По-моему,

дело заключалось даже не в теоретических ошибках. Этот рациональный и образованный экономист был страшно далек от обычных людей. И люди с полным основанием решили, что гайдаровцы не держали их в головах.

Радикальные реформы огромного масштаба мог бы попытаться провести только человек, пользующийся доверием и симпатиями миллионов. Это ведь слишком ясно?

Страна одновременно потеряла все скромные сбережения. Гайдар утверждал, что никто ничего не потерял, потому что *деньги не были обеспечены товарной массой*. Это сугубо абстрактное мнение партийного теоретика, который сам о деньгах и о товарной массе мог не беспокоиться. И это было бессовестной неправдой.

«Необеспеченность» не относилась к продуктам, которые мы все же могли купить, к стоимости транспортных билетов, или к съему жилья (я тоже сам долго снимал квартиру в Москве), или, простите, к стоимости похорон. Я, признавая сотню-другую у друзей, ежегодно ездил на месяц к морю, снимал койку (или даже комнатку) за рубль (позже – два) в сутки, очень подолгу с наслаждением плавал, пил по вечерам кофе по-турецки, потягивал сухие вина и отнюдь не голодал. Отдавал долг к ноябрю. А мог бы при большой охоте слетать и в

Самарканд, и Бухару. Было бы где там остановиться.

При всей реальной «необеспеченности товарной массой» (то есть попросту диком «дефиците») деньги оставались деньгами, пусть лишь внутри страны. Мы жили на них, пусть убого и выкручиваясь. Плохо одевались и плохо ели. Но привычно «сводили концы с концами». Каждый был заинтересован в хотя бы скромном повышении зарплаты или в чуть большей пенсии (хотя разрыв между обычными – не «персональными» – пенсиями составлял всего несколько десятков рублей. Кто мог, надеялся на максимум: 120 рублей. Люди копили, копили деньги, которые все равно оставались «всеобщим эквивалентом», хотя и в жалких пределах того, что продавалось в СССР. Мы с Володей Библером после получки могли даже зайти в ресторан, черт возьми. А иногда купить хороший армянский коньяк. И вдруг нас ограбили ради высших государственных интересов. Ради них и в советские времена всех, даже нищих студентов, заставляли покупать гособлигации.

Я тогда носился с идеей о том, как просто было бы реально смягчить впечатление грабежа. Рубли в сберкнижках следовало проиндексировать (условно) в долларах хотя бы по тогдашнему лживому официальному курсу. Приостановить на время выплаты. А далее поэтапно выдавать деньги в соответствии с быстро воз-

раставшим курсом доллара. Я допытывался у экономистов-профессионалов, например, у Г.А. Явлинского и др., была ли эта простейшая идея реальной и эффективной. Отвечали утвердительно.

26

Наступали хилые и опасные времена. Геннадий Бурбулис как-то позвонил мне с просьбой о консультации при подготовке предстоявшего очередного доклада Ельцина. Меня доставили на неперменной черной «Волге» в его кабинет в Белом доме. Часа два я сдуру высказывался, Бурбулис записывал, ни одно мое соображение в доклад, конечно, не проникло. Об А.Д. Сахарове быстро забывали. Примерно летом 1992 года Ю.Г. Буртин созвал круглый стол, на котором я счел необходимым заявить, что отказываюсь от «условной поддержки» Ельцина и считаю уместной лишь оппозицию его курсу.

Это звучало очень гордо, но я никого уже не представлял и ничего не значил, я был просто *частным лицом*. Остаюсь таковым и поныне. Звучит недурно, но означало бы нечто практическое только в стране, где десятки миллионов были бы не всего лишь пенсионерами, всего лишь «бюджетниками» и т.п., а тоже частными лицами, нынче уместней сказать «гражданами», реальными избирателями, реально свободными людьми.

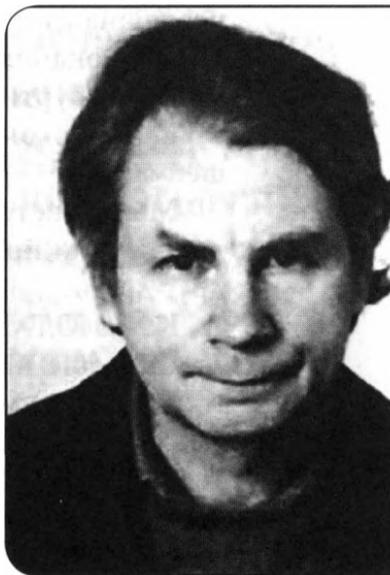
Юрий Григорьевич Буртин

Мы познакомились при создании «Московской трибуны». Но вскоре Ю.Г. перенес тяжелейший инфаркт с клинической смертью. Регулярные отношения относятся к 90-м годам. Мы часто созванивались, по часу толковали об историко-социальных проблемах.

Он был не в силах добираться до меня, зато я приезжал к нему.

Некоторое время Ю.Г. был соредактором газеты «Демократическая Россия» (если не путаю, вместе с И.М. Клямкиным). Когда Гарри Каспаров, спонсировавший из-за рубежа издание, решил прекратить финансирование газеты (которая при очень скромном тираже не могла окупить себя, хотя никаких гонораров не платили и сотрудников было двое или трое), Ю.Г. сумел заручиться поддержкой какой-то сочувствующей госпожи в Швейцарии. И газета появлялась еще в течение каких-то сроков. Нужно ли говорить, что Ю.Г. тоже не получал ни копейки. Он жил на пенсию, а его прекрасная жена, врач-инфекционист, выбивалась из сил на двух или трех работах. Тогда еще бывали совершенно бескорыстные и неутомимые демократы. Думаю, прежде всего на них и может держаться подлинное протестное движение. Хорошо, что не так давно стали появляться таковые же бесребреники из числа молодежи.

Когда-то я у него дома, среди еще двоих (или троих?) собеседников, участвовал в дискуссии об исторической природе нашего современного общественного движения, и Ю.Г., конечно, сам задумчиво высказывавшийся, превратил все это в материал для целой полосы своей двухлистной газеты. Писал я в нее и в связи с юбилеем В.С. Библера. Неплохо было бы, чтобы эти скромные подшивки, пропитанные духом времени и притом на особый, редкий, манер, сохранились и попались на глаза историкам.

Ю.Г. Буртин

Взгляды Ю.Г. несли на себе яркий «низовой», народнический, как сказали бы когда-то, отпечаток. Движение должно было прирастать, по его убеждению, снизу и отстаивать интересы обычных трудящихся людей. Ю.Г. не столько «теоретизировал», он не был «идеологом» или, упаси боже, политологом. Он просто неотступно и с огромной интеллектуальной ответственностью и честностью, думал.

Эта ответственность думания и предприимчивая энергия каждого поступка совершенно поражали в нем. И сама его манера беседовать,

неспешная и несуетная, но насыщенная смыслом интонация, наклон головы, прищур – все это было буртински-неповторимым.

И – **настоящим**. Редкое ощущение и в нашей среде.

Мы, кажется, кое в чем неизбежно расходься, умели понимать и, смею сказать, любить друг друга.

Когда Ю.Г. скончался, Людмила Телень предложила мне написать некролог для «Московских новостей». И опубликовала его, не изменив ни запятой. Сказать об Ю.Г. так, как вышло тогда, не сумею. И добавлять что-либо не хочу.

Статья называлась: «Мы уходим...». Я перепечатал ее в «Пристрастиях».

В названии, в этом «мы», была историко-идеологическая правда. Но не фактическая точность.

Ю.Г. Буртин действительно нас покинул. А я вот подзадержался.

28

Кронид Любарский

Не могу сообразить, когда мы впервые встретились. Возможно, в Дании в начале 1989 года. Там произошла первая встреча нескольких очень известных оппозиционеров из России с оппозиционерами-эмигрантами.

Это была во многих отношениях интереснейшая поездка. Но сразу после возвращения в

Москву я расплатился за нее вторым и гораздо более тяжелым инфарктом.

В связи с ним я получаю возможность назвать славное имя *Ирины-Корнелии Герстенмайер*. Оно тоже не должно быть забытым историками перестройки. Ирина была дочерью очень крупного политика времен Аде-науэра. Она училась в Швейцарии и, избрав специализацию по русской истории, совершенствовалась в МГУ. Она влюбилась в нашу страну и затем отдала жизнь поддержке демократического движения в ней. Но, прежде чем оно началось, хрупкая очаровательная женщина была выслана из Москвы за провоз каких-то подпольных материалов. Ирина жила под Кельном (или Бонном?), в прекрасном отцовском доме на берегу Рейна. От отца ей осталось скромное состояние, которое она вложила в созданный ею «Фонд Герстенмайер», помогавший независимым демократическим людям в России. Она просила называть ее не немецким именем «Корнелия», а более дорогим для нее, звучавшим ближе для русских ушей, именем Ирины. Она знала Владимира Буковского и многих других диссидентов, а когда вновь открылась возможность частых наездов в Москву, останавливалась в доме Сахаровых, где ей всегда были рады. Среди прочих благих дел Ирина создала в столице бесплатную столовую для неимущих в самые голодные годы.

Когда я был на очередной «перестроечной» конференции в Амстердаме, у меня в номере раздался звонок незнакомой и неизвестной мне тогда Ирины Герстенмайер, которая попросила дать оценку политического состояния России и высказать прогноз.

События нарастали, и мой тогдашний прогноз был осмотрительно-бодрым.

После второго инфаркта требовалось срочное шунтирование, в то время у нас операция еще экзотическая и безумно дорогая. Инна позвонила Ирине, и та немедленно со свойственной ей энергией взялась за помощь. Ею, человеком в Германии известным уже благодаря отцовской фамилии, были собраны деньги среди немецкого католического епископата (!) и получено согласие лучшего хирурга университетской больницы на бесплатную операцию. Мы с Инной полетели, Ирина организовала встречу и сняла для нас «альтернативную» квартирку. Когда меня обследовали, оказалось, что я не операбелен. Все это мне приходится упоминать лишь для того, чтобы объяснить, как я оказался вместо операции в реабилитационном санатории около старинного городка Bad Berleburg. А это, тоже не идущее к теме известие, в свой черед, понадобилось в связи с тем, что в санатории я написал вежливо-ядовитую полемическую статью против программной работы А.И.

Солженицына «Как нам обустроить Россию». Статья называлась «Как не повредить обустройству России».

И тут-то я могу, наконец, вернуться к Любарскому, который издавал в Мюнхене лучший русский политический журнал «Страна и мир». Первая публикация этой моей статьи состоялась именно в нем. И мы после санатория отправились в Баварию, в гости к Крониду и Гале Любарским. По случаю моего приезда Кронид, с которым мы быстро подружились, созвал гостей, среди которых я увидел глубокого и утонченного писателя Б. Хазанова (он весь вечер молчал, и реального знакомства, к сожалению, не вышло).

Опять отвлекусь от Кронида. Отечественная публикация помянутой статьи появилась в «Октябре». А.И. откликнулся на нее там же заметкой в несколько строк, в которой возражал против ошибочного толкования одной его фразы. Существо спора осталось в стороне. Добавлю, что я в ту же поездку выступил по «Немецкой волне» в специальной дискуссионной передаче, посвященной этой знаменитой работе Александра Исаевича, бывшей тогда в центре внимания. Солженицын был крайне уязвлен. Я смог убедиться в этом несколько лет спустя, столкнувшись с ним и Наталией Дмитриевной

в музее на Волхонке на «Декабрьских вечерах». А.И. перед тем сделал по телевидению выступление, которое я счел верным и полезным. В антракте подошел к нему, чтобы поблагодарить и высказать на сей раз полную солидарность. Но А.И. с суровым лицом сказал, что я дурно оспаривал его идеи. Н.Д. в свойственной ей интеллигентной и мягкой манере заметила, что, де, Леонид Михайлович на сей случай поддерживает тебя. А.И. промолчал. На этом мое «знакомство» с Исаевичем и закончилось. Поныне помню каждый взгляд и каждую интонацию.

Уже не в первый раз мне приходится упоминать отношения, которые были, хотя их и не было. Надеюсь, это оправдано именами людей, с которыми мне удавалось на миг соприкоснуться.

Кронид и Галя были очень радушны и водили нас по Мюнхену. Мы выпили пива в той самой огромной исторической пивной, где началось гитлеровское движение. Мы зашли на радиостанцию «Свобода» и познакомились, в частности, со Штольцем.

Как-то вечером Кронид поставил запись цикла Юлия Кима о разговорах на московских кухнях. И еле сдерживал слезы. Он рвался на родину.

Они с Галей переселились, купив квартиру у Речного вокзала. Кронид принял для начала самое активное участие в расследовании следов пребывания Рауля Валленберга во Владимирском центре, где и сам сидел. Стал влиятельным заместителем главного редактора «Нового времени». Участвовал в работе по созданию текста новой Конституции. Был неутомим, как и в Мюнхене, был очень рад и этой конституции, и своему личному участию в формулировках первой и основной главы. Тяготел к центризму, то есть – тогда – к кругу Гайдара, и был настроен оптимистично.

Наши политические оценки начали заметно расходиться, он стал бывать у меня реже (отчасти из-за постоянной занятости), но дружбе это не помешало.

Как и многие любившие его, я был потрясен его неожиданной гибелью в Индонезии, когда он не смог выплыть против океанического отлива. Панихида над привезенной с конца света урной происходила в редакции «Нового времени». Я выступал после Гайдара.

Этот необыкновенно стойкий, жизнерадостный и деятельный человек был бы очень нужен сегодня во время разброда оппозиции. «Нам его не достает», так говорят обо всех ушедших. Но в отношении незабвенного Крониды Любарского это выражение имеет очень конкретное и прямое значение.

Андрей Синявский

Мы познакомились на конференции в Амстердаме, где Андрей резко, но неудачно выступил против Солженицына, обвиняя его в затаенном антисемитизме. Я не знал его молодым, теперь он походил на седого гнома с короткой шеей. Или не на «гнома», чужое для него слово, а на задумчивого лешего. В России разгорелся неумный скандал вокруг его оригинальнейшей и глубокой книги «Прогулки с Пушкиным», с каким-то недоуменным и страдающим выражением Андрей заглядывал мне в глаза и говорил: «Но я ведь люблю Пушкина»... Синявский был изрядным молчуном и не блистал в разговоре. Но мне редко доводилось встречать в жизни таких значительных людей.

Мы сразу перешли на «ты». Попутно: маленькая, запомнившаяся мне деталь. Я полюбопытствовал, как технически он сочиняет. В лагере он привык писать, сидя на нарах и держа тетрадку на коленях. И больше (во Франции тоже) уже не расставался с этим обыкновением.

Его Маша (Розанова) тоже была ни на кого не похожа. Во-первых, она в одиночку в их доме в предместье Парижа набирала и выпускала «Синтаксис», этот лучший русский литературный журнал эмиграции. Ее деловая предприимчивость и разнообразные умения не имели

Слева направо:

А.М. Баткин, М.В. Розанова и А.Д. Синявский

себе равных. Все это было подчинено борьбе за Андрея и рядом с Андреем. Во-вторых, она разговаривала в прямой и грубоватой манере и любила изображать себя ведьмой, с удовольствием рассказывая, как какой-то парижский книготорговец предположил, что она летает на метле. Ее кое-кто побаивался и сторонился, потому что, будь мир устроен несколько иначе, Маша именно так пользовалась бы метлой. Что-то ведьминское в ней, возможно, действительно было. Я, однако, не мог не разглядеть,

что она доброжелательная и страстная широкая натура.

Мы встречались с Синявскими еще несколько раз – и на Западе, и у меня дома в Москве, и на вечере в Доме кино, где они выступали оба. Хочу вспомнить лишь о двух примечательных свиданиях.

Летом 1989 года, выйдя после второго жутковатого инфаркта, рано утром я осторожно разгуливался с Инной в лесу, принимал душ и усаживался за пишущую машинку на разрешенное врачами время. С наслаждением импровизировал, погрузившись более чем на месяц в Пушкина и в «Прогулки» Андрея. Написал большую статью об этой великой книге и немного о Пушкине, статья вышла в «Октябре», с ней познакомился Андрей, а Маша пока не успела. Я в это время находился уже в Кельне, после несостоявшейся операции. Андрей, прочитав статью «Пушкин, Синявский и мы», немедленно пожелал встретиться со мной, и вдруг они с Машей примчались из Парижа в Кельн и сняли номер поблизости от нас. Мы сидели весь вечер и за полночь, а утром проводили их к парижскому поезду, Я был поражен и, конечно, тронут такой реакцией Андрея на мою работу. Приехать на один вечер! Но никакого путного разговора не получилось. Мы просто свиделись...

Второй эпизод был, напротив, напряженным и трудным. Андрей и Маша приехали ко мне

вскоре после событий 1993 года со стрельбой из танка по Белому дому. Андрей и Маша были потрясены и восприняли это как преступное нападение на парламент и демократию, приведшее к жертвам. У меня была своя и более сложная точка зрения на произошедшее. Мы очень долго спорили, но каждый остался при своем. Истина не рождается в споре. Для ее рождения нужна тишина.

Вышло, увы, так, что это была финальная наша встреча. И – встреча не о том... Нет, мы не поссорились, но сперва не подворачивался подходящий способ свидеться, а потом Андрей внезапно скончался.

Его тело еще не было предано земле, а уже в итальянской газете появились чудовищные обвинения в связи Андрея с КГБ. Я тут же послал в эту газету заметку с требованием опровержения и извинения. Ответа не получил.

В последний раз я позвонил Маше в Париж более года тому назад, она сказала, что собирается в Москву и обещала заехать. Но не заехала и не звонила. В каком состоянии она сейчас, не ведаю.

В заключение не придумаешь ничего, кроме какой-нибудь пошлой банальности. Вроде напоминания о надписи на кольце Соломона, которая понравилась Чехову. Но книги А.Д. Си-нявского не пройдут.

Думаю, что обязан разъяснить, чем отличалась моя точка зрения относительно событий 1993 года. Конфликт между Ельциным и хасбулатовским Верховным Советом был застарелым и безысходным. Хотя я с 1992 года, если не раньше, никоим образом и никогда не был сторонником Ельцина, но в этой распре и суть, и тон позиций Хасбулатова – Руцкого представлялись реакционными и гораздо более скверными, чем половинчатые позиции Б.Н. В «Новом времени» в статье «Политика прежде права» еще за много месяцев до драматических событий я утверждал, что в нашей стране этот конфликт не имеет правового решения и разрешится только неминуемым силовым столкновением.

Остервенелые угрозы, публичный мат Руцкого или отвратительного Макашова с призывом применить оружие, попытки штурма Останкино и т.п. означали, что перед нами новый и пугающий вариант путча. В этой ситуации призыв Гайдара ко *всем гражданам* собираться для отпора перед мэрией был, по-моему, безответственным, многие граждане были немолоды и не способны сражаться. Было еще не известно, куда макашovy направят свои банды. Мне, разумеется, представлялись дикими ответные меры президентской команды, вроде отключения в Белом доме канализации и, ка-

жется, электричества, столь же диким и страшным – обстрел здания из танкового орудия, но я считал, что это как раз тот случай, когда из двух зол приходится выбирать меньшее. Победа «парламента» (в стране, где не было и до сих пор нет реального парламентаризма) была бы полным поражением перестройки и всего того, чего мы успели все же добиться. Я почти физически боялся неизбежных расправ.

Моя формула поведения (впрочем, я никак себя не вел в эти два дня, просто сидел дома и ловил последние новости), моя формула в этот момент звучала так: «Я на ельцинской стороне, пока он не возобладает над хасбулатовщиной, но едва это произойдет, я в то же утро опять стану принципиальным оппонентом Ельцина». Понимаю тех, кто был покороблен и возмущен варварским поведением Б.Н., но и по сей день полагаю, что при подобных исторических раскладах бессильные, но все же трезвые политики должны руководствоваться не шекспировским «Чума на оба ваши дома». И не ограничиваться эмоциями и общими местами. Мир, как известно, не черно-белый.

31

Четыре личных соприкосновения с Б.Н. Ельциным

Я не вижу смысла рассуждать здесь об исторической роли Б.Н. в целом. Хотя не удержусь

от нескольких фраз по этому поводу. А скучные личные впечатления сводятся к следующему.

После похорон А.Д. состоялись поминки в одном из ресторанов «России». Люся попросила меня открыть выступления. Мне было несложно это сделать, поскольку я уже направил в газету свой некролог, оставалось лишь проговорить его. (Я перепечатал текст дважды, см. сб. «Возобновление истории» или «Сахаровский сборник-2011».)

Ельцин после этого подошел к столу, где я сидел вместе с Е.Г., многозначительно потряс мою руку и благодарил. Повторил это же перед вешалкой, когда все расходились. Так что соприкосновение было буквальным. Но добавить мне нечего.

По желанию Б.Н. произошла первая (и последняя) встреча с ним и его сподвижниками руководителей и активистов «ДемРоссии». Дело в том, что после многомесячных переговоров Ельцина с Горбачевым (на фоне повсеместных шахтерских забастовок) было достигнуто компромиссное соглашение об экономических подвижках.

Но внезапно Политбюро отказалось от них. Тогда Ельцин впервые решил встретиться с «ДемРоссией».

Я выступал на этой встрече очень резко и сказал, что несколько месяцев политически

были начисто потеряны. Призывал к открытости курса Ельцина и к созданию механизма постоянных консультаций Президента РСФСР с движением. Б.Н. довольно улыбался и хлопал.

При большом желании это можно бы зачесть как политическое соприкосновение? Беглое и лишь в связи с конкретной ситуацией.

Третий эпизод куда занятней. Происходило учредительное собрание будущей Межрегиональной группы в Верховном Совете. Я оказался и там (конечно, благодаря Афанасьеву) и сидел в первом ряду справа от Ю.Н., по правую мою руку сидел Полторанин, сразу за ним Ельцин.

Когда устав был принят (с тремя сопредседателями) и заседание вроде бы завершилось (это было как-то неясно, председательствующий Г. Попов закрытым его не объявил и сам оставался на своем месте), депутаты начали вставать, давать интервью у стен зала и т.п., – произошло нечто неожиданное. Попов, обращаясь к тем депутатам, которые продолжали оставаться на местах, заявил: «Мы тут посовещались (кажется, была произнесена именно эта сакраментальная советская формула. – Л.Б.) и решили, что сопредседатели должны руководить группой по очереди, а не одновременно, сроком на год, и быть первым председателем должен Борис Николаевич».

Зал загудел, я тоже выкрикнул какие-то слова протеста, ушедшие депутаты (в частности, недоумевающий Юра, которому я кратко пояснил суть происшествия) возвращались в зал. Между тем я перегнулся за спиной Полторанина к Ельцину, застывшему с неподвижным лицом, и сказал: «Борис Николаевич, это очень опасное для Вас предложение, ведь и без того говорят, что Межрегиональная группа создается под Вас». Б.Н. только зыркнул в своей знакомой манере и ничего не ответил.

Возобновилось заседание, выступающие отвергали идею Попова. Помню, Ю. Болдырев сказал: «Я готов быть членом МДГ, но ни ельцинцем, ни афанасьевцем и т.д.». Попов провел голосование, его предложение не поддержали.

Я вторично наклонился к Ельцину и сказал: «Поздравляю, Борис Николаевич, Вы избежали неприятного для Вас поворота дел». Б.Н. не шевельнулся.

Однако когда собрание было закрыто, он поднялся на подиум и что-то втолковывал журналистам. Проходя мимо и на несколько секунд с любопытством приостановившись, я услышал обрывок фразы: «Говорят, что якобы Межрегиональная группа создана в моих интересах, но...» и т.д.

Значит, некое соприкосновение все же произошло? Пусть и не буквальное.

Четвертый (и последний) эпизод совпал с неслыханно богатым застольем. Оно было устроено в доме правительственных приемов на ул. Косыгина по случаю круглого юбилея «Огонька». В Москве было еще голодно, а на столы подавали черную икру, жареных поросят и пр. Мне это показалось непристойным.

В фойе небольшой оркестр играл что-то легкое. Когда появился Б.Н. с женой, раздались аплодисменты, а Б.Н. подошел к микрофону. Он сказал, что всегда очень ценил и любил «Огонек» и давал читать его своим детям. Это был доброжелательный, но все же не слишком удачный спич. Юбилей отмечал новый, перестроечный «Огонек» Коротича и др., а получалось, что Б.Н. издавна радовался советскому лживому «Огоньку» Софронова, что ли, или кого-то там еще.

Разошлись и расселись по столам. Я имел глупость тут же застрять в бессмысленном и бесполезном споре с очень известным юристом относительно только что закончившегося «суда» над распущенной КПСС, который завершился не суровым приговором соответственно преступлениям этой партии, а жалким пшиком.

То, что советский режим, и особенно Сталина, так юридически и не признали преступным, что никакого хотя бы слабого подобия Нюрнбергскому процессу у нас так и не произошло, – очень неслучайное обстоятельство, само

по себе тоже преступное и многое объясняет в характере нынешнего общества и власти. Мой собеседник, человек образованный и приятный во всех отношениях, напротив, при сходном отношении к сталинизму, разъяснял мне достоинства судебного компромисса, который препятствует жесткому расколу общества, только начавшего выходить из советских вод.

Допустим, это так. Хотя расколу это не воспрепятствовало. Но когда же в таком случае Россия дождется выхода из грязной пены – боттичеллиевой Афродиты? Или просто чего-то и кого-то привлекательного?

Вдруг от микрофона, который стоял в центре зала, раздался знакомый голос. Прислушался и всмотрелся. Адам Михник! Это была вторая встреча после Рима. Когда он двинулся мимо меня к выходу в сопровождении Н. Ивановой, я пересек его путь и сказал: «Здравствуй, пан Михник!» Он остановился, тоже всмотрелся и воскликнул: «А, пан Баткин!» Затем приобнял меня и... Почтенные читатели, извините, мне не захотелось выкинуть из этой махонькой песенки нехорошее слово, поскольку без него и песенки начисто нет. К тому же я повинен в нем частично, а главный охальник – Адам Михник. Нельзя не оценить удивительную способность русского языка объять сложную историческую эпоху одним-единственным словом. А кроме

того, забавную сценку наблюдала и слышала такая тонкая ценительница изящной словесности, как Наталия Иванова. Ее невольное участие способствовало остроте нашего довольно сжатого политического дискурса.

Так вот, Адам приобнял меня и спросил, не громко, но очень внятно: «Послушай, ты ведь умница, что – все х..во?» Я постарался придать своему лицу и голосу настолько значительное, серьезное и достойное выражение, на какое только был способен, и важно ответил: «Х..во!»

Но я несколько отвлекся от четвертого прикосновения.

Его следует предварить информацией о том, что накануне, в последнем номере «Огонька» была напечатана моя статья под названием «Ельцин Тринадцатый». Дело было перед выборами. Нам предлагали голосовать за Ельцина. Прекрасно. Но за какого именно Ельцина? Я предлагал вспомнить фантастически разные этапы карьеры Б.Н. Я насчитал их двенадцать. Я сопоставлял и сталкивал их. Точнее, они сами сталкивались. Некоторые были нам, либералам и демократам, очень по душе, иные не слишком-то по душе, третьи отталкивали. Это фигура и судьба совсем не простая. Так за какого Ельцина нам предстояло голосовать? Кем выступит и будет на деле Ельцин Тринадцатый?

После этого я имел наглость подойти к столу Бориса Николаевича и обратиться к нему. Не соображу, зачем я это сделал. Черт его знает, что я произнес. Возможно, просто: «Здравствуйте, Борис Николаевич!» Он смотрел на меня и не молвил ни слова. Тогда я спросил: «Может быть, Вы меня не узнаете?» Боюсь, это прозвучало как-то нехорошо. Б.Н. продолжал смотреть на меня и молчать. Поклонившись, я вернулся на свое место. Тут случай особый и противоречивый. Можно счесть, что четвертого прикосновения ни в малейшей степени и ни в каком отношении не было. Можно предполагать, что это, напротив, было шедшее из глубины наших черепов и самое неприятное прикосновение.

Но самое-самое последнее в моих воспоминаниях прямое (не экранное) впечатление от живого Бориса Николаевича было совсем другим. Он уходил из зала с Наиной Иосифовной. В фойе огни были пригашены, оркестр продолжал играть какой-то вальс. И я увидел, как Б.Н. закружился в полумраке с Н.И. Никто (кроме меня?) за ними не наблюдал. Ничего не было напоказ. Передо мной возник не политик, а увлекающийся человек, любящий свою симпатичную жену и давным-давно не имевший повода и возможности повальсировать в большом паркетном пространстве.

Мне это понравилось. Это выглядело неожиданно и трогательно. Этот импульс правителя был непосредственным и, согласитесь, очень нетривиальным. Теперь я даже иногда думаю, что это был никому неизвестный Ельцин Четырнадцатый. Я с удовольствием проголосовал бы за него.

А вообще-то я не голосовал за Ельцина ни разу. Сначала, не приняв его сделку с коммунистами и Руцким. Затем – потому что его политика становилась в 90-е все более неровной и невразумительной. Не вижу главной беды в том, что он спьяну пробовал пройтись вприсядку или размахивал руками перед оркестром. Ладно уж, хотя солидному человеку так вести себя – публично – не след бы. Но чего не бывает. С Петром Великим и не такое бывало на всешутейших сборищах. Но вот однажды, в очередной раз обидевшись на Запад, Борис Николаевич явственно пригрозил атомной войной... Вы, наверно, не помните, а во мне это застряло навсегда. И навсегда – не во мне, а в теле России – застряла война в Чечне.

А еще, может быть, существенней, что не было люстрации. И не было в России после подавления путча никаких выборов, сверху до низу, начиная с президента, который избирался в одной из республик СССР, а не в РФ, и, следовательно, после распада СССР потерял легитимность. Не было суда над сталинизмом. Гула-

говские вертухаи – ни один не был схвачен, все палачи доживали на неплохих пенсиях. Поддержать полумертвого Ельцина в 1996-м из-за боязни прихода Зюганова было бы несерьезно, было бы глупо. Этим запугивали, но Зюганов и тогда уже был человеком из прошлого.

Выборы 1996 года впервые были фальсифицированы, это доказано математиками. Об этом писал Кронид Любарский. Теперь редко кто осмеливается это оспаривать. А значит, и нынешняя (все равно, конечно, оставшаяся на бумаге) Конституция не легитимна.

Можно и нужно указать на то, что Ельцин сохранил от перестройки и сделал положительного. Скажем, цензуру он не возобновил. И политических репрессий при нем не было. Но я думаю, что дебит и кредит в этой непростой фигуре не сходятся.

Борис Николаевич извинился, уходя. Но заметьте, не объяснил конкретно, за что именно он извиняется. Взамен предновогодних театральных извинений за минуту до звона бокалов с шампанским – политик обязан был *проанализировать* свои ошибки.

Самой непростительной из них, как понимают теперь миллионы граждан, был – одновременно с сентиментальным и невнятным извинением – неожиданный, грубо-авторитарный, корыстный (ради «семьи») и безумный выбор преемника.

Андрей Дмитриевич Сахаров

Мне довелось довольно много размышлять и писать об Андрее Дмитриевиче, начиная с некролога и вступительной статьи к изданию отдельной книжицей его конституционного проекта. Я записал воспоминания о нем в Сахаровском центре и выступал там же с характеристиками А.Д. Сахарова как политического деятеля. Мне не хочется повторяться.

Повторю лишь вкратце свой прежний всегдашний тезис: А.Д. был не мечтателем и не дилетантом в своих политических действиях. Он все прекрасно и трезво видел. Изменения не могли начаться непосредственно из меси-ва низового недовольства, без кризиса *верхов*, без их нарастающего раскола, отсюда формула «условной поддержки Горбачева» и снятие этой формулы, когда М.С. осенью 89-го попятился назад. Важно также понимать, что А.Д. оценивал движение мировой политики в створе будущего, в масштабе всемирной космической перспективы, отсюда любимая идея «конвергенции». И, наконец, в А.Д. не было ни тени, ни малейшей примеси политиканства, ничего от *der Kannegiesser*, от *die Realpolitik* – он после ссылки стал политиком, но необычного плана.

Однажды около часа ночи (я уже задремал) А.Д. позвонил и с первой же фразы (он никог-

да не тратил времени на вступительные любезности) спросил: «Леонид Михайлович, что Вы думаете об идее всеобщей политической забастовки?» А.Д. обзванивал нескольких человек, с которыми считал нужным посоветоваться. Я мгновенно проснулся и ответил, что полностью такую идею поддерживаю.

Стоит пояснить, что это была идея на будущее, и буквального внушительного результата А.Д., разумеется, не ждал. Несколько процентов предприятий в некоторых регионах России призыву все-таки последовали, но важнее было то, что в сознание страны таким образом возвращалась сама идея подобной забастовки, немислимая в советские времена. То есть это был призыв не столько (или вовсе не) практический, сколько идеологический, в расчете на дальнейшее развитие событий.

Точно так же в своем знаменитом последнем выступлении на Межрегиональной группе А.Д., призвав к переходу в оппозицию к горбачевскому руководству, не мог рассчитывать на то, что его поддержит большинство группы. Важно было обозначить свою позицию *и впервые официально и весомо ввести в политическую практику понятие полнокровной оппозиции.*

Отвлекусь в очередной раз. Первое предварительное собрание членов будущей «Межрегиональной» группы проходило – если не пу-

таю, уже в дни заседаний Съезда – в гостинице «Москва» без огласки. Сахаров и Афанасьев в нем не участвовали. Обсуждалась сама концепция и задачи группы. В небольшом зале я был единственный приглашенный не-депутат. Мне дали слово, и я заявил, что такая группа должна будет стать внутрипарламентской *оппозицией*. Это слово явно напугало и покорежило депутатов. Оно было еще слишком внове, забегало вперед, и я это знал. Но ему пора было хотя бы прозвучать в качестве метки ближайшего будущего. Поддержали меня только двое: следователи Гдян и Иванов (узбекское «хлопковое» дело), чьи имена тогда у всех были на устах, а нынче начисто забыты. У них были личные основания выступать экстремально. Я желал бы других сторонников. Позже Тельман Гдян уговаривал меня вступить в их призрачную «партию», я, улыбаясь, отказался.

33

А.Д., безусловно, не только любил Люсю Боннэр, но и внимательно прислушивался к ее мнениям и советам. Но только в тех случаях, когда они были полезны для его собственных раздумий и решений. Власти обожали твердить, что великий физик попал под тлетворное влияние некой Боннэр. Но Сахарова нельзя представить себе интеллектуально не самостоятельным.

Е.Г. Боннер

(Помню, я получил по почте большой конверт без обратного адреса, в котором была перепечатка одного из криминальных рассказов Льва Шейнина. Сомнительную героиню этого рассказа пытались отождествить с Боннэр. Я не стал говорить Люсе об этой глупой пакости и выбросил конверт в мусорное ведро. Не сомневаюсь, что подобные же письма получили многие почитавшие Сахаровых люди. Особая трудность для КГБ в деле очернения А.Д. заключалась в том, что о нем самом нельзя было сказать ничего уничижительного. Трижды Герой Советского Союза! Поэтому столько грязи лили на Люсю, коварную идейную совратительницу неопытного в политике академика.)

Между тем я не раз имел случай убедиться, каким независимым и оригинальным умом обладал А.Д., прилагая его к политике.

Елена Георгиевна относилась к Горбачеву с недоверием и неприязнью. И высказывалась о нем именно в таком резком тоне. А.Д. ласково

улыбался ей, но от формулы «условной поддержки Горбачева» и не думал отказываться. Пока к концу 1989 года не изменилась ситуация.

Он за полтора года стал не только несгибаемым протестантом, но и серьезным политиком.

34

Не знаю, нужны ли мелкие бытовые штрихи, если речь идет об очень большом человеке?

Действительно, не знаю. Но что-то отложилось в памяти. Притом почему-то с трогательной окраской. Надеюсь, никто не упрекнет меня в неискренности, или мелочности, или самовыпячивании, если я скажу, что он мне страшно нравился именно человечески, не просто как лидер.

Он знал цену чужой шутке, но мне не удалось ни разу наблюдать его шутливым.

Он был стопроцентно безыскусен, он никогда не замечал, какое впечатление в данный момент производит.

Очень немногие, даже самые замечательные люди не умеют этого. И ничего страшного. Многие из нас немного актеры, вот и я тоже. Но А.Д. не знал, что это такое.

В этой органике – большая доля его воздействия на окружающих. Он был, если позволительно именно о Сахарове выразиться несколько вычурно, *аскетически-обаятелен*. То есть его интровертность и неизменная внешняя

сдержанность почему-то не отстраняли, а внушали полное доверие.

Я полюбил его. Нескромность этого признания может извинить то, что многие люди, в том числе знавшие его гораздо ближе и дольше, наверняка испытывали и испытывают к А.Д. те же чувства.

Что до быта... Когда Люся бывала вынуждена оставить его в одиночестве, А.Д. категорически отказывался от малейших попыток пособить ему с едой и т.п. Мне, например, он сказал, что предпочитает сам сходить в магазин, купить курицу и сварить ее. Люся пеняла ему, что он ходит при гостях в неприлично стоптанных шлепанцах. Но ему «так было удобней». Зато Люся открыла мне, что «Андрей не ест ничего не подогретым».

Что до шлепанцев, то я мог бы сочинить о них сагу. А.Д. позвонил и спросил, не могу ли я прочесть проект его Конституции, чтобы высказать затем свои соображения. Он прислал мне пакет нарочным, а вскоре я явился на Чкалова и уселся в кресло напротив А.Д., иногда кривясь от боли (разыгрался радикулит). А.Д. лежал на диване в своей любимой позе, на боку, подперев голову левой рукой, а правой делая пометки. Шлепанцы вошли уже в окончательную кому, и на каждой красовалась круглая дыра. Беседа продолжалась часа три. А.Д. в конце осведомился, чего я кривлюсь. И мне пришлось упомянуть о пояснице.

А.Д. оживился, тема ему была явно близка и хорошо продумана. Он заявил, что лучшее средство от таких болей – перцовый пластырь. Я послушно обещал купить его. Андрею Дмитриевичу стала очевидна моя некомпетентность и он воскликнул: «Что Вы, это дефицит! Возьмите у меня». Затем А.Д. повел меня на соседний этаж, где ему недавно дали собственную квартиру. В ней он уединялся и работал. Ему захотелось похвалиться чуланом, в котором он своими руками в отсутствие Люси сделал полки: «Это будет ей сюрприз». Я льстиво восхитился полками. Затем мне были вручены два пластыря, и А.Д. сказал, что сейчас сам поставит один из них. Я заупрямился. Поставлю себе сам.

Мы попрощались, и я начал спускаться по лестнице, без лифта. А.Д. наклонился над перилами и крикнул мне вслед: «Леонид Михайлович, давайте я все же поставлю». «Спасибо, спасибо, нет!» Знал бы я, что это были прощальные слова – о пластыре...

Знал бы я, что **мы виделись в последний раз.**

Оставшийся неиспользованным второй пластырь я запечатал в полиэтилен и храню в столе как сентиментальный сувенир. Больше таких сувениров нет ни у кого в мире.

В части поездки по Армении нас сопровождал Юра Рост. Он извел несколько пленок, на некоторых из них присутствую и я рядом с Са-

харовым. Юра несколько лет подряд клятвенно обещал мне подарить несколько отпечатков. Но так и не сдержал слова. Нехорошо, ей богу. Милый человек, но – нехорошо.

35

Е.Г. Боннэр

Люся говорила мне, что не любит, когда ее воспринимают и называют «вдовой Сахарова». Она с достоинством несла бремя ответственности за это звание, но была *сама по себе* – талантлива и умна в ладу с собственной натурой, максимально контрастной по отношению к характеру и манере держаться Андрея Дмитриевича.

Наше знакомство началось, как я рассказывал, почти скандально. После возвращения из Горького А.Г. сменила гнев на милость. Я научился ценить ее неподражаемость и дорожить ею. Я, кажется, стал лучше понимать, что так глубоко соединяло обоих: они были изотопами, интравертным и экстравертным, некой одной мощной органики, И мне удалось – особенно после кончины А.Д. – войти, смею сказать, в полное доверие Люси (отчества она, конечно, отбросила сама). Она много рассказывала мне о своей семье, о повестях, которые писала.

Единственное политическое разногласие между нами возникло лишь единожды.

После того как Б.Н. так здорово взобрался на танк, Люся была его безоговорочной сторон-

ницей. И твердила в ответ на мои скептические или просто резко-критические суждения то, что твердило тогда множество людей: «Если не Ельцин, то кто?!»

Позже, особенно после первой чеченской войны, взгляд Люси изменился. Она принадлежала к той редкой разновидности людей, которые умеют отказываться от своих ошибок. И Люся оказалась одним из самых последовательных критиков мертвого ельцинизма.

По «Свободе», после отъезда сильно постаревшей Люси в Штаты к дочери, ее голос звучал так же твердо и разумно.

Мне горько, что и он смолк.

Е.Г. Боннер в последние годы жизни

Глава пятая

Под занавес (1993–2012)

1

Посещение Генеральной прокуратуры РФ

Вскоре после провала путча меня попросили посетить Генпрокуратуру в качестве свидетеля. Там завели уголовное дело на Крючкова, в частности, выделив дело о «незаконном внешнем наблюдении и прослушивании». В кабинете Крючкова были изъяты бесчисленные папки с чистовыми перепечатками донесений. В каждом указывались день и час, но отсутствовал год. Моя непосредственная задача в качестве свидетеля состояла в том, чтобы уточнить по возможности полную дату и подтвердить сам факт подлинности зафиксированного в записях «совершенно секретно».

Очень вежливый следователь положил передо мной несколько увесистых переплетенных томов (из числа многих десятков или сотен, находившихся на полках), в которых фигурировали высказывания мои и моих собеседников за минувшие два-три года. Я погрузился в их просмотр и уже минут через десять почувствовал

изумление. Здесь были не только телефонные разговоры, заведомо прослушиваемые, мне это было понятно всегда, но и разговоры с Игорем Голомштоком, Ю.Н. Афанасьевым и т.д., и пр. Даже реплики, которые я проговаривал жене и сыну на кухне. Был и – отдельно в начале – комментарий с общей оценкой моей политической личности и пр.

То есть я увидел, что прослушка велась с потолка, из стен и отовсюду. Жучки были вовсе не только в телефоне! Я сказал об этом следователю, и он ответил буквально: «Правильно понимаете». Пояснил, что копии, тоже чистовые, передавались в секретариат генсека.

Я выполнил, насколько сумел, просьбу следователя, а перед моим уходом он спросил «как у человека понимающего», что я думаю о текущем моменте и что нас ждет в обозримом будущем. Эпизод, таким образом, приобрел и комичный оттенок. Я дал собеседнику своего рода экспертное заключение.

Как известно, все дела путчистов затем были закрыты, а сами они, включая Крючкова, были выпущены на волю.

2

Знакомство с Горбачевым

На Пушкинской площади был сооружен помост у памятника Пушкину. Уже шла первая чеченская война, развязанная Ельциным и его

«лучшим министром обороны в мире», бездарным генералом Грачевым. «Яблоко» проводило митинг протеста. В списке ораторов числился и я. На помосте собралось свыше десятка человек. Среди них я увидел Горбачева.

Перед началом митинга Михаил Сергеевич стал обходить собравшихся на помосте и здороваться с каждым, глядя в глаза и пожимая руку. Дошла очередь и до меня.

Выступали и Горбачев, и Старовойтова, и Явлинский... Мне поручили произнести заключительную речь. Смолкнув, я отошел вглубь эстрады и оказался между М.С. и Г.В. Горбачев поздравил меня с удачным выступлением и опять пожал руку. Знакомство с бывшим Генеральным секретарем ЦК КПСС можно было считать окончательно состоявшимся.

И в этот момент неожиданно для меня самого вдруг на ум нашло нечто. Такие импровизационные выходы мне вообще-то свойственны. И я спросил: «Михаил Сергеевич, Вы читали агентурные записи моих домашних разговоров, передававшиеся Вам Крючковым через Болдина?» (Вторую фамилию – секретаря ЦК и помощника М.С. – я сейчас могу и перевернуть.) В ответ Михаил Сергеевич, ни на секунду не задумываясь, произнес самую, возможно, короткую и притом содержательную политическую реплику в своей жизни. Он сказал: «Да».

В дальнейшем я несколько раз имел случай пересечься с Горбачевым, и всегда это сводилось к тому, что он и я выступали в качестве гостей на съездах «Яблока».

Должен сказать, что с течением времени мое отношение к М.С. изменилось, притом к лучшему. Потеряв власть, он делал немало полезных вещей. Я был наслышан об интересных докладах и дискуссиях в его центре. М.С. превратился в критика руководства страны – ельцинского, что естественно, но в известной мере и путинского. Конечно, его суждения были чрезвычайно осторожными и ограниченными. Тем не менее он вел себя независимо. Он демонстративно старался поддерживать диалог именно с «Яблоком». Он пытался – безуспешно – создать некую ветвь социал-демократического движения в стране. И когда по моему почину (ниже расскажу об этом) в 1999 году было создано «Постоянное демократическое совещание», Горбачев вступил в его состав и однажды даже вел его сессию.

Обо всех тяжелых грехах своего перестроенного прошлого М.С. будет еще иметь возможность рассказать перевозчику в античное подземное царство. Когда-то приходилось резко оппонировать ему. После «сидения» в Форосе я даже опубликовал в «Литературной газете» целый подвал, в котором сделал попытку проанализировать двусмысленную роль М.С. в истории путча.

Теперь все осталось в прошлом. И, как никак, начиная именно с горбачевской «перестройки» и сноса берлинской стены, нужно датировать важнейшие перемены в истории России и мира. Насколько вынужденно или полусознательно он вел обнадеживающую линию, какие тут были смелые прорывы и откаты, об этом будут спорить историки.

Однако сейчас у нас есть более актуальные поводы для споров. Показательно, что по поводу 80-летия М.С. торжественно чествовали в Лондоне, а не в Москве. И это обстоятельство ему зачтется.

Помню, я был приятно поражен когда-то, увидев, как на телеэкране М.С. рекламирует пиццу, чтобы добавить гонорар к ресурсам своего Фонда. Это был изумительный поступок бывшего всемогущего Генерального секретаря ЦК КПСС, а ныне человека, высвободившегося из прежних психологических пут. Во всяком случае, высвободившегося в известной мере, потому что, когда я подошел к нему, чтобы искренне поздравить с необычным поступком, он нахмурился. Ему моя очередная выходка не понравилась. Может быть, он заподозрил в этих словах насмешливый подтекст? Но я был очень далек от этого и счел бы такой подтекст низким.

Мое сочувствие тому, кто, несмотря ни на что, вошел в мучительную историю России человеком, заслуживающим уважения. Роль его

была, мягко говоря, головоломной, крайне драматической, беспрецедентной. Горбачев справился с ней, как умел.

3

Трудный роман с «Яблоком». ***Григорий Алексеевич Явлинский***

Мне осталось вспомнить последний период своего посильного участия в политике. Это был «эпизод», длившийся почти десять лет. И вспоминать мне особенно нелегко не только потому, что тема сложна, но и потому, что я, честно говоря, никак не могу целиком отодвинуть ее в прошлое. Вроде бы все давно быльем поросло, но при плохой погоде суставы еще, бывает, ломят.

Если не ошибаюсь, после драматических событий 1993 года Григорий Алексеевич позвонил впервые и предложил свидеться. Так началось наше сотрудничество (или, если угодно, товарищество). Г.А. дал мне контактный телефон своего помощника, и я мог спустя час переговорить с ним в случае надобности. Но чаще звонил он сам и весело спрашивал: «Крупа есть?» – «Разумеется». Речь шла о гречке, которую я готовил особым способом, примешивая к каше помидоры, сладкий перец, слегка поджаренный лук, зелень и т.п. Это незатейливое угощение было ритуальной приправой к долгим и обоюдно откровенным разговорам. Я стал своего рода частным советником Г.А., – очевидно,

небесполезным, потому что каши за несколько лет было съедено изрядно. По-моему, помимо пользы дела и высоких политических материй, Г.А. мог у меня расслабиться и перевести, так сказать, дыхание. Нам было легко друг с другом. Мне нравилась простота его обращения и ухваток, вообще он сам – большой, уверенный, открытый.

Я много узнавал от него личного – и подчас он делился любопытнейшей информацией, которая не попадала в общий доступ. В те времена жена его жила в Москве, я мог позвонить и ей, она – умный человек, и мы, пожалуй, вполне нашли общий язык, хотя я так и не встретился с ней.

В течение второй половины 90-х и начала 2000-х мои политические интересы сосредотачивались на делах «Яблока», если не считать редких выступлений по «Свободе» и еще более редких по «Эху».

Я бывал непременно гостем на всех съездах «Яблока» в Подмосковье и на каждом из них выступал.

Желая более активно участвовать в делах партии, я как-то сказал Г.А., что был бы готов войти в Политсовет (стало быть, вступить в «Яблоко»!).

Г.А. промолчал.

Так что я, слава богу, остался пожизненно беспартийным.

Такой была внешняя линия отношений.

Слева направо: Г.А. Явлинский и А.М. Баткин

4

Кажется, самое важное и незаурядное, что мне довелось придумать, примерно, за год или полтора до прихода Путина – это «*Постоянное демократическое совещание*». Я уже и тогда, и в последние годы был особенно озабочен поисками каких-то форм сближения демократических (или даже околodemократических) сил.

Я предложил Г.А. собрать в одном зале представителей всех течений и оттенков движения, которое при всей своей привычной пестроте

и часто невнятности можно было бы считать нонконформистским и более или менее гражданским. Такое совещание следовало бы проводить – по его усмотрению – периодически. Каждая организация имела бы один голос, а председательствовали бы все по очереди. В случае достижения общего согласия («консенсуса») Совещание выступало бы с документом от имени всех его участников. При разногласиях соответствующий текст подписывали бы только конкретно поименованные участники. К нему можно было бы прилагать особые мнения. Для чего все это? Чтобы всегда была постоянная площадка для диалога. Чтобы разные мнения и позиции можно было увидеть в публичном и благожелательном сопоставлении. Чтобы иметь организационную мягкую форму контактов, которые при необходимости можно было бы легко сделать более подвинутыми. Эдакий «предпарламент».

Г.А. согласился, и люди «Яблока» под руководством М. Захарова принялись за организационные хлопоты, составление предлагаемых заявлений и т.п. В «Постоянное демократическое совещание» вошли почти все самые разные представители более или менее независимой общественной фауны – от группы М.С. Горбачева до «Союза потребителей». Двум людям, мне и Афанасьеву, были предоставлены отдельные голоса.

Прошло несколько заседаний, нелегких, но живых. Они были замечены обществом. После прихода к власти В.В. Путина самым очевидным образом эта умышленно гибкая форма координации могла бы не только пригодиться, но именно при новых обстоятельствах сыграть незаменимую роль. Но более «Постоянное совещание» не собиралось ни разу. Его никто не распускал, *просто оно растаяло*. «Яблоко» – его реальный организатор – вдруг впало в рассеянность... Вряд ли нынче кто-либо еще помнит об этой мимолетности, канувшей в Лету.

Считаю это одной из неслучайных и непростительных ошибок Григория Алексеевича Явлинского. Отсчет поведения «Яблока» в последующее десятилетие отчасти можно начать с этого грустного пункта.

5

Когда после Нового 2000 года Г.А. прилетел из Лондона, он решил первым делом поговорить со мной. Вечером он повез меня в одно из ближайших кафе на Миклухо-Маклая. В зале было совершенно пусто, если не считать охранника у входа. Мы ничего не заказывали и пробыли там не меньше двух часов.

Никогда, ни ранее, ни тем более позже, Г.А. не был так распахнут и серьезен.

Беседа была сугубо конфиденциальной, поэтому передавать ее я не вправе.

Позволю себе лишь сказать, что Г.А. обдумывал суть и стиль дальнейшего политического поведения и свои личные идейные и психологические ресурсы, которые для этого понадобились бы.

В декабре 2001 года состоялся очередной X съезд «Яблока». Я добрался на него на костылях (из-за сломанной ноги). В первый же день Г.А. предоставил слово мне как гостю съезда. Я не стану пересказывать свое выступление, текст его можно найти в Интернете. Как и многие сторонники «Яблока» (это отразилось в результатах ближайших выборов в Думу), я испытывал разочарование. «Яблоко» включало в свои ряды много достойных и способных людей, начиная со своего основателя и лидера. «Яблоко» было старейшей демократической организацией в стране и единственной незамазанной, с которой люди пытались связывать надежды на благие перемены. Но партия вела себя неровно и часто непоследовательно. Она старалась сохранить либеральное достоинство, но осторожничая и не теряя официального признания. Иногда возникало ощущение, что она сидит на двух стульях. То появляется на авансцене, то исчезает в тумане. Я не желаю превращать воспоминания в аналитическую статью и поэтому опущу аргументы.

Только один пример. В начале первой чеченской войны Г.А. решительно выступил против

нее. Но затем в течение двух лет не проронил по этому поводу ни слова. Это мог бы позволить себе публицист. Но не политик.

Возможно – и даже наверняка – я долго не решался додумать реальные человеческие возможности «Яблока» и ставил для него слишком высокую «романтическую» планку. Но больше ставить ее было не на кого – тем более, в те времена.

В своем выступлении я без обиняков критиковал пустые программные документы, представленные на утверждение съезда, вялость и рутинность активистов (сам Г.А. сказал о «привычке к теплым местам»), уклонение от критики внешней политики РФ и пр. Но наибольшее возбуждение вызвало мое заявление, что выдвижение в третий раз Г.А. на президентских выборах весьма нежелательно. Зачем ему превращать себя в «вечно непроходную» фигуру?

Г.А. – а ведь он, если заведется, прекрасный оратор, – горячо спорил со мной.

6

Спустя три года Г.А. пригласил в «Националь» десятка два известных людей для обсуждения за ужином того же вопроса – о четвертом теперь выдвижении его кандидатуры на президентских выборах. А также проблемы отношений с другими демократическими группами, несколько окрепшими в начале века.

И мне пришлось в очередной раз толковать о том же. Особенно о необходимости коалиции и согласованности на думских выборах, чтобы не дробить силы. Пионтковский, Акунин, Сорокина занимали примерно ту же позицию, что и я. Григория Алексеевича я заметно раздражал. Он был категорически против слияния с другими. Я заметил, что «мы говорим на разных языках». Я вовсе не помышлял о каком-то «слиянии». Но желал бы прекращения распрей, товарищеского тона и поиска каких-то инструментов для постоянных консультаций.

Мне приходится сообщить, что после неудачного ужина Явлинский перестал звонить и бывать у меня. И тем более приглашать на свои съезды. Мы не виделись с Григорием Алексеевичем лет девять. Не так давно, когда он многообещающе выступил на съезде «Парнаса», я передал ему просьбу позвонить. Я хотел поддержать его в этом пункте. Он, как всегда, был любезен и сказал (вопреки моей открытой констатации), что вовсе и не думал «порывать наши отношения». Я ответил: «Ежели так, пригласите меня на новый съезд». – «Конечно, обязательно». Но никакого приглашения, само собой, не было.

Я сам виноват. Неуклюжие попытки вернуться к давно законченному роману ничем хорошим не кончаются.

29-го июня 2012 года я перевалил через восьмидесятилетие. Григорий Алексеевич позвонил

и, не застав меня дома, оставил на автоответчике очень теплое поздравление.

Спасибо, Григорий Алексеевич, желаю Вам всяческих удач.

7

Безуспешная попытка воскреснуть

После прихода Путина в январе 2000 года я несколько раз выступил по «Свободе» с взволнованными и очень тревожными предупреждениями согражданам. В последующие годы изредка опять высказывался по радио по старой памяти. Хочу отдать дань дружеской памяти моему наиболее частому собеседнику Володе Бабурину, внезапно сторевшему от рака. Может быть, заслуживает быть выделенным выступление по приглашению Е. Яковлева в его постоянной рубрике – незадолго от его кончины. Несколько раз выступал в Сахаровском центре.

Но в активной политической деятельности больше практически не участвовал. Только транзистор продолжал лежать под боком, и я всегда был в курсе происходящего.

По сути, на этом можно бы поставить точку.

Однако события 2011–2012 годов пробудили во мне атавистические инстинкты. Я завел вдруг блог в «Гранях.ру», вступил в facebook и т.п.

Начался этот рецидив со статьи «Не пора ли проснуться?». Я направил ее – куда же еще? – в «Новую газету». Там ее затолкнули в сайт (кажется, 26 августа, в отделе «Мнения»). Вскоре она была перепечатана в «Сахаровском сборнике–2012», в моей подборке, под другим названием. Ее лейтмотив – возможности и необходимость создания максимально широкого оппозиционного «Народного фронта» – через две–три недели оказался в центре публичных дебатов. Но моя статья при этом никогда не упоминалась и не обсуждалась. Я же, признаться, придавал ей важное значение. И был разочарован – в первый, но далеко не в последний раз.

Рассуждая отвлеченно, я прекрасно понимал, что мои многолетние старания уйти в тень и заниматься только своими науками не могли не оказаться успешными. Меня кое-кто еще помнил из старших поколений, переживших перестройку, но для большинства мое имя уже ничего не значило. Попытка выглянуть из сусликовой норы и вновь подать голос была несколько бредовой. Но я не справился с собой.

Приближались президентские выборы 2012.

И я поймал себя на новый, очень проблемный крючок.

8

Крючок этот называется так: **Михаил Дмитриевич Прохоров.**

Внимательно изучив его программу, выступления с Рыжковым, Познером и многое другое, я пришел к следующим выводам.

М.Д. производит впечатление человека не только умного, но и прямого, не притворщика, его намерения серьезны, и обещания лишены малейшего оттенка популизма. Он очень честолюбив, не намерен быть игрушкой в чьих-то руках, а уж в его деловых способностях сомневаться не приходится. Короче, ему можно доверять. По-человечески я (если, конечно, немалый опыт не подвел меня) испытывал к нему симпатию и интерес. (Лично я с Прохоровым не знаком.)

Конечно, у него поначалу не было опыта публичного политика, не все его выступления получались удачно, и нелепая попытка возглавить давно разлагавшееся «Правое дело» обозлила и завела его не на шутку. Прохоров, несмотря на недоверчивость почти всех демпартий, быстро учился новому ремеслу. Я притом исходил из определенной логики и страшно обрадовался, когда в этом же логико-политическом ключе выступили, к сожалению, незамеченный блестящий гуманитарий Н. Копосов и – В. Буковский, которого не пропустили в «Эхо Москвы», но дали возможность опубликовать замечательную, остроумную и логически жесткую

статью на сайте (то есть на задворках) «Эха». Я оказался в небольшой, но хорошей компании.

Аргументация в пользу М.Д. изложена в моем блоге на «Гранях.ру» и особенно удачно и талантливо Владимиром Буковским. Здесь не место ее повторять, тем более что обстановка меняется и будет меняться. Недавнее создание «Гражданской платформы» и решение М.Д. полностью переключиться из бизнеса в политику заставляют внимательно следить за шагами новой партии. Я пока не тороплюсь вновь выступать в Интернете. Поглядим. Но я никому не советовал бы твердить старые пустые погудки о «казачке,сланном из Кремля». И браниться в адрес странного миллиардера (а заодно часто и в адрес Ходорковского, что уже не только глупо, но и гнусно).

М.Д., конечно, не «наш» человек. Он существует в ином и незнакомом нам мире. Он отдыхает в Куршавеле, который я не могу даже показать на карте. На здоровье! Он подчеркнuto избегает личных выпадов против В.В. Путина. Но притом то и дело утверждает, что Россия в тяжелейшем состоянии и что к рулю должны прийти новые люди. Что он желает жить в «другой России». Он лично заинтересован в серьезных переменах как бизнесмен новой складки. Ему тесно. Его предложения сводятся к тому,

что наш зависящий от власти «олигархический капитализм» должен сделать первые решающие шаги к превращению в капитализм современный и эффективный, не повязанный государством.

Прохоров тяготится неизбежной необходимостью осторожно оглядываться на правителей. Он никогда не врал, отвечая на трудные вопросы. Он часто намекал (не называя, естественно, имен), что перемен желало бы некоторое крыло среди тех, кто пока вписан в путинскую «вертикаль». Показательно, что о своей поддержке Прохорова заявили, если верить Интернету, такие киты крупнейшего капитала, как Дерипаска и Потанин. Возможно, русский капитализм вырастает из коротких штанишек.

Мне **сейчас** плевать на то, что собой представляют прочие миллиардеры. Но это подтверждает мнение, что «проект Прохорова» принадлежит *части* крупнейшей буржуазии. Если это так, то совершенно неважно и понятно, что они избегают прямых и личных столкновений с Путиным. У Прохорова свой стиль политического поведения. А у демократов – другой. Они не похожи, но они пересекаются. Речь не об очевидных отличиях линий Явлинского или Рыжкова от линии Прохорова, но о точках соприкосновения. Раскол верхушки бизнеса, по видимому, реален. Это отличный подарок для

либералов. Те демократические политики, которые не относятся к этому заинтересованно и широко, по-моему, плохие политики.

Кстати, Прохоров *лично* вряд ли совпадает со всеми другими участниками предполагаемого верхушечного пула. И «классовая» характеристика пула не должна механически переноситься на его привлекательный личный облик и здравые намерения.

Нетрудно понять, что избавление от авторитарной и полицейской вертикали сняло бы с крупных предпринимательских и финансовых тузов балахоны олигархов, как уже было сказано выше. Олигархия, как известно, это клановое слияние или взаимопроникновение капитала и власти. Теперь же означенные лица стали бы «просто» крупными капиталистами. Нашими сравнительно маленькими рокфеллерами и фордами. Да, с огромным влиянием на демократическое государство. Но влиянием все же лишь *в рамках* такого государства, государства «среднего класса». Настоящего среднего класса, а не (как у нас сейчас) его початков. Как в Штатах, где многие миллиардеры на выборах – в одной упряжке с нью-йоркскими либеральными интеллектуалами.

Для России союз либералов с частью капиталистических верхов – дело почти беспреце-

дентное, хотя даже у большевиков был, скажем, Морозов.

Но так уж теперь сложилось. Выход России из постсоветского болота может быть только *поэтапным*. Я всецело исхожу из этого. Об этом писал и М.Б. Ходорковский. Посему, если вообразить, что Прохоров добьется в обозримые сроки переломного успеха, мы получили бы пусть не ту вполне либеральную воображаемую Россию, появления которой многие желали бы, но при любом раскладе событий перешли бы *на принципиально иную и куда более обнадеживающую историческую стартовую площадку*. Демократам и либералам незачем просто поддакивать Прохорову, просто голосовать за Прохорова. Он сам не возражал бы против диалога, против критики. Если уж он пошел на такой жест, как звонок Буковскому! Политический диалог и спокойная критика, по-моему, нужны ради будущего, действительно модернизированного российского общества. Мы сделали бы *важный шаг к Европе*. Пусть шаг пока недостаточный.

А что получили бы в этом случае простые люди, «бюджетники», пенсионеры, рабочие? Заодно и простые профессора... Ведь это – главное. При настоящей свободной конкуренции цены снизились бы. При модернизации

заметно повысилась бы производительность труда. И соответственно повышение эффективности производства пришлось бы и можно было бы стимулировать повышением оплаты труда и уровня жизни. Не вмиг и через тысячу трудностей жизнь в нашей стране стала бы удобней и приятней. Не так, как в Европе, но все же более по-европейски. Объяснить это людям из «Гражданской платформы» будет очень не просто.

Это совсем не то, что обещать и обещать мизерное повышение зарплат и пенсий, которое будет съедено инфляцией. Повышение сначала нужно зарабатывать.

Почему я перед президентскими выборами считал разумным поддержать Прохорова? (После отстранения Явлинского, за которого я голосовал бы, останься он среди кандидатов.) Потому что при поддержке «Яблока», «Парнаса», «Солидарности» и др. – и только в этом случае – у Прохорова появились бы (конечно, все равно проблематичные, но все же практические) шансы обойти Зюганова и добиться *второго тура*. А уж во втором туре его силы явно возросли бы за счет протестного голосования.

Маловероятно? Да, но не скажешь, что невероятно.

А какие иные реальные варианты, собственно, были?

Хотя многие (особенно интеллигентные москвичи) голосовали за Прохорова, и он занял третье место, но ни одна демократическая партия или организация его публично не поддержала и голосовать за него не призвала. Я (и Буковский!) остались в разительном меньшинстве. Моя попытка политически воскреснуть провалилась. Лазаря из меня не вышло. Впрочем, и Христос в Россию давно не заглядывал.

Насчет меня – это, конечно, ерунда. Я был огорчен, но быстро вернулся к научным занятиям и взялся одновременно за настоящие заметки. Печально лишь то, что я не смог добиться возможности высказать свою холодно-рациональную точку зрения ни на «Эхе», ни на «Свободе», ни даже на «свободном месте» в Гранях.ру. Меня не допустили как сторонника Прохорова!

Печально это не для меня. Но для нашего политического здравомыслия. Как хорошо выразился В. Буковский, страстные демократы желали видеть в Прохорове (Буковский сказал это несколько другими словами) безупречного, близкого себе и родного человека, как будто речь шла о выборе жениха. А не волевого и *примлемого политика и союзника*. Союзника! Не свата и не брата.

Ведь пока задачи перед Россией стоят те же, что и сто лет тому назад, – довершение в мирных формах буржуазно-демократической революции. С социальным уклоном (желатель-

но, условно говоря, скандинавским, но пусть и американским). Разумеется, это было бы неожиданным (может быть, беспрецедентным) блокированием.

Притом нужны прежде всего мужество и трезвость, чтобы признать: обнадживавшие всплески гражданской активности 2011–2012 годов кончились полным поражением. Сами по себе митинги и гуляния по бульварам ничего изменить не могут. С таким выводом мало кто из протестантов пожелает согласиться. Но придется. Конечно, это поражение до поры до времени, однако нужно *скорее и радикально менять структуру, формы и стиль политического поведения*. Я пока не вижу у нас лидеров, на это способных. Значит, рано или поздно придут новые лидеры.

После выборов Прохоров восемь месяцев в основном отмалчивался. Он не вполне понимал, что делать дальше. Он думал. Это более чем понятно, но отбросило его влияние назад. Он медлил *слишком* долго, непростительно долго. Пришлось начинать все сизнова. Он допустил одно или два неудачные (или неясные) высказывания. И принял, в конце концов, решение стать лидером новой партии и – уйти от непосредственного участия в бизнесе, целиком погрузиться в политику. Это очень важное и неожиданное решение. Я отношусь к нему серьезно. Я считаю это наиболее существенным политическим событием последних месяцев.

Но я хочу дождаться следующих конкретных шагов. Заявление о желательности превращения национальных автономий в обычные губернии и об укрупнении последних – крайне неосмотрительно и неуместно *в данный момент*, слишком «теоретично». Более того, оно пахнет кровью. И как минимум заставит отвернуться от Прохорова население национальных республик. Оно станет разумным лет через пятьдесят, когда татарам, например, будет безразлично, живут ли они в своей республике или в Казанской губернии. Нельзя начинать с таких провоцирующих шагов. Это грубая ошибка.

Меня шокирует состав комитета его сторонников на учредительном съезде. Совет целиком состоит из популярных лиц шоу-бизнеса, театра и телевидения. Можно относиться к тем или иным из них по-разному. Но эти популярные среди телезрителей люди – никакие не политики. Я не имею ничего против любого из них. Но собранные гурьбой они в целом являют анекдотический вариант политического руководства партии. Это хорошее шоу, но причем здесь политика?

Надеюсь, М.Д. Прохоров прекрасно понимает, что в эту реку он входит в третий раз, и ошибаться нельзя. Четвертого раза не будет.

Зато удачна мысль о двух концентрических кругах, то есть членов ГП – и ее «сторонников», желающих сохранить дистанцию между ГП

и собою. На каком реальном и гибком уровне удастся (если удастся) это осуществить? Удачен замысел «теневого правительства». Если только в него войдут не телезвезды...

Я по-прежнему упрямо не считаю, что ошибся в М.Д. Но поглядим.

Все зависит от того, переменит ли оппозиция рутинное, негибкое и ложное представление о М.Д. (Пока что ничего похожего не видно.) И от того, насколько взвешенными будут шаги самого М.Д. Обеим сторонам нужно начать переговоры.

Единственный просвет при сплошной облачности.

Показательно, что к Прохорову присоединился В. Рыжков, самый прагматичный и гибкий из знакомых нам демократических лидеров. Я очень его ценю – и рад этому (конечно, продуманному им) шагу. Тандем Прохоров – Рыжков? Всерьез и надолго? Это нечто новое. И если к тому есть формальные препятствия, то их необходимо – так или иначе – преодолеть.

9

Я неосмотрительно вышел за границы воспоминаний и очутился в туманной сфере надежд и предчувствий. Хотя я, наверно, буду с упрямством старого петуха, пока еще есть какие-то силы, иногда кукарекать.

Я обещал в начале «Эпизодов» сформулировать какие-то «уроки» небольшого личного

политического опыта. А теперь не хочется выполнять обещание.

Читатели и сами рассудят.

Если же выразиться в нескольких фразах: кое-что из того, что вчера было невозможным и сегодня по-прежнему кажется невозможным (или, скажем так, маловероятным) – нашими обдуман-ными усилиями все же часто осуществляется. В политике нужно крепко стоять на земле, но для чего? Только для следующего шага. Или сразу двух шагов? Двигаться в направлении к тому, чего пока в реальности нет. Так я сам пытался, как умел, поступать в эпизодах с «Московской трибуной», майским митингом 1989 года или «Постоянным демократическим совещанием».

Слияние расчетливости и воображения.

Скажем так: *своего рода интуиция кануна (следующего этапа борьбы).*

Если политика ради возможного, то есть ради уже допустимого и наличествующего, к чему тогда ей «искусство»? Или речь идет об осмотрительном, ловком оппортунизме? Таких искусных политиков – толпы и толпы. А наособицу еще и симпатичная кучка подслеповатых мечтателей.

Нет уж. Не то и не другое.

Большая политика – это искусство невозможного.

Вместо заключения

В данном случае «вместо» имеет не обычное значение замены развернутого текста чем-то сжатым. Нет, тут другое. Вместо заключения, которое было бы уместно к воспоминаниям об *общественных* впечатлениях и делах, мне сейчас вдруг захотелось выйти за пределы таких воспоминаний и нарушить данное в самом начале торжественное обещание не примешивать к ним ничего интимного.

Все, теперь эта книжка позади, и почему бы мне не почувствовать себя находящимся за пределами ее непосредственной темы и материала.

У харьковской поэтессы Марлены Рахлиной, с которой мы дружили, есть чудесное и мудрое стихотворение, очень давно пришедшее по душе, но достаточно понятное мною только к восьмидесятилетию.

Оно без названия. Я приведу его без всяких комментариев.

*Мой друг, какой позор – быть вечно юным!
Пора, мой друг, состариться, пора.
Душе – спустить натянутые струны,
Уму – спустить безумье со двора.*

*Не бог-то весть великие находки –
Печальный смех и прошлогодний снег!
Пора утяжелить свою походку,
Сбить пар, убавить пыл, замедлить бег.*

*Пора писать не главы – примечанья,
Пора увековечивать житье.
Мой друг, к чему нам жизнь без окончанья?
Начало – помнишь – было у нее.*

*Ты погляди, старик. Сам Бог смеется,
Что даже старость нам не удастся.*

Воспоминания написаны в конце сентября –
начале декабря 2012 года.

P.S.

Размышления на московском перекрестке

*Направо пойдешь – коня потеряешь.
Налево пойдешь – без меча останешься.
Прямо пойдешь – сам пропадешь.
Сказочная свобода выбора!..*

Потерять коня –
 возможность передвижения,
Способность начинать все сызнова.
Остаться и состариться
На том же родном и окаянном месте,
И всю жизнь видеть в окне одно и то же,
Слышать одно и то же,
А перед сном вздыхать и ворочаться.

Собственно, я не прирожденный наездник.
Засидевшись у друзей в новогоднюю ночь,
Как бы приветливая хозяйка не предлагала
Вздремнуть до утра на диване,
Я предпочитаю подхватить такси
И добраться до собственной постели.

Но неужели дни,
Набрякшие раздражением,
Пропахшие лекарствами,
Так и стекнут через капельницу?

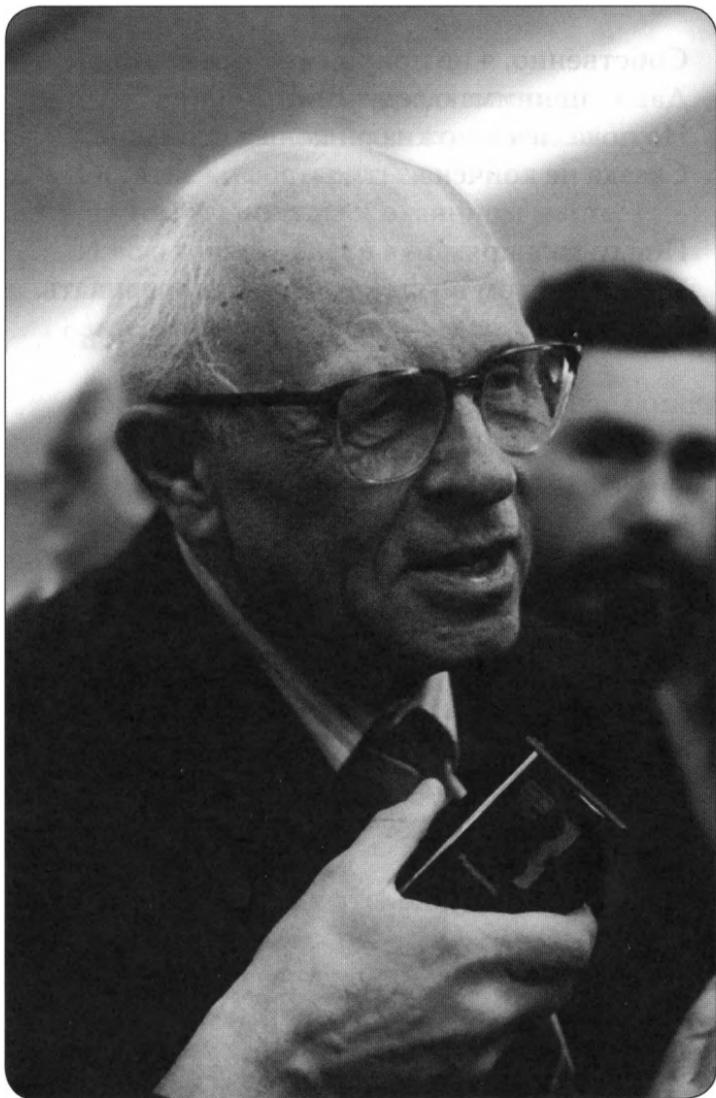
Потерять меч –
Смириться окончательно,
Лгать другим и себе,
Тихо околеть посреди личной жизни
И успехов в труде.

Ах, Боже ты мой, это скверная выдумка!
Оставьте мне право на самоуважение.

Собственно, я не прирожденный вояка,
Давно принимаю седуксен.
Но пока меч в ножнах и конь в стойле –
Сказка не кончена.

Пойду-ка я прямо.
Я уже не в том возрасте, чтобы сворачивать.

1982 г.

*Академик А.Д. Сахаров дает интервью
на конференции АН СССР
(РИА Новости)*

Указатель имен

А

Аденауэр [Конрад] 193
Аксенов Василий, Вася 97,
99, 103, 104, 107
Аксючиц [Виктор] 169
Акунин Б[орис] 87, 234
Алексеева Людмила 58, 59
Альтшуллер Борис 111
Ананьев [Анатолий
Андреевич] 134, 135
Андропов [Юрий
Владимирович] 60
Аристотель 30
Арсеньев [Анатолий
Сергеевич] Толя 44, 48,
52
Асмус [Валентин
Фердинандович] 51
Афанасьев Юрий
Николаевич 94, 95, 120,
121, 123, 124, 125, 126, 135,
136, 148, 149, 150, 151, 152,
153, 154, 155, 172, 175, 178,
180, 183, 184, 185, 205, 206,
215, 223, 230
[Афанасьева] Нелли 150
Ахеджакова Л[ия] 87
Ахмадулина Белла 99, 103,
104
Ахутин [Анатолий
Валерианович] Толя 44,
45

Б

Бабурин Володя 235
Барг [Михаил Абрамович]
94
Баткин Леонид Михайлович
27, 35, 37, 44, 75, 95, 121,
125, 152, 156, 196, 208, 214,
219, 229
Баткин Михаил Яковлевич
21
Баткина Евгения Яковлевна
21
Бах 46
Бахтин 38
Баяндур Анаит 142
Белов [Василий Иванович]
149
Белль Генрих 107
Бессмертный Ю.Л. 93
Библер В.С., Володя 44, 47,
48, 49, 50, 52, 150, 184, 188,
191
Битов А. 110
Боксер В[ладимир] 169,
178, 179, 180, 183
Болдин [В.И.] 224
Болдырев Ю[рий] 206
Боннэр Елена Георгиевна,
Е.Г., Люся 42, 66, 67, 72,
121, 122, 124, 125, 140, 160,
161, 172, 184, 204, 215, 216,
218, 220, 221

Бор Нильс 150
Борисов [Олег] 87
Брагина Лидия
 Михайловна, Л.М. 73,
 74, 75
Брежнев Леонид Ильич 29
Брон Борис Исаакович 18,
 19
Броневой Л.С. 86
Брусилковский [Анатолий]
 30
Буковский Владимир 193,
 237, 238, 241, 242
Бурбулис Геннадий 173,
 185, 189
Буртин Юрий Григорьевич,
 Ю.Г. 85, 183, 184, 189, 190,
 191, 192

В

Вайнштейн 18
Валленберг Рауль 197
Васильев [Л.С.] 132
Васильев Ю. 135
Велихов [Евгений
 Павлович] 160
Венедиктов А[лексей] 170
Веске Т. 24
Ветров Боря 29, 30, 36, 37
Владимов [Георгий] 110
Вознесенский Андрей 104
Володарский [В.М.] Сева
 73, 74, 75
Вольский [А.И.] 162
Ворошилов 143
Высоцкий В. 42, 99

Г

Гайдар Егор 181, 184, 186,
 187, 197, 202
Гайдук Виктор 137, 138
Галич А. 42, 43, 44, 45
Ганопольский Матвей 170
Гарен Э. 73
Гдянь Тельман 215
Гегель 30
Гениева Е[катерина] 177
Герстенмайер Ирина-
 Корнелия 193, 194
Герцен [А.И.] 70
Гефтер М.Я. 38, 123
Гинзбург Евгения
 [Соломоновна] 97
Гинзбург Лидия Яковлевна
 88
Глазьев Юрий 57, 58
Глушковский А. 21
Гозман А[еонид] 127
Голомшток Игорь 77, 78,
 223
Горбачев Михаил
 Сергеевич, М.С. 7, 25,
 120, 124, 129, 132, 136, 140,
 141, 155, 156, 157, 166, 169,
 181, 204, 213, 216, 217, 223,
 224, 225, 226, 227, 230
Горенштейн Фридрих 95,
 96, 118
Грачев [П.С.] 224
Гращенков 75
Григорович (Монгайт)
 Валентина Григорьевна,
 В.Г. 41, 88
Гундяев [патриарх Кирилл]
 81

- Гуревич А.Я., Арик 46, 47, 92, 95, 150
- Д**
- Данилова И. 150
Даниэль Юлий, Юлик 77, 79, 85, 86, 89
Данте 16, 176
Денисенко Белла 183
Дерипаска [Олег] 239
Дидро Дени 177
- Е**
- Ельцин Борис Николаевич, Б.Н. 131, 166, 169, 173, 180, 181, 185, 189, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 211, 212, 220, 221, 223
Ельцина Наина Иосифовна, Н.И. 210
Ерофеев Виктор, Витя 97, 105
Есенин-Вольпин 61
- Ж**
- Жаворонков Г. 121
- З**
- Захаров М. 230
Зоркая Нея [Марковна] 64
Зубов А. 140, 161
Зюганов [Г.А.] 212, 242
- И**
- Иванов Вячеслав Всеволодович 88, 102, 150
Иванов [Николай] 215
- Иванова Наталия 208, 209
Игрунов 130
Искандер Фазиль 96, 103, 104
- К**
- Каждан А.П. 41
Казаков Юрий 111
Карабчиевский Юрий Аркадьевич, Юра 47, 50, 52, 103, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115
Кара-Мурза В[ладимир] 19
Кармен Роман 103
Карпинский Лен 121
Карякин Ю. 121, 125, 126
Каспаров Гарри 190
Ким Юлий 196
Клямкин И.М. 190
Ковалев С.А. 133, 174
Константин [император] 81
Константинов [Илья] 169
Копелев Лев 89
Копосов Н. 237
Коржавин Наум 65
Корзун С. 170
Корниенко 36, 37
Коротич [Виталий] 207
Крючков [В.А.] 165, 222, 223, 224
Кудрявцев [Владимир Николаевич] 156
Кун 14
Куркова [Бэлла] 144
Кучеренко [Э.И.] 92

Л

Ле Гофф 93
Левада Юрий
 Александрович 88
Ленин (Ульянов-Ленин)
 Владимир Ильич 8, 79,
 80, 81, 82, 83, 84
Лермонтов 14
Либкнехт Вильгельм 32
Лигачев [Е.К.] 7, 124
Липкин Семен Израилевич,
 С.И. 99, 102, 103, 104
Лиснянская Инна 102, 103
Листьев В. 144
Литвиненко [Александр]
 146, 147, 148
Литовкин [Виктор] 159
Логвинова 28, 29, 34
Лотман Юрий Михайлович
 88
Лужков [Ю.М.] 169
Любарская Галя 195, 196,
 197
Любарский Кронид 91, 192,
 195, 196, 197, 212
Любимов Ю. 87
Люблинская Александра
 Дмитриевна 76

М

Макашов [Альберт] 202
Макогонов Володя 165,
 168, 170, 171
Максакова [Людмила] 99
Мандельштам 114
Манн Томас 133
Маркс 34, 80
Матвеева Новелла 43

Мелетинский Е. 150
Мессерер Борис 103, 104
Мигранян А. 127
Миллер Лариса 111
Милошевич 157
Минц Марк 120
Мирошников Иван
 Яковлевич 20
Михник Адам 137, 208
Млечин Леонид 159
Монгайт Александр
 Львович, А.А. 40, 41, 42,
 44, 45, 66
Мордюкова [Нонна] 134
Мориц Юнна 134, 135
Морозов [Савва] 241
Мотя [внук А.Д. Сахарова]
 68

Н

Нарышкин С. 26
Нахабин 33, 34
Невзлин 153
Неизвестный Эрнст 46
Некрасов 7
Некрич 44
Нестеренко Юрий 28, 29,
 30, 33, 34, 37
Никон [патриарх] 81

О

Окраинец Инна
 Александровна 90, 91,
 174, 194, 200
Окуджава Б. 42
Орлова 89

П

Павел Первый [император] 87
Пастернак 83
Паустовский 111
Петр Великий 8, 211
Печуро Евгения
Эммануиловна 39, 40, 41, 59
Пионтковский [Андрей] 234
Писарев [Дмитрий] 82
Пияшева [Людмила] 122
Победоносцев 81
Познер [Владимир] 237
Полторанин [Михаил] 205, 206
Померанц Григорий 49
Пономарев Лев 178, 180
Попов [Гавриил] 130, 135, 136, 205, 206
Попов Евгений, Женя 97, 105
Поскребышев 93
Потанин [Владимир] 239
Прохоров Михаил
Дмитриевич, М.Д. 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246
Пугачев [Емельян] 79
Пугачева Алла 99
Путин Владимир
Владимирович, В.В. 93, 117, 145, 229, 231, 235, 238, 239
Пушкин 198, 200, 223
Пятигорский Александр
Моисеевич, А.М. 77, 78

Р

Рабин О.Я. 47
Райцис [Владимир Ильич]
Володя 76
Рахлина Марлена 79, 248
Робеспьер 83
Розанова Мария, Маша 89, 137, 198, 199, 200, 201
Розовский Марк 98
Рост Юрий 219, 220
Руссо Жан-Жак 69, 176, 177
Рутенбург Виктор
Иванович, В.И. 75
Руцкой 175, 202, 211
Рыжков В[ладимир] 237, 239, 246
Рязанов Э[льдар] 87

С

Сагдеев Р.З. 127
Садовский Георгий
Николаевич, Жора 28, 29, 30, 31, 37
Салье Марина 183
Сахаров Андрей
Дмитриевич, А.Д. 40, 42, 51, 53, 57, 58, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 111, 115, 116, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 130, 131, 132, 136, 140, 142, 160, 161, 162, 163, 172, 181, 182, 189, 204, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 25
Селюнин 122
Синявский Андрей 73, 77, 79, 89, 137, 198, 199, 200, 201

- Скляров Юрий 37
Смирин Витя 48
Смоктуновский И.М. 87
Согрин [Владимир
Викторович] 92
Солана Хавьер 159
Солженицын Александр
Исаевич, А.И. 62, 194-
195, 196, 198
Солженицына Наталия
Дмитриевна, Н.Д. 195,
196
Соловей Елена 96
Сорокина С[ветлана] 87,
234
Софронов [Анатолий] 207
Слоним [Мария Ильинична]
Маша 169
Слюсарский 20
Сталин 20, 25, 42, 80, 81, 84,
87, 207
Станкевич Сергей 93
Старовойтова Галина
Васильевна, Галя 137,
138, 139, 140, 141, 142, 143,
144, 161, 162, 163, 172, 175,
182, 224
- Т**
Тарковский Арсений
Александрович 88
Тельня Людмила 192
Тер-Петросян Левон 141,
142
Тимофеев Лев 184
Тимофей, поп 27
Тойнби [Арнольд Джозеф]
93
- Тольятти [Пальмиро] 138
Тростников В. 105
Троцкий 8, 83
Туманова Лина Борисовна
44, 49, 51, 52, 53
Турчин Валентин, Валя 40,
53, 54, 55, 61, 63, 64, 65
- У**
Уварова Ирина 86
Удальцова [Зинаида
Владимировна] 94
Уитмен 114
Урнов М[арк Юрьевич] 140
Успенский Б[орис
Андреевич] 150
Уэллс Герберт 82
- Ф**
Филатов С. 74
- Х**
Хазанов Б[орис] 195
Хасбулатов [Руслан] 180,
202
Хейфец Леонид 87, 95, 96,
177
Хлодовский Р.И. 74
Ходорковский Михаил
Борисович 153, 154, 238,
241
Хрущев Никита Сергеевич
24, 25, 26, 32, 34, 120
- Ц**
Ципко А[лександр] 137
Цириня 90, 91, 92

Ч

Чайковская Ольга 111
Черномырдин [В.С.] 186
Чернышевский Николай
Гаврилович 7, 10
Чехов 201
Чистозвонов 74
Чичибабин Борис, Чича 30,
46, 79, 85
Чубайс [А.Б.] 181, 186
Чудаковы 88
Чурикова И[нна] 87

Ш

Шаталин [Станислав
Сергеевич] 124
Шатров [Михаил] 112
Шахрай [С.М.] 179
Шейнин Лев 216
Шиханович [Юрий
Александрович] 90, 92
Шмелев [Н.П.] 122
Шрагин Борис 57, 58, 64
Штекли 92
Штольц 196
Щедрин [Родион] 87

Э

Эйнштейн 69
Эйхенбаум 14
Энгельс 80

Ю

Юшенков Сергей
Н[иколаевич] 144, 146,
147

Я

Явлинский Григорий
Алексеевич, Г.А. 87, 128,
189, 224, 227, 228, 229, 231,
232, 233, 234, 235, 239, 242
Яковлев Александр
Николаевич, А.Н. 129,
140, 150, 156, 157
Яковлев [Егор
Владимирович] 136, 137,
235
Якунин Глеб 178
Янковский [Олег] 69

Оглавление

Несколько вступительных слов	7
<i>Глава первая</i>	
Начинаю «оглядываться окрест себя»	13
<i>Глава вторая</i>	
В Харьковском институте искусств	28
<i>Глава третья</i>	
Первые двадцать лет в Москве	39
<i>Глава четвертая</i>	
Перестройка и немного после нее (1988–1993)	120
<i>Глава пятая</i>	
Под занавес (1993–2012)	222
Вместо заключения	248
Указатель имен	253

Литературно-документальное издание

Баткин Леонид Михайлович

ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Ираида Кускова*

Корректор *Вадим Чернеев*

Верстка и макет *Евгений Янович*

Технический редактор *Евгений Янович*

Обложка *Антонина Байдина*

Налоговая льгота -

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,

по вопросам реализации 8-985-427-9193

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете:

<http://www.novhron.info>

Подписано к печати 19.03.2013

Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1

Печать офсетная. Усл.-печ. л. – 8,25

Тираж 2000 экз. Заказ № 436

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Тел.: 8(8352)28-77-98, 57-01-87

Сайт: www.volga-print.ru

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

9 785948 812120

В 2012 году вышли в свет:

В серии ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА:
история России в воспоминаниях дневника, письмах

Н.А. Морозова
МОЕ ПРИСТРАСТИЕ К ДИККЕНСУ
Семейная хроника XX века.
Формат 84x108/32. 352 с., ил.: ISBN 978-5-94881-170-3

Д.С. Комиссаров
ЧЕЛОВЕК, УМИРАВШИЙ ТРИЖДЫ
Воспоминания востоковеда
Формат 70x90/16, 456 с., ил.: ISBN 978-5-94881-169-7

И.С. Розенталь
ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ
Формат 84x108/32, 320 с., ил.: ISBN 978-5-94881-134-5

Н.А. Друян
ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ...
Формат 84x108/32, 144 с., ил.: ISBN 978-5-94881-200-7

Нина Воцинникова

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ НА ФОНЕ ДВУХ ЭПОХ
Формат 84x108/32, 200 с., ил.: ISBN 978-5-94881-186-4

«ПИСЬМА – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ...»

Из переписки Семеновых-Тян-Шанских
и сестер А.П. и В.П. Шнейдер

Формат 70x90/16, 680 [32] с., ил.:
ISBN 978-5-94881-189-5

Н.С. Беглова

МОСКОВСКАЯ СЕМЬЯ РЯЗАНСКОГО РАЗЛИВА
Формат 84X108/32, 342 [40] с., ил.:
ISBN 978-5-94881-196-3

Р.Х. Кузнецова

УНЕСЕННЫЕ ЗА ГОРИЗОНТ
Формат 84x108/32, 640 [32] с., ил.:
ISBN 978-5-94881-133-8

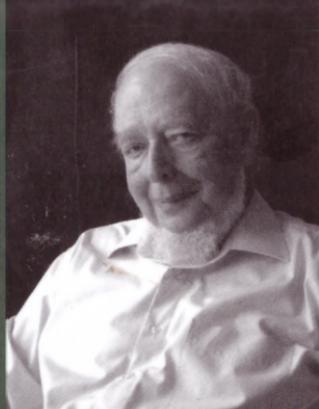
**Издания
Нового Хронографа
можно приобрести в магазинах:**

в Москве:

- «Библио–Глобус» – ул. Мясницкая, 6, тел. (495) 924–46–80
Галерея книги «Нина» – ул. Бахрушина, 28, тел. (495) 959–20–94
«Гилея» – Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея
современного искусства), тел. (495) 925–81–66
«Москва» – ул. Тверская, 8, тел. (495) 629–6483, (495) 797–87–17
«Московский Дом книги» – ул. Новый Арбат, 8, тел. (495) 789–35–91
«Молодая гвардия» – ул. Большая Полянка, тел. (495) 238–50–01
«У Кентавра» – РГГУ, ул. Чайнова, д.15, тел. (495) 250–65–46
Книжный киоск изд-ва «РОССПЭН» (Институт российской истории) –
ул. Ульянова, д.19, тел. (499) 126–94–18
«Книжная лавка обществоведа» (ИНИОН) – Нахимовский пр. 51/21,
тел. (499) 120–30–81
Книжный киоск «Русская деревня» – Глинищевский пер., д. 6,
тел. (495) 650–60–31
Книжный магазин «Циолковский» – Новая площадь, д. ¾, пд. 7д,
тел. (495) 628–64–42
«Книжная лавка историка» (РГАСПИ) – ул. Большая Дмитровка, д. 15,
тел. (495) 694–50–07
«Фаланстер» – М.Гнезниковский пер., д. 12/27, тел. (495)629–88–21

в Санкт–Петербурге:

- «Академкнига» – Литейный пр., д. 57, тел. (812) 230–13–28
«Вита Нова» – Менделеевская линия, 5, тел. (812) 328–96–91
Киоск в Библиотеке Академии наук – ВО, Биржевая линия, 1
«Книжная лавка писателей» – Невский пр. 66, тел. (812) 314–47–59
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке –
Садовая ул., 20; Московский пр. 165, т. (812) 310–44–87
«Книжный окоп» – Тучков пер., д. 11/5 (вход в арке), т. (812) 323–85–84
«Книжный салон» – Университетская наб., 11 (в фойе филологического
факультета СПбГУ), тел. (812) 328–95–11

В этой книге — известный историк, публицист, общественный деятель рассказывает о том, что было важным в его общественной жизни, о чем в состоянии рассказать только он. «Эти подробности, однако, могут оказаться любопытными даже в историческом плане». И это так. В 1988–1991 гг. он был одним из руководителей «Московской трибуны», в 1990–1992 гг. участвовал в деятельности движения «Демократическая Россия». Предназначается всем, кто способен думать и анализировать.